

С.С. Ваулина

**Эволюция средств
выражения модальности
в русском языке
(XI – XVII вв.)**

С. С. Ваулина

ЭВОЛЮЦИЯ
СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(XI—XVII вв.)

Монография

Репринтное издание

УДК 811.161.1'37''10/16''(081)

ББК 81.411.2я44

В218

Ваулина, С. С.

В218 Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.) : монография / С. С. Ваулина. — Ре-
принтное издание. — Калининград : Издательство БФУ
им. И. Канта, 2025. — 160 с.

ISBN 978-5-9971-0982-0

Переиздаваемая монография представляет собой концепцию языковой модальности как широкой функционально-семантической категории, смысловое наполнение и иерархия значений которой определяются двуаспектностью предложения, его номинативным (пропозициональным) и коммуникативным (прагматическим) аспектами. Концепция подтверждается исследованием масштабного по объему и хронологическому охвату (с XI по XVII век) диахронического языкового материала с точки зрения эволюции и динамики средств выражения предметной (ситуативной) модальности как значимого фрагмента категории модальности.

Приурочена к юбилею автора — профессора С. С. Ваулиной и представляет интерес для филологов, лингвистов, историков языка, студентов и аспирантов, исследователей категории модальности и почитателей научных, профессиональных и человеческих талантов Светланы Сергеевны Ваулиной.

УДК 811.161.1'37''10/16''(081)

ББК 81.411.2я44

ISBN 978-5-9971-0982-0

© Ваулина С. С., 2025

© Оформление, БФУ
им. И. Канта, 2025

**ЭНЕРГИЯ ЛЮБВИ НЕПОБЕДИМА:
В ПАМЯТЬ ОБ УЧЕНОМ,
НАСТАВНИКЕ, РУКОВОДИТЕЛЕ
(вместо предисловия)**

Это уникальное издание — репринт монографии замечательного человека, известного ученого, удивительной женщины — заслуженного деятеля науки Российской Федерации, с 2001 по май 2024 года бессменного председателя диссертационного совета Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, профессора, доктора филологических наук Светланы Сергеевны Ваулиной, трагически и внезапно ушедшей из жизни 15 мая 2024 года.

Уникальность издания определяется сразу несколькими обстоятельствами.

Во-первых, монография «Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.)» увидела свет в далеком 1988 году и ознаменовала оживление и развитие целого научного направления — изучения языковой модальности в функционально-семантическом аспекте (в русле научной школы профессора А. В. Бондарко) на диахроническом материале (таких исследований на тот момент практически не было, за редким исключением). В докторской же диссертации с одноименным названием, блестяще защищенной в 1991 году в Ленинградском государственном университете, Светлана Сергеевна обосновала концепцию языковой модальности как широкой семантической категории, структурно-содержательный объем и функциональная иерархия значений которой определяются смысловой двуаспектностью предложения, а именно — его номинативным (пропозициональным) и коммуникативным (прагматическим) аспектами. Такой исследовательский подход убедительно был доказан автором на масштабном по объему и хронологическому охвату

диахроническом языковом материале. По сути, с этого момента был дан старт дальнейшему развитию исследований модальности и на этой основе — формированию калининградской научной школы под руководством профессора С. С. Ваулиной, а сам научный подход нашел поддержку у специалистов, изучающих модальность как в диахронии, так и в синхронии русского и других языков. Известнейшие в стране и за ее пределами ученые-модалисты были постоянными участниками научных форумов, которые организовывала в Калининграде Светлана Сергеевна. Всех назвать в рамках жанра предисловия невозможно, однако упоминание профессоров А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой, Т. В. Шмелевой, Л. П. Дроновой, Н. Ю. Павловской, Х. Р. Мелига, посвященных в проблематику, много скажет и об уровне конференций, и о степени признания калининградской школы модальности в научном мире.

Сейчас монография стала почти раритетом, поэтому ее своеобразное переиздание — важный и полезный шаг для исследователей и широкого круга интересующихся темой модальности.

Во-вторых, 30 сентября 2025 года исполняется 80 лет со дня рождения Светланы Сергеевны и исполнилось бы 55 лет со дня ее работы в университете, ставшем для нее не вторым, а поистине первым домом, семьей, а не просто местом работы. И приуроченные к таким датам конференции, сборники, иные научные издания — сложившаяся теплая академическая традиция. Такие конференции проводились, а сборники статей издавались в университете к каждой знаменательной дате, связанной с профессором С. С. Ваулиной: в 2005, 2010, 2015, 2020 годах. Эту добрую научную традицию коллеги и ученики приняли решение поддержать и в 2025 году.

Наконец, это, конечно, дань памяти. И выражение бесконечной благодарности и уважения. До сих пор невозможно осознать, что больше не услышать «ваулинские» коронные, уже ставшие крылатыми в кругу коллег и учеников фразы: «Ну есть же грани!», «Чтобы была культура и не было измены» и многие другие...

Но главная уникальность этого издания, безусловно, — в масштабе личности автора. В ее судьбе много того, что оксюморонно можно назвать закономерными случайностями, но при попытке описать достижения Светланы Сергеевны приходит осознание, как много определяет масштаб самой личности.

Уже сама дата рождения, 30 сентября 1945 года, год великой Победы — в чем-то обусловила «победоносность» жизненного, профессионального, научного пути Светланы Сергеевны — вопреки сложным обстоятельствам, которых было немало. Трудное после-

военное детство в семье с тремя детьми, решение поступать после школы в университет вдали от родного дома (в Калининградской области на тот момент был только педагогический институт), довольно ранний уход из жизни родителей, ранняя самостоятельность...

Блестяще, с отличием окончив филологический факультет Воронежского государственного университета, не побоявшись трудностей, смело отправилась она преподавать русский язык и литературу на юг Узбекистана, в г. Термез. Сложности бытового обустройства на новом месте, в инокультурной среде не помешали молоденькой учительнице снискать любовь и уважение учеников, коллег-учителей и всего местного сообщества, что тоже было непросто.

С 1970 года жизнь Светланы Сергеевны неразрывно была связана с университетом, сначала с Калининградским государственным (с 1966 года), затем с Российским государственным имени Иммануила Канта (с 2005 года), в настоящее время — с Балтийским федеральным имени Иммануила Канта (с 2010 года), в котором она прошла, как говорится, всю цепочку становления: от ассистента кафедры русского языка, начав вести занятия на рабфаке, до профессора, заведующего кафедрой истории русского языка и сравнительного языкознания. Не на каждом филологическом факультете классических университетов того времени была кафедра истории языка, именно под руководством С. С. Ваулиной в Калининграде был сформирован один из сильнейших в стране коллективов филологов — историков языка: профессора А. А. Дубяго и Р. В. Алимпиева, доцент Т. Ф. Кузенная и др. Особую роль в жизни Светланы Сергеевны сыграла Роза Васильевна Алимпиева, блестящий знаток исторической фонетики и грамматики, поддерживавшая пришедшего на кафедру в 1970 году молодого специалиста, укрепившая в ней интерес к истории русского языка, к сравнительному языкознанию, к науке в целом. Это была настоящая дружба, партнерство разных по характеру талантливых людей, которое подарило поколениям их учеников радость общения с ними и определило судьбу многих. Активный коллектив быстро стал заметен на национальном уровне, и гостями кафедры на интересных научных симпозиумах были великие лингвисты —истики языка профессора В. В. Колесов, Г. А. Хабургаев, по учебникам которых учились и учатся многие поколения студентов-филологов. В деле становления и развития во многом уникальной кафедры истории языка справедливым будет вспомнить как минимум двух надежных помощников Светланы Сергеевны, связанных с ней по жизни узами не только профессиональными, но и дружескими. Это методист кафедры, позднее — зав. кабинетом кафедры Р. Х. Сокулина,

путь которой в университете начался с того момента, когда Римма Хамитовна стала студенткой рабфака, а Светлана Сергеевна пришла к ним на курс преподавать в первый свой год работы в Калининграде; и В.Н. Федотова, которая в качестве одного из руководителей рабфака помогала молодому специалисту С.С. Ваулиной, а потом пришла вслед за ней помогать кафедре в качестве методиста-документоведа.

Управленческий талант Светланы Сергеевны проявился не только в руководстве кафедрой, чему было отдано двадцать два года ее жизни, но и в 10-летнем руководстве одним из самых больших факультетов в университете. И это не просто количество лет, отданных управленческой работе. Возглавлять филологический факультет пришлось в самые, пожалуй, сложные для отечественной системы высшего образования — да и для всего общества — годы (1990—2000), когда менялось практически все (и даже страна изменилась): законы и нормативная база, содержание и структура, порядок финансирования, вводились образовательные стандарты, процедуры государственной оценки образования (аттестация, аккредитация, комплексная оценка и т.д.), рождались бакалавриаты и еще многое... Коллегами Светланы Сергеевны по деканству в тот период были такие известные в регионе и за его пределами личности, как доктор юридических наук профессор В. П. Прокопьев, доктор геолого-минералогических наук профессор В.В. Орленок, уже ушедшие из жизни; доктор педагогических наук профессор В.К. Пельменев, кандидат исторических наук доцент В.И. Гальцов и другие. В роли декана Светлана Сергеевна проработала с тремя ректорами университета — Н. А. Медведевым (фактически ее учитель в деле управления вузом, факультетом), Г.М. Федоровым (ее соратник в развитии науки и в качестве ректора, и — позднее — в качестве проректора по науке... они и ушли из жизни друг за другом, с разницей в три месяца...), уже покинувшими этот мир; и с А.П. Клемешевым (ныне — президент БФУ им. И. Канта, для которого Светлана Сергеевна всегда была мерилom правильности управленческих решений, особенно когда это касалось человеческих судеб). Это команда, для которой невозможного было мало. Люди, вершившие судьбу университета, в сложные годы определившие его дальнейшее развитие и как особого вуза в эксклавном регионе страны, и как одного из 10 федеральных университетов.

В условиях перемен не просто было даже существовать, но Светлане Сергеевне не только удалось сохранить на факультете людей, коллектив, науку, образовательные программы, но и развить, приум-

ножить достижения. Среди них — появление и развитие полонистики как учебно-научного направления, первый в университете опыт реализации бакалаврских программ, каскад защит диссертаций ее первыми учениками, ремонт коридоров, аудиторий, помещений кафедр — всего не перечислить. При этом обилие и важность стратегических и текущих задач никогда не заслоняли для нее конкретных людей — преподавателя, аспиранта, студента, методиста, уборщицу — с их повседневными нуждами и проблемами, решению которых в напряженном графике Светланы Сергеевны всегда находилось время.

Безусловно, одной из любимейших сфер профессора С. С. Ваулиной на протяжении всей работы в университете была наука. Около 200 научных и научно-методических публикаций, в том числе международного уровня, научная школа по проблемам языковой модальности, получившая широкую известность и признание не только в отечественном научном мире, но и за рубежом, 26 кандидатов наук, защитивших диссертации под ее руководством, масштабные международные научные конференции и ежегодные семинары, с 2001 года активная работа диссертационного совета под ее руководством, солидные сборники научных трудов — далеко не полный перечень ее научных заслуг.

Областью научных интересов профессора С. С. Ваулиной была история русского языка и функциональная грамматика, при этом поле ее исследовательской деятельности не ограничивалось только этой проблематикой. Особое место в исследованиях профессора занимало изучение одной из ключевых функционально-семантических категорий русского языка — категории модальности — в истории ее формирования и развития. Кандидатская диссертация «Конструкции с модальным значением возможности в русском языке XVII — начала XVIII века» была защищена Светланой Сергеевной в 1977 году в родном по годам студенчества Воронежском государственном университете и фактически предопределила ее научный путь, блестяще ею продолженный и докторской диссертацией, и работами филологов-модалистов (учеников профессора С. С. Ваулиной), и коллективной монографией «Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка» (2018), и многочисленными научными статьями.

Как ученого и педагога высшей школы ее отличали широта взгляда на историко-языковые процессы, концептуальное новаторство и научная смелость в органичном сочетании с верностью лучшим традициям отечественного языкознания.

В разные года профессор С.С. Ваулина вела очень важную организационно-научную работу: руководила научным направлением «Проблемы лингвистической семантики», семинаром аспирантов факультета филологии и журналистики РГУ им. И. Канта, была ответственным редактором изданий, отражающих соответствующую научную проблематику: сборников «Семантика языковых единиц и категорий в синхронии и диахронии», «Семантика: слово, предложение, текст», «Семантические процессы в языке и речи» и др.

Авторитет в научных кругах России и Европы, талант ученого и руководителя позволили Светлане Сергеевне организовать и успешно провести ряд крупных всероссийских и международных конференций, содержательные итоги которых имели широкий научный резонанс. Среди них «Актуальные проблемы и перспективы филологии» (сентябрь 1994), «Актуальные проблемы лингвистической семантики» (апрель 1996), «Текст в лингводидактическом аспекте» (октябрь 2002), «Семантико-дискурсивные исследования: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов» (сентябрь 2005), «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению» (октябрь 2007), «Оценки и ценности в современном научном познании» (июнь 2008), «Модели в современной науке: единство и многообразие» (сентябрь 2009); «Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований: научные теории и социальная практика» (сентябрь 2012); «Категория модальности в речевой коммуникации» (сентябрь 2015), «Модальность. Коммуникация. Текст» (сентябрь 2020). На протяжении нескольких лет Светлана Сергеевна возглавляла и инициативный исследовательский проект «Модальность как универсальная категория: соотношение традиционных и новейших подходов к исследованию», получивший финансовую поддержку РФФИ.

Профессор С.С. Ваулина активно выступала в качестве официального оппонента по докторским и кандидатским диссертациям, входила в состав редколлегии ряда вузовских и зарубежных научных журналов («Вестник» университета, «Балтийский филологический курьер», «Acta Polono-Ruthenica», издаваемый в Варминско-Мазурском университете, Польша).

Значимым шагом в развитии филологической и — шире — университетской науки в целом стало создание в 2001 году по инициативе и под председательством С.С. Ваулиной при университете диссертационного совета. С момента начала работы совета по настоящее время на его заседаниях было защищено 149 диссертаций по специальностям 10.02.01 — русский язык, 10.02.19 — теория языка,

10.01.03 — литература стран зарубежья (западноевропейская и американская), 10.01.01 — русская литература, 10.01.10 — журналистика, в том числе 4 докторских, 119 — аспирантами и соискателями университета. Под научным руководством Светланы Сергеевны кандидатами наук стали 26 человек, в том числе в родном диссозвете защитились 22 соискателя ученой степени кандидата филологических наук. До открытия диссертационного совета ученики С.С. Ваулиной (Л.В. Колобкова, И.Р. Федорова, И.Ю. Кукса, О.Л. Кочеткова) защищались в Тверском государственном университете, а ученики Р.В. Алимпиевой (Ю.А. Шкуркина и О.В. Юдина) — в Тверском и Воронежском университетах соответственно, что также стало возможным благодаря таланту Светланы Сергеевны выстраивать надежные профессиональные, научные, человеческие контакты с коллегами — филологами университетов страны.

Особые теплые отношения в течение десятков лет развивались с кафедрой истории языка и документалистики Волгоградского государственного университета, которая в лице известнейшего в стране историка языка доктора наук профессора С.П. Лопушанской и позднее ее учеников докторов наук профессоров Н.А. Тупиковой, Е.М. Шептухиной, М.В. Косовой, Д.Ю. Ильина и других помогала коллективу Светланы Сергеевны в развитии и историко-лингвистических дисциплин, и нового образовательного направления в сфере документалистики, в подготовке научных кадров, в том числе в роли оппонентов и ведущей организации на защитах молодых калининградских соискателей ученой степени.

Родной для С.С. Ваулиной филологический факультет Воронежского государственного университета в лице ее учителей — докторов филологических наук профессоров В.И. Собинниковой, З.Д. Поповой, А.М. Ломова и других — поддерживал развитие кафедры истории русского языка калининградского вуза; в лице тоже ее учителя, доктора филологических наук профессора Л.Е. Кройчика — развитие нового образовательно-научного направления по журналистике. Эту линию затем на высоком уровне продолжил доктор филологических наук профессор, декан профильного факультета ВГУ В.В. Тупупов.

Также благодаря профессору С.С. Ваулиной хорошие продуктивные контакты на многие годы установились с Брянским государственным университетом (С.Я. Гехтляр), Воронежским государственным педагогическим университетом (Г.А. Заварзина), Институтом языкознания РАН (М.Л. Ковшова), Казанским (Приволжским) федеральным университетом (Н.А. Балалыкина), Нижегородским госу-

дарственным университетом (Н.А. Шарыпина, Л.В. Рацибурская), Псковским государственным университетом (Т.Г. Никитина), Российским университетом дружбы народов (О.А. Крылова), Санкт-Петербургским горным университетом (Д.А. Щукина), Санкт-Петербургским государственным университетом (В.В. Колесов, О.А. Черепанова, В.В. Химик), Саратовским государственным университетом (О.Б. Сиротинина, М.А. Кормилицына, В.В. Прозоров), Смоленским государственным университетом (И.С. Королева, В.С. Картавенко), Тамбовским государственным университетом (А.Л. Шарандин), Тверским государственным университетом (Р.Д. Кузнецова, И.М. Ганжина), Томским государственным университетом (Л.П. Дронова), Тульским государственным педагогическим университетом (Г.В. Токарев), Уральским государственным педагогическим университетом (Т.А. Гридина, А.П. Чудинов), Уральским федеральным университетом (Л.Г. Бабенко, А.М. Плотникова), Южным федеральным университетом (А.В. Кузнецова) и др.

Разумеется, в предисловии невозможно перечислить всех, при этом даже обозначенный перечень вузов и главное — людей! — дает представление о масштабе партнерств Светланы Сергеевны и коллег — филологов страны.

Филологи — слависты вузов Польши и Беларуси, прежде всего Гданьского, Варминско-Мазурского (ранее — Ольштынско-го) и Минского лингвистического университетов (З. Новоженова, А. Бартошевич, В. Пилат, И. Коженевска-Берчинска, О.А. Полетаева), также плодотворно и эффективно были вовлечены в научно-образовательную и персонально-дружескую орбиту профессора С.С. Ваулиной. Совместные научные издания, развитие полонистики в Калининграде и русистики в Польше, академические студенческие обмены, мобильность аспирантов и преподавателей — далеко не полный перечень направлений взаимодействия, которое стало и было возможным благодаря профессиональному и человеческому магнетизму Светланы Сергеевны.

Неслучайно многоаспектная и плодотворная научная и научно-педагогическая деятельность С.С. Ваулиной была отмечена государственными и правительственными наградами. В 1995 году ей было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», и по сей день она — единственная женщина-обладательница этого высокого научного звания в Калининградской области. В 2006 году Светлана Сергеевна была удостоена знака «Почетный работник высшего профессионального образования». А в год ее двойного юбилея, в 2010 году, Ученый совет родного уни-

верситета принял решение о награждении профессора С. С. Ваулиной самой первой медалью «За заслуги перед РГУ им. И. Канта». В 2017 году, в год очередного юбилея вуза, Светлана Сергеевна была награждена орденом «За заслуги перед Калининградской областью». Это и справедливое признание заслуг, и дань уважения, и искренняя благодарность за сделанное ею во имя образования, науки, университета.

На самом деле земной путь Светланы Сергеевны ярко свидетельствует о том, что граней нет, нет невозможного, если главный смысл жизни — это служение: людям, любимому делу, науке... Служение и любовь. Именно поэтому в заголовок предисловия вынесена фраза из первой строфы стихотворения-посвящения Светлане Сергеевне на один из ее юбилеев авторства верного друга и соратника — профессора Розы Васильевны Алимпиевой, полный текст которого — ниже.

«Энергия любви непобедима», — это очень про нее, про Светлану Сергеевну... Про возможность, желание и необходимость нести в этот мир добро и свет, быть нужным и полезным людям, с которыми свела жизнь, в сердцах и душах которых навсегда — уважение, любовь и бесконечная благодарность к наставнику, судьбоносному человеку, яркой личности, к Светлане Сергеевне Ваулиной.

И. Ю. Кукса,

*канд. филол. наук, доц.,
ученица Светланы Сергеевны Ваулиной,
приглашенная ею на работу
на кафедру истории русского языка КГУ
в 1993 году и под ее научным руководством
защитившая кандидатскую диссертацию
и проработавшая с ней 27 лет;
заместитель директора Западного филиала
Президентской Академии*

В день юбилея С. С. Ваулиной

Вы сотканы из света и тепла.
Свет излучает даже Ваше имя.
К Вам люди тянутся, как к солнцу облака, —
Энергия любви непобедима.

Вы смоделировать способны целый мир,
И если бы взялись, то, без сомненья,
Жизнь озарилась бы идеей обновления,
Открыв в себе источник новых сил.

Тогда бы каждый ближнего спросил,
К чему стремится он, что должен, может.
Что в суете мирской не завершил
И что его волнует и тревожит.
Модальные поля... За чередой чреда.
О, как они загадочно-прекрасны!
Здесь королева Вы, что абсолютно ясно,
А рядом те, кто с Вами на года.

Да сохраняют Ваш мир добро и красота!

Р. В. Алимпиева,
проф., 2015 год

С.С. Ваулина

**ЭВОЛЮЦИЯ
СРЕДСТВ
ВЫРАЖЕНИЯ
МОДАЛЬНОСТИ
В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ**

(XI-XVII ВВ.)

Кафедра
исполнительского
архива и сравнительного
исследования

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. С. ВАУЛИНА

ЭВОЛЮЦИЯ
СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ
МОДАЛЬНОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(XI — XVII вв.)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1988

ББК 81.2Р-2

В21

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. *А. М. Ломов* (Воронеж. ун-т), д-р филол. наук, проф. *Т. Н. Кандаурова* (Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина).

- В21**   **Ваулина С. С.**
Эвоблюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.) — Л.: Издательство Ленинградского университета. 1988. — 143 с.
ISBN 5-288-00103-0

В монографии на базе разграничения номинативного и прагматического аспектов предложения исследуется один из фрагментов функционально-семантической категории модальности — так называемая предметная модальность, рассматриваемая с точки зрения эволюции средств ее выражения в русском языке на протяжении XI—XVII веков.

Книга адресована лингвистам широкого профиля, аспирантам, студентам-филологам, преподавателям русского языка.

В   4602/1000—087   113—88
         073(02)—88

ISBN 5-288-00103-0

ББК 81.2Р—2

© Издательство
Ленинградского
университета,
1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой вниманию читателя монографии представлено применительно к русскому языку XI—XVII вв. диахроническое описание одного из фрагментов многоаспектной категории модальности, характер и глубинные связи которой остаются до настоящего времени (несмотря на значительное количество работ) не до конца установленными. В центре исследования находится так называемая предметная модальность, фиксирующая способ существования действия, а следовательно всей языковой ситуации, в рамках определенного внешнего микромира. Будучи фрагментом функционально-семантической категории модальности, предметная модальность состоит, в свою очередь, из ряда значений (необходимости, возможности, желательности), которые образуют соответствующие микрополя. В работе выявляются центр (ядро) и периферия данных микрополей, устанавливаются типы их внутренних и внешних функциональных связей.

Диахронический подход к исследованию осуществляется в двух планах: рассматриваются и сопоставляются отдельные синхронные срезы, совпадающие с важнейшими этапами в истории русского литературного языка — древнерусским (XI—XIV вв.) и старорусским (конец XIV — середина XVII в.) периодами, а также устанавливается специфика формирования и развития средств выражения предметной модальности внутри каждого из указанных синхронных срезов. Объектом анализа являются исторические изменения в характере тех языковых средств, которые представляют центр и периферию рассматриваемого фрагмента функционально-семантической категории модальности и его составных микрополей, изменения в характере связей между центральными и периферийными элементами, а также изменения в связях данного аспекта модальности с другими модальными пластами и прежде всего с объек-

тивной модальностью, составляющей структурно-семантическую основу категории модальности и являющейся важным конструктивным признаком любого предложения.

Представляется, что такой подход к анализу соответствующего языкового материала, дающий возможность увидеть модальность в «исторической изменчивости ее содержания и форм ее обнаружения» (В. В. Виноградов), может создать теоретические предпосылки для целостного восприятия категории модальности как многоуровневой функционально-семантической подсистемы, отдельные слои которой формируются и развиваются в диалектическом взаимодействии, отражая органическую связь языка (в динамике его функционирования) с внеязыковой действительностью и мыслительной деятельностью человека.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в лингвистической науке произошел резкий поворот к интенсивному изучению содержательной структуры языка, который связан в первую очередь со стремлением исследователей «подойти к языку со стороны его основной и глобальной функции — выражения мышления в процессе коммуникации».¹ Большое значение приобретает задача выявления многообразных и сложных связей языковых фактов с внеязыковой действительностью, что наиболее адекватно решается при ономаσιологическом подходе². При этом, проявляя закономерный интерес к «межуровневым связям в языке, промежуточным моментам в его структуре»³, исследователи все больше внимания обращают на такие важные в плане понимания природы и диалектики отношений обозначаемого и обозначающего сферы языка, как, например, синтаксис.

Анализ различных языковых фактов при их функционировании, в условиях их конкретной реализации, в частности анализ синтаксических единиц как конструктивных носителей смысла, дающий «перспективу функционального изучения синтаксических явлений в направлении от языковой системы к речевой деятельности»⁴, послужил толчком к развитию целого ряда новых научных направлений (социолингвистика, лингвистика текста, лингвистическая прагматика и др.), привел к необхо-

---

¹ Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация: Общие вопросы / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М., 1977. С. 99.

² Уфимцева А. А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Там же. С. 19.

³ Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1985. С. 5.

⁴ Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 2.

димости построения функциональной грамматики⁵, задачей которой в широком смысле является «специальная разработка динамического аспекта функционирования грамматических единиц и категорий во взаимодействии с элементами разных уровней языка, участвующими в выражении смысла высказывания»⁶. Рассмотрение системы соответствующих языковых средств осуществляется на основе семантического принципа их группировки. Данные семантические объединения у разных исследователей имеют различные наименования: грамматико-лексические поля⁷, функционально-семантические поля⁸, функциональные подсистемы⁹, семантические комплексы¹⁰, однако важно подчеркнуть, что в их основе лежит единый принцип описания — не только в направлении от формы к значению (от средств к функциям), но и (главным образом!) от значения к форме (от функции к средствам).

В центре основных проблем функциональной грамматики находится изучение семантической структуры предложения, функционирующего как высказывание, а стало быть, актуальность рассмотрения приобретают те категории, которые являются необходимым элементом любого предложения. В числе таких стержневых категорий находится категория модальности, являющаяся, по образному определению французского лингвиста Ш. Балли, «душой предложения»¹¹.

В отечественном языкознании концепция модальности как одной из наиболее важных для функционирования языка семантических («понятийных») категорий, имеющей многоаспектный характер и разнообразные средства выражения, применительно к современному русскому языку была изложена академиком В. В. Виноградовым¹².

---

⁵ Наиболее полное описание задач теоретической разработки функциональной грамматики содержится в работах А. В. Бондарко. См.: Бондарко А. В. 1) Грамматическая категория и контекст. Л., 1971; 2) Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983; 3) Функциональная грамматика. Л., 1984. См. также: Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1985.

⁶ Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1985. С. 16.

⁷ См., например: Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. С. 8 и сл.

⁸ Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. С. 8 и сл.

⁹ Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977. С. 8.

¹⁰ Шведова Н. Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики. С. 31.

¹¹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 44. — Ср. также его замечание: «Нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» (там же).

¹² Виноградов В. В. 1) О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка. 1950. Т. II. 2) Категории модальности в русском языке // Вестн. АН СССР. 1947. № 5.

Бесспорная значимость функционально-конструктивной роли категории модальности в предложении послужила толчком для ее активного изучения в последующие годы как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике¹³, а сложность и многоаспектность ее характера способствовали появлению самых различных точек зрения относительно семантического объема модальности, что, в свою очередь, послужило причиной возникновения разнородных модальных определений и характеристик. Так, для одних исследователей точкой отсчета служит модальность суждения, что приводит к отождествлению языковой модальности с видами модальности, выделяемыми в формальной логике¹⁴. Для других — целевая установка речи, в результате чего выделяется модальность повествовательная, побудительная и вопросительная¹⁵. Ряд ученых к числу модальных значений предложения относит значения утверждения и отрицания¹⁶, а некоторые в качестве модального рассматривают эмоциональное отношение к сообщаемому¹⁷.

Подобная несогласованность в принципах выделения значений модальности находит весьма отчетливое выражение в ее традиционно широком (идущем от В. В. Виноградова и Ш. Балли) понимании, которое характерно для многих советских и особенно зарубежных лингвистов. В модальность включается утверждение — вопрос — побуждение, реальность — достовер-

¹³ Обзор работ, посвященных категории модальности, см.: Петров Н. Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1982; Филипповская И. А. Модальность предложения. Душанбе, 1978; Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в русском языке // Филол. науки, 1979. № 2; Мецлер А. А. О лингвистическом статусе категории модальности // Филол. науки, 1982. № 4. Богатый материал по теории модальности представлен в кн.: *Otázky slovanské syntaxe: O 3d. D. III (Sborník symposia "Modálne vystavba výpovedi v slovanských jazykoch")*. Brno, 1973.

¹⁴ См., например: Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1.

¹⁵ См., например: Грамматика русского языка: В 2 т. Т. 2, ч. I. М., 1954. С. 77; Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. С. 362; Мельничук О. С. Развитие структуры слов'янського речення. Київ, 1966. С. 64—86; Валимова Г. В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов н/Д, 1967; Bauer J. Problematika vývoje základních větných typů v slovanských jazycích // *Otázky slovanské syntaxe*. D. II. Brno, 1968.

¹⁶ См., например: Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. Л., 1956. С. 163—164; Визгина А. М. Иерархическая система модальных значений вопросительного предложения // Тезисы докл. III Респ. науч. конф. на тему: «Актуальные проблемы синтаксиса современного русского языка». Баку, 1977. С. 17—18; Šmilauer V. *Novočeská skladba*. Praha, 1966. S. 21—32.

¹⁷ См., например: Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису... С. 16; Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970. С. 611—614; Грелл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии / Под ред. А. Г. Широковой. М., 1978. С. 297; Петров Н. Е. Указ. соч. С. 99—100.

ность — вероятность — нереальность, утверждение — отрицание, необходимость — возможность — намерение и т. п.¹⁸.

Столь широкое, включающее разнородные характеристики понимание содержания модальности обуславливает расплывчатость ее семантического объема, на что справедливо обращает внимание целый ряд авторов¹⁹. Не случайно поэтому стремление исследователей, особенно отчетливо проявившееся в последнее время, ограничить или дифференцировать понятие модальности, установить функциональную иерархию ее отдельных семантических пластов в структуре предложения.

Так, Т. П. Ломтев, беря за основу при выделении модальных значений принцип их непересекаемости и исключая по этой причине из системы модальных отношений вопрос и ответ, утверждение и отрицание, рассматривает модальность как «некоторое свойство отношений между предикатными предметами, именно такое свойство отношений, которое различается по их источнику, их действительности и гипотетичности, по способу их существования, а также по наличию или отсутствию указаний на уверенность в их истинности». При этом «различия разных модальных значений должны выражаться в форме разных моделей предложения», образуя «систему непересекающихся модальных свойств разных рангов»²⁰. Данной точки зрения придерживается и С. И. Небыкова²¹.

Одна из классификаций модальных значений, получившая в настоящее время широкое распространение, принадлежит

---

¹⁸ Ср., например: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974; Распопов И. П. Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д, 1981. С. 26—33; Đurović L. *Modalnost'*. Bratislava, 1956; Грабе Вл. Общее значение синтаксической конструкции и трансформация // *Ceskoslovenska rusistika*. 1962. N 2. S. 74; Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // *Ceskoslovenska rusistika*. 1968. N 2. S. 88; Грелл М. Указ. соч. С. 277—301. За широкое понимание модальности высказались также участники симпозиума в Брно, посвященного проблемам модальности. См.: *Otázky slovanské syntaxe*. D. III. Brno, 1973.

¹⁹ См., например: Ляпон М. В. Из истории выражения модальности в русском языке (на материале сочинений Курбского): Автореф. канд. дис. М., 1971. С. 4—5; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 141; Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // *Вопросы языкознания*. 1977. № 4. С. 37; Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке: Автореф. канд. дис. М., 1977. С. 5; Небыкова С. И. Модальность предложений с зависимым инфинитивом (значения возможности и необходимости). М., 1981. С. 10.; Rytel D. *Leksykalne środki wyrażania modalności w języku czeskim i polskim*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1982. S. 10.

²⁰ Ломтев Т. П. Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности // *Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина*. 1969. № 341. С. 211 и далее.

²¹ Небыкова С. И. Структура предложений современного русского языка с точки зрения содержания модальности возможности и необходимости: Автореф. канд. дис. М., 1972.

выдвинутую В. В. Виноградовым, выделяет три плана модальных отношений: 1) отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего (объективная модальность); 2) отношение говорящего к содержанию высказывания с точки зрения его достоверности (субъективная модальность) и 3) отношения между субъектом действия (носителем признака) и действием (предикативным признаком) (по терминологии автора, внутрисинтаксическая модальность). При этом первый план модальности Г. А. Золотова считает обязательным, конструктивным признаком предложения, определяющим его модальную характеристику, а значения данного модального плана рассматривает в качестве инвариантных²².

Указанная классификация (в некоторых случаях с небольшими коррективами в наименованиях отдельных модальных аспектов) получила поддержку и развитие у многих исследователей²³.

Приведенные и подобные попытки конкретизировать и иерархически упорядочить комплекс модальных значений предложения в известной степени способствуют уточнению семантической природы модальности, но вместе с тем оставляют не вполне решенным ряд относящихся к ней важных вопросов. Так, прослеживается стремление проводить анализ языковой категории модальности в непосредственной связи с логической модальностью и той формой мышления, которой она свойственна, т. е. суждением²⁴. Однако вопрос о характере взаимоотношений языковой модальности и модальности суждения является дискуссионным. Некоторыми учеными, например, данные модальности отождествляются. В частности, Г. В. Колшанский

---

²² Золотова Г. А. 1) О модальности предложения в русском языке // Филол. науки. 1962. № 4. 2) Очерк функционального синтаксиса русского языка. С. 140—157.

²³ См., например: Барышева И. В. Функциональная синонимия в области выражения «внутренней» модальности в современном немецком языке: Автореф. канд. дис. М., 1974. С. 3—6; Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Современный русский язык. Лингвистический сб. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. М., 1976. Вып. 6. С. 92—102; Ломов А. М. Указ. соч. С. 49—54; Филипповская И. А. Указ. соч. С. 13; Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983. С. 154.

²⁴ См., например: Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности; Панфилов В. З. 1) Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971. С. 174—183; 2) Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения. С. 37; Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филол. науки. 1979. № 2. — Подобное стремление своеобразно проявляется в широком использовании терминов модальной логики при обозначении частных модальных значений предложения. См., например: Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985.

ограничивает модальность значениями возможности, необходимости, действительности, выделяемыми в формальной логике²⁵. Этому подходу противостоит точка зрения В. З. Панфилова, содержащая более широкое понимание характера связи языковой и логической модальностей: В. З. Панфилов выделяет применительно к языку в качестве бесспорно модальных два типа значений: объективную (онтологическую) и субъективную (персуазивную) модальности²⁶.

Многими учеными последовательно проводится разграничение значений объективной и субъективной модальности²⁷, вместе с тем отсутствует единство в их понимании²⁸.

Не вполне очевидным продолжает оставаться вопрос о статусе и месте модальных значений возможности и необходимости в модальной иерархии предложения. Так, некоторыми исследователями эти значения наряду со значением действительности признаются единственно модальными, определяющими семантическую структуру предложения²⁹. С точки зрения Т. П. Ломтева и С. И. Небыковой, модальные значения возможности и необходимости характеризуют предложение по способу существования предикатных отношений³⁰. По мнению В. В. Виноградова, данные значения выступают в общем ряду с другими модальными значениями, и прежде всего со значениями морфологических наклонений³¹. Т. В. Шмелева рассматривает данные значения как составные инвариантного значения ирреальности³². Согласно мнению В. З. Панфилова, В. Н. Бондаренко и других исследователей, значения возможности и

²⁵ Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности. С. 97. Ср. также: Дешериева Т. И. О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. 1987. № 1.

²⁶ Панфилов В. З. Категория модальности... С. 39 и сл. См. также: Бондаренко В. Н. Виды модальных значений... С. 55.

²⁷ См., например: Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 86, 91. — Ср. другие термины, принятые для обозначения объективной модальности у зарубежных ученых: *общая модальность* (см.: Мразек Р. Рабочие итоги симпозиума // Otázky slovanské syntaxe. D. III. Врно, 1973), *предикативная модальность* (см.: Пете И. Типы синтаксической модальности в русском языке // Studia Slavica. Budapest, 1970. V. 16. N 3—4).

²⁸ См., например: Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. С. 241; Зайнуллин М. В. О сущности и границах языковой модальности // Семантические категории языка и методы их изучения: Тезисы докладов всесоюзной научной конференции: В 2 ч. Ч. 1. Уфа, 1985. — Ср. также высказывание П. Адамца о том, что в модальности всегда присутствует как объективный, так и субъективный элемент (Adamcес Р. Otázky slovanské syntaxe. D. III (recenzja tomu) // Slavia, 1975. XLIV. S. 85).

²⁹ См., например: Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности.

³⁰ Ломтев Т. П. Указ. соч. С. 216; Небыкова С. И. Указ. соч. С. 5.

³¹ Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. С. 52.

³² Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 85 и сл.

необходимости указывают на характер отражаемых в содержании предложения объективных связей и составляют объективную модальность³³. Лингвисты, рассматривающие подобные значения как внутрисинтаксическую модальность, в рамках которой характеризуются отношения между субъектом и действием (предикативным признаком), подчеркивают их подчиненное относительно объективной модальности положение. Вместе с тем авторы указывают на то, что, не определяя основного модального значения предложения, эти значения «усложняют предикативную ось, прибавляя к ней некоторый семантический *x*»³⁴. Н. Ю. Шведова, квалифицируя рассматриваемые значения как лексические, выводит их за пределы синтаксической категории модальности³⁵. Таким же образом квалифицируются указанные значения в Грамматике-80³⁶.

Одна из причин подобных и других имеющихся разноречий в значительной степени связана с тем, что все существующие варианты дифференциации модальных значений, как справедливо замечает Т. В. Шмелева, «являются по существу разделением со стороны плана выражения и с некоторыми огрублениями могут быть сведены к различению „модальности наклонения” и „модальности лексических показателей”»³⁷. При таком подходе не могут быть вполне замечены и учтены те функциональные «переливы» и взаимопроникновения модальных средств, которые становятся весьма очевидными при функционально-семантическом анализе.

Например, необходимо иметь в виду, что в числе экспликаторов так называемой модальности лексических показателей (лексической модальности) наряду со специальными конструкциями, состоящими из модальных лексем в сочетании с зависимым инфинитивом, могут выступать и невербальные средства, такие, скажем, как инфинитивные предложения (ср.: *Нам надо ехать — Нам ехать*) или формы наклонения (ср.: *Мне не спится — Не могу спать, Хочется посмотреть — Посмотреть бы*).

В какой функциональной соотнесенности находятся подобные средства? Какой дополнительный модальный оттенок вносят они в общий модальный рисунок предложения? Эти и другие подобные вопросы пока еще ждут ответа.

Не все ясно и с модальностью наклонения. Речь здесь идет об основной (предикативной), или объективной, модальности

³³ Панфилов В. З. Категория модальности... С. 39; Бондаренко В. Н. Виды модальных значений... С. 56; Слущкина П. Е. Предикативность и модальность как конституирующие признаки предложения и суждения: Автореф. канд. дис. М., 1983. С. 9; Барышева И. В. Указ. соч. С. 7.

³⁴ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. С. 152.

³⁵ Шведова Н. Ю. Выступление в дискуссии участников симпозиума в Брно по проблемам модальности // *Otázky slovanské syntaxe*. D. III. Brno, 1973.

³⁶ Русская грамматика. Т. 2. С. 214—215.

³⁷ Шмелева Т. В. Указ. соч. С. 85.

(характеризующей отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего), главным средством выражения которой, согласно традиционному мнению, выступает грамматическая категория наклонения³⁸. При этом изъявительное наклонение, служащее экспликатором реальной связи действия с обозначаемым им отрезком действительности (т. е. выражающее реальную модальность), традиционно противопоставляется двум другим формам наклонения — сослагательному и повелительному, эксплицирующим модальность ирреальную³⁹. Вместе с тем функционально-семантический подход с достаточной очевидностью показывает, что данные формы наклонений функционально нерядоположены. Так, если функция сослагательного наклонения состоит в том, чтобы квалифицировать действие (а через него и все высказывание) с точки зрения его реальности / ирреальности, и в этом оно сближается с наклонением изъявительным, то функциональное назначение повелительного наклонения совсем иное: оно заключается в том, чтобы фиксировать, с какой целью совершается акт речи⁴⁰.

Взросший в последнее время интерес к проблемам языковой номинации⁴¹, который обнаруживается, в частности, в обращении к номинативному аспекту предложения, к так называемой пропозитивной номинации⁴², устанавливающей «способы

³⁸ «Категория наклонения — это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим» (Виноградов В. В. Русский язык. М., 1986. С. 472).

³⁹ См. высказывание А. А. Потебни: «Сходство между наклонением условным и повелительным состоит в том, что оба они, в противоположность изъявительному, выражают не действительное событие, а идеальное, т. е. представляемое существующим только в мысли говорящего» (Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. Т. 4. М.; Л., 1941. С. 179).

⁴⁰ Эту функциональную «раздвоенность» повелительного и сослагательного наклонений отмечают исследователи. См., например, высказывание Т. П. Ломтева о том, что «повелительное» действие «...не обладает атрибутом ирреальности и не может быть введено в одну общую модальность ирреальности...» вместе с гипотетическим действием (Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972. С. 90). На нетождественность данных наклонений как морфологических фиксаторов ирреальности указывает А. М. Ломов (Ломов А. М. Указ. соч. С. 51). См. также: Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. С. 177—178; Бондаренко В. Н. О содержании категории наклонения в описательных грамматиках // Изв. АН СССР. 1980. Сер. лит. и яз. Т. 39, № 6. С. 568.

⁴¹ Основные аспекты получили подробное освещение в коллективной монографии: Языковая номинация: Общие вопросы / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М., 1977.

⁴² Этапным событием в этом отношении явилась статья: Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. 1971. № 6. См. также: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976; Кривченко Е. Л. Номинативный аспект предложения. Саратов, 1982; Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986, и др.

обозначения целостных событий»⁴³, связанное с ним утверждение о том, что смысловое значение предложения представляет собой результат диалектического взаимодействия двух содержательных планов: а) номинативного, отображающего (фиксирующего) какие-либо факты (события) внеязыковой действительности и ее основные свойства (то, что, вслед за Ш. Балли, называют диктумом) и б) коммуникативного (прагматического), «преломляющего» эти факты в сознании говорящего лица, констатирующего какие-то существенно важные для слушателя параметры ситуации общения — цель сообщения, его коммуникативную перспективу, достоверность/недостоверность сообщения и т. п. (то, что называют модусом)⁴⁴ — заставляют по-новому взглянуть на прагматический статус наклонения, отчетливо поставить вопрос: к какому именно из этих аспектов относится данная категория и ее отдельные граммемы.

С этой точки зрения, становится очевидным, что повелительное наклонение относится к прагматическому аспекту. «Хотя императив и является глагольной формой, — отмечает Д. А. Штелинг, — он выражает не процесс, не действие как таковое, а волю говорящего, его приказ или просьбу о том, чтобы было совершено действие...»⁴⁵. Что же касается изъявительного и сослагательного наклонений, то они к прагматике непосред-

⁴³ Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1972. С. 209.

⁴⁴ Факт смысловой двуслойности предложения был замечен учеными и ранее. Вслед за Балли, противопоставившим диктум (т. е. сообщение о событии) модусу (т. е. субъективно-авторской рефлексии на сообщение), на него указывал В. В. Виноградов, отмечавший, что «в предложении отражается объективная действительность в ее преломлении в общественном сознании людей» (Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. С. 53). Позднее об этом, в сущности, писал И. П. Распопов, разграничивая конструктивный и коммуникативный синтаксис (Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973. С. 21—22 и сл.). На сходном разграничении синтаксиса основывается выделение двух типов модальности — конструктивно-синтаксического и коммуникативно-синтаксического — у И. Пете (Пете И. Указ. соч. С. 219—237). Однако последовательная ориентация на конкретный анализ этого структурно-содержательного свойства предложения обнаруживается лишь в работах последнего времени (см., например: Арутюнова Н. Д. Синтаксис; Клобуков Е. В. К основаниям семантической типологии каузальных конструкций (аспекты соотношения диктума и модуса) // Системный анализ значимых единиц русского языка / Отв. ред. Т. В. Шмелева. Красноярск, 1984; Ломов А. М. Части речи в их отношении к предложению // Семантические категории языка и методы их изучения: Тезисы докладов всесоюзной научной конференции: В 2 ч. Ч. 1. Уфа, 1985; Долинина И. Б. Функциональная грамматика и содержательная классификация грамматических категорий // Проблемы функциональной семантики / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1985.

⁴⁵ Штелинг Д. А. Целенаправленность речи и категория наклонения // Русский язык за рубежом. 1973. № 3. С. 67. Ср. высказывание В. В. Виноградова: «Повелительное наклонение находится на периферии глагольной системы и стремится отпасть от нее, так как его притягивают междометия» (Виноградов В. В. Русский язык. С. 479).

венного отношения не имеют. В сущности, они представляют собой актуализированные единицы, призванные характеризовать референт сообщения, точнее говоря, элементы этого референта (в данном случае глагольное действие), а через них и ситуацию в целом.

Указанные обстоятельства позволяют присоединиться к точке зрения тех авторов, которые выводят императив за пределы категории наклонения⁴⁶.

Итак, категория наклонения не имеет отношения к прагматике, а относится к событию, которое становится денотатом. В чем же ее сущность? В том, что это своего рода классификационная категория, посредством которой глагольные действия систематизируются по характеру их соотношения с внеязыковой действительностью. При этом одни действия могут рассматриваться как безусловные, иначе говоря, реальные (ср.: *Мальчик учится, Мальчик может учиться, Мальчик будет учиться* и т. п.), другие — как возможные в иных условиях, неналичных в данный момент, или же в принципе невозможные, но соответствующие каким-либо определенным целям (ср.: *На твоём месте я бы так не поступил. Если бы можно было вернуть вчерашний день, я бы стал вести себя иначе* и т. п.).

Возникает вопрос: откуда же произошло подобное смешение в системе глагольных наклонений? Очевидно, оно идет от Аристотеля, который в своем определении модальности соединил, с одной стороны, способ и вид существования действия (в терминологическом обозначении современной философии — *онтологическую модальность*), а с другой стороны, способ его оценки (соответственно — *гносеологическую*, или *логическую модальность*)⁴⁷. В результате этого оказалось, что в рамках модальности объединились, с одной стороны, изъявительное и сослагательное наклонения как граммемы, фиксирующие существующее (и несуществующее) действие, и с другой, — повелительное наклонение как граммама, оценивающая действие. Такое объединение дало нежелательные последствия для лингвистики, которые стали особенно заметны в процессе разграничения номинативного и коммуникативного (прагматического) аспектов предложения. Следуя традициям аристотелевской модальности, пионеры двуаспектного толкования смысловой структуры предложения (Ш. Балли, В. В. Виноградов и др.) и их последователи вынесли за рамки номинативного аспекта (диктума в иной терминологии) всю модальность: и онтологиче-

---

⁴⁶ См., например: Володин А. П., Храковский В. С. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1977; Бондаренко В. Н. О содержании категории наклонения в описательных грамматиках. С. 568.

⁴⁷ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 381.

скую, и гносеологическую⁴⁸. Таким образом, в пределах модальности (в «модальной рамке») оказались объединенными два разнородных семантических явления (два модальных аспекта): 1) характеристика способа существования глагольного действия (предикативного признака) и 2) оценка говорящим сообщаемого факта с точки зрения его достоверности, цели высказывания и т. п.

Исходя из сказанного было бы логично существенным образом сузить понятие модальности, имеющей в последнее время, как видим, тенденцию к предельному расширению и смыканию с понятием субъективности⁴⁹, или дать разнородным модальным явлениям терминологически строгое определение. Однако подобное сужение, на наш взгляд, во-первых, таит в себе определенную опасность недооценки диалектического единства двухаспектного содержания предложения, ибо может привести к искусственному противопоставлению номинативного и прагматического аспектов последнего⁵⁰, а во-вторых, оно неизбежно повлекло бы за собой немотивированный отказ от общепризнанного многоуровневого характера категории модальности. Что же касается вопроса о придании данной категории терминологической строгости, то приходится считаться с терминологией традиционной, устоявшейся во времени, поскольку с ней связано немаловажное (хотя часто только чисто внешнее) условие сопоставимости современных лингвистических работ с написанными ранее. Кроме того, необходимо учесть и тот позитивный факт, что в ономаσιологических работах начинает проводиться мысль о том, что не вся модальность находится за рамками номинативного аспекта предложения⁵¹.

---

⁴⁸ См., например: Fillmore Ch. The case for case // *Universals in Linguistic Theory*. 1968. N 4; Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса; Арутюнова Н. Д. Синтаксис; Васильев Л. М. Семантические модели предложения // *Исследования по семантике* / Отв. ред. Л. М. Васильев. Уфа, 1976. С. 125; Копров В. Ю. О компонентном анализе семантики простого предложения // *Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака* / Отв. ред. З. Д. Попова. Воронеж, 1983; Баранов А. Г. О вариативности семантики предложения // *Проблемы содержательно-формальной организации предложения* / Отв. ред. И. М. Жилин. Краснодар, 1982; Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Прага, 1978.

⁴⁹ См., например: Шмелева Т. В. Указ. соч. С. 78—100; Клобуков Е. В. Падеж и модальность // *Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст* / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1984. С. 43—65.

⁵⁰ Против такого противопоставления правомерно возражают исследователи. См., например: Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. С. 74 и сл.; Кривченко Е. Л. Указ. соч.

⁵¹ См., например: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. С. 62; Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // *Языковая номинация: Общие вопросы* / Отв. ред. Б. А. Серебrenников, А. А. Уфимцева. М., 1977. С. 234.

Итак, под модальностью мы будем понимать широкую семантическую категорию, состоящую из двух семантически разнородных модальных пластов, которые, используя соответствующие философские термины, назовем онтологической и гносеологической модальностями⁵²: онтологическая модальность прямо и непосредственно связана с актуализацией номинируемого события, а гносеологическая — с прагматической оценкой сообщения об этом событии.

Онтологическая модальность и образует интересующую нас функционально-семантическую категорию. Она носит двуслойный характер: ее формируют, с одной стороны, объективная модальность, которая с помощью двух граммем наклонения (изъявительного и сослагательного) фиксирует способ существования именуемого события с точки зрения того, как последнее соотносится с наличной действительностью (оно было, есть или будет в условиях наличной действительности — его нет, но оно может быть в иных условиях, оно целесообразно для каких-то целей и т. д.), а с другой стороны, модальность, которую мы условно назовем предметной, также указывающая на способ существования события, но уже иначе: с точки зрения того, что подается как существующее в рамках наличной действительности (или за ее пределами) — непосредственно само событие (ср.: *Холодно*, *Мальчик читает*, *Он будет читать*) или же определенные предпосылки этого события — например, факт его возможности (*Он может читать*), необходимости (*Он должен читать*) или желательности (*Он хочет читать*). Оба слоя модальности органически соотнесены между собой. При этом второй слой — предметная модальность — образует тот «семантический *x*», который осложняет и одновременно расшифровывает объективную модальность⁵³. Общий механизм указанного модального взаимодействия выглядит следующим образом: сначала именуемое событие интерпретируется как соответствующее/не соответствующее наличной действительности, существующее/не существующее в ее рамках, а затем уточняется, что именно существует: само событие или обуславливающая его предпосылка, например возможность или необходимость.

Вопрос о месте и статусе предметной модальности в общей иерархии модальных отношений до сих пор не получил единой лингвистической интерпретации. Данное обстоятельство достаточно отчетливо прослеживается в пестроте ее терминологического обозначения, которая отражает стремление исследовать, «высветить» в ней какую-либо одну (наиболее значимую с их точки зрения) смысловую грань. Так, стремлением под-

⁵² Ср. употребление соответствующих терминов в работах В. З. Панфилова и В. Н. Бондаренко.

⁵³ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. С. 152.

черкнуть ее синтаксически подчиненный по отношению к основной (объективной) модальности характер можно объяснить употреблением терминов *внутрисинтаксическая модальность*⁵⁴, *внутренняя модальность*⁵⁵, *вторичная модальность*⁵⁶. Однако, хотя возможно говорить об определенной структурной зависимости рассматриваемой модальности от модальности объективной, имея в виду прежде всего ее периферийное по отношению к последней положение в рамках функционально-семантической категории модальности, вместе с тем перечисленные термины не представляются вполне удовлетворительными. Особенно это касается термина *внутрисинтаксическая модальность*, поскольку его использование логически предполагает употребление термина *внешнесинтаксическая модальность* для обозначения объективной модальности, и в этом случае категория наклонения, фиксирующая последнюю, оказывается за пределами синтаксиса, т. е. предложения. Допускает возможность неоднозначного толкования и смешения рассматриваемой модальности с модальностью объективной (предикативной) термин *модальность предиката*⁵⁷, ибо, как справедливо замечает Р. Мразек, «всякая „предложенческая” модальность — есть модальность предиката»⁵⁸. Указание на характер глагольного действия с точки зрения его фактического протекания содержится в термине *потенциальная модальность*⁵⁹. Однако данный термин не охватывает тех случаев, когда обозначенная им модальность фиксирует непосредственно само событие (ср.: *Мальчик читает*). Явно обедняет представление о рассматриваемой модальности довольно употребительный термин *лексическая модальность*⁶⁰, так как обращенный к плану ее выражения, он не учитывает других возможных (хотя и менее частотных) средств ее экспликации (в том числе и грамматических). Кроме того, необходимо иметь в виду, что и сами лексические средства, находясь в составе модальных кон-

⁵⁴ См., напр.: Там же. С. 151.

⁵⁵ См.: Ермолаева Л. С. Типология системы наклонения в современных германских языках // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 98; Историко-типологическая морфология германских языков: В 3 т. Т. 2. Категория глагола / Отв. ред. М. М. Гухман. М., 1977. С. 281 и сл.; Барышева И. В. Указ. соч.

⁵⁶ Филипповская И. А. Указ. соч. С. 42 и сл.

⁵⁷ См. его использование: Лекант П. А. Указ. соч. С. 95 и сл.; Гоголева Е. М. Дополнительная предикация в структуре простого предложения (инфинитивные предложения): Автореф. канд. дис. М., 1981. С. 16; Осетров И. Г. Структурные разновидности простого предложения с модальным значением долженствования: Автореф. канд. дис. М., 1984. С. 5 и сл.

⁵⁸ Мразек Р. Замечания о сущности модальности // *Otázky slovenské syntaxe*. D. III.

⁵⁹ Беляева Е. И. Указ. соч.

⁶⁰ См., например: Шведова Н. Ю. [Рецензия] // Вопросы языкознания. 1970. № 1. С. 130. — Рец. на кн.: Исследования по общей теории грамматики / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1968; Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. С. 47.

струкций, являются грамматикализированными элементами⁶¹ «функционирующими лишь в роли регулярных модификаторов определенных синтаксических построений»⁶².

Более адекватными представляются термины *субъектная модальность*⁶³ и *предметная модальность*⁶⁴: акцентируя внимание на участниках того события, фиксация которого осуществляется в рамках высказывания, они подчеркивают номинативный план рассматриваемой модальности. Вместе с тем недостатком первого из названных терминов является его узость: он ориентирован лишь на двусоставные предложения (с грамматически выраженным субъектом действия), случаи же типа *Уже должно светать*, в полном смысле бессубъектные, данный термин не охватывает. Термин *предметная модальность* с этой точки зрения оптимален, поскольку, оперируя им, можно иметь в виду (разумеется, с известной долей условности) «предмет существования» — непосредственно само именуемое событие или его предпосылки. Именно по этой причине мы и выбираем последний в качестве рабочего термина в своем исследовании⁶⁵.

Не определен вполне и основной состав значений, относимых к предметной модальности. Наиболее часто в нее включают значения возможности, необходимости, желательности, соответствующие трем типам отношений субъекта — предмета — и его действия — предикативного признака (ср.: *Я могу выполнить эту работу, Я должен выполнить эту работу, Я хочу выполнить эту работу*)⁶⁶. Некоторые авторы называют в кругу значений данного модального плана также значения долженствования, намерения, стремления, попытки⁶⁷, волеизъявления⁶⁸

⁶¹ На этот факт указывает Е. А. Крашенинникова (Крашенинникова Е. А. Модальные глаголы и частицы в немецком языке. М., 1958. С. 9—10).

⁶² Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. С. 152.

⁶³ См.: Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. С. 51.

⁶⁴ Данный термин принадлежит И. Пете, который относит предметную модальность наряду с предикативной, «выражающей оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения реальности/нереальности», к конструктивно-синтаксической модальности (Пете И. Указ. соч. С. 219—237).

⁶⁵ Ср. употребление этого термина в работах других авторов: Рудник Э. Я. Модальные глаголы и предикативы как имена модальных отношений (на материале русского языка в сопоставлении с немецким): Автореф. канд. дис. Воронеж, 1977. С. 1; Беляева Е. И. Указ. соч. С. 32.

⁶⁶ См., например: Филипповская И. А. Указ. соч. С. 44; Барышева И. В. Указ. соч. С. 5; Ломов А. М. Указ. соч. С. 52; Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. С. 154; Беляева Е. И. Указ. соч. С. 32.

⁶⁷ См., например: Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. С. 53; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. С. 151; Пете И. Указ. соч. С. 219 и др.

⁶⁸ См., например: Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. С. 364 и сл.

и т. п. Другие исследователи ограничивают рассматриваемый аспект модальности значениями действительности, возможности, необходимости⁶⁹. Частично причины подобной несогласованности в установлении набора значений предметной модальности связаны с неадекватным пониманием их семантического объема. Это касается, например, значений необходимости и долженствования. Одни авторы их разграничивают⁷⁰, другие рассматривают нерасчлененно, квалифицируя как тождественные⁷¹. Согласно третьему мнению, значения необходимости и долженствования, тесно соприкасаясь друг с другом, содержат наряду с общим смысловым компонентом дифференцирующие⁷². В качестве общего выступает «указание на обязательность связи явлений», а в качестве дифференцирующего — «указание на объективную связь явлений, содержащееся в значении необходимости, и указание на преломленную через субъективные отношения связь явлений» — в значении долженствования⁷³.

Для определения нашей позиции относительно характера взаимоотношений рассматриваемых значений обратимся к философскому толкованию необходимости. Как категория материалистической диалектики необходимость есть «отражение преимущественно внутренних, устойчивых, повторяющихся, всеобщих отношений действительности, основных направлений ее развития...»⁷⁴. Применительно к языку эти отношения материализуются в необходимых связях между субъектом (предметом) и его действием, реализующихся в рамках предложения (высказывания). Условия, определяющие специфику соответствующей связи субъекта (предмета) и его действия, имеют в большинстве своем объективный, внешний по отношению к субъекту характер, поскольку вызваны, как правило, какими-либо общественными, юридическими законами, традициями, сложившимися обстоятельствами и т. п. Однако в ряде случаев необходимость соответствующей связи субъекта и действия обуслов-

⁶⁹ См., например: Небыкова С. И. Структура предложений...; Ломтев Т. П. Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности; Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения; Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке.

⁷⁰ См., например: Виноградов В. В. Указ. соч. С. 57; Золотов А. Г. А. Указ. соч. С. 151.

⁷¹ См., например: Черепанова О. А. Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке XI—XVII вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1965; Небыкова С. И. Синонимия средств выражения модальности возможности и необходимости // Филол. науки. 1973. № 3; Ломов А. М. Указ. соч. С. 52.

⁷² См., например: Аскоченская В. Ф. Выражение возможности и необходимости в конструкциях с зависимым инфинитивом (на материале польского языка в сопоставлении с русским): Автореф. канд. дис. Воронеж, 1971. С. 5.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Философский энциклопедический словарь. С. 421.

ливается внутренними законами долга, которые можно расценивать как объективно-субъективные законы. В подобных случаях соответствующее модальное значение квалифицируется как должностное, которое выступает в качестве вариантного (частного) значения необходимости.

Также различны мнения ученых относительно статуса значений желания (желательности), намерения, стремления и т. п. Некоторые исследователи рассматривают их как отдельные модальные значения⁷⁵. Представляется, однако, что подобная дифференциация имеет несколько условный характер, ибо семантическая граница между данными значениями «настолько же неопределенна, насколько близки и взаимопроникающи соответствующие понятия»⁷⁶. Желание — это осознанное ощущение какой-либо внутренней потребности субъекта, которое неизменно связано с намерением, стремлением удовлетворить данную потребность. Пробуждение желания означает возникновение или постановку цели, т. е. отражение в голове человека объекта конкретной потребности, что определенным образом организует деятельность, придает ей целенаправленность. Поэтому, думается, правильнее рассматривать модальное значение желательности как инвариантное, в которое входят в качестве вариантов (частных модальных значений) значения намерения, стремления, попытки и т. п.⁷⁷. Что же касается значения волеизъявления, которое иногда относят к рассматриваемым значениям, то оно предполагает различение субъекта желания и субъекта желаемого действия, что весьма наглядно прослеживается в конструкциях с объектным инфинитивом (примеры типа *Он велел принести книгу*) и по этой причине не может быть отнесено к данному модальному плану.

Повышенная «психологичность» значения желательности, связанного, «с одной стороны, со сферой удовлетворения человеческих потребностей, а с другой стороны, со сферой эмоционального переживания этих потребностей»⁷⁸, делает дискуссионным вопрос о целесообразности и правомерности включения

---

⁷⁵ См., например: Чесал Б. Русские глаголы, сочетающиеся с инфинитивом: (Семантическая и синтаксическая классификация) // Sbornik Pedagogické fakulty v Plzni: Jazyk a literatura. V. VII. Praha, 1967. S. 107; Илюхина Н. А. Семантическая системность глаголов желания и намерения: Автореф. канд. дис. Воронеж, 1986; Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., 1981. С. 49—52, 135—138.

⁷⁶ Черепанова О. А. Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке XI—XVII вв.: Дис. канд. филол. наук. 10.02.01. Л., 1965. С. 103.

⁷⁷ Данная квалификация значения желательности находит поддержку у исследователей. См., например: Алтабаева Е. В. Выражение модального значения желательности в простом предложении: Автореф. канд. дис. М., 1986. С. 14.

⁷⁸ Пелих Е. А. Структура лексико-семантического поля желания (на материале русского, украинского, английского языков): Автореф. канд. дис. Саратов, 1984. С. 3.

его в круг значений предметной модальности. Например, В. З. Панфилов полагает, что «глаголы типа *хотеть, желать...* своими лексическими значениями не указывают на характер объективных связей и, следовательно, не выражают модальных значений»⁷⁹. К числу немодальных относит данное значение В. Н. Бондаренко⁸⁰.

Следуя логике понимания предметной модальности, фиксирующей способ существования внеязыковой действительности, можно было бы согласиться с подобными возражениями и строго ограничить ее лишь значениями действительности, необходимости, возможности. Однако обращение к философским определениям соответствующих значений дает, как нам кажется, возможность более широкого понимания семантического объема предметной модальности, т. е. с включением в него и значения желательности. Так, с точки зрения марксистско-ленинской философии, возможность — это категория материалистической диалектики, которая раскрывает «объективно существующую тенденцию развития предмета»⁸¹, «то, что может стать действительностью при определенных условиях» (БАС)⁸². Действительность есть «объективно существующий предмет как результат реализации некоторой возможности, в широком смысле — совокупность всех реализованных возможностей»⁸³. Условиями же реализации возможности являются «все внутренние и внешние связи предмета в их отношении к данной возможности»⁸⁴. Очевидно, что в числе этих условий может быть и желание, т. е. предрасположенность предмета (субъекта) к образованию соответствующих связей. Таким образом, желательность может являться одним из условий реализации возможности, и в этом смысле она сближается с необходимостью, которая также есть «способ превращения возможности в действительность»⁸⁵. Соответствующий характер структурно-смысловой связи значения желательности с другими значениями предметной модальности отмечается исследователями⁸⁶.

Итак, как показывают приведенные факты, состав основных значений предметной модальности, их смысловая структура и характер взаимосвязи определяются содержательной природой и спецификой диалектического «сосуществования» соответст-

---

⁷⁹ Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании предложения и суждения. С. 40.

⁸⁰ Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке. С. 61.

⁸¹ Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 1. М., 1960. С. 268—269.

⁸² Сокращения см. в конце книги.

⁸³ Философский энциклопедический словарь. С. 87.

⁸⁴ Философская энциклопедия. Т. 1. С. 271.

⁸⁵ Философский энциклопедический словарь. С. 421. Ср. также словарное значение слова *желательность*: 'Свойство по знач. прил. желательный; необходимость' (МАС).

⁸⁶ См., например: Грелл М. Указ. соч. С. 288.

вующих философских категорий. Анализ их дает нам основание выделить в рамках предметной модальности значения действительности, возможности, необходимости, желательности, отмечая при этом относительно трех последних приоритетное положение значения возможности⁸⁷.

Все указанные значения, квалифицируя действие (предикативный признак) «путем установления соответствий между регистрируемым фактом и наличной действительностью»⁸⁸ с точки зрения того, каким способом подается этот факт, реализуются в отношениях между предметом (логическим субъектом) и его действием. При этом различают две основные разновидности предметной модальности: непосредственную (нулевую⁸⁹) модальность, фиксирующую прямую, непосредственную, связь предмета и предикативного признака независимо от времени установления этой связи (ср.: *Он читал книгу, Он читает книгу, Он прочитает книгу*), и опосредованную модальность, которая «предполагает наличие определенного семантического звена, координирующего связь предмета и признака»⁹⁰, т. е. содержит предпосылки именуемого события: факт его возможности (*Он может прочитать книгу*), необходимости (*Он должен прочитать книгу*) или желательности (*Он хочет прочитать книгу*).

В рамках непосредственной модальности реализуется значение действительности, в рамках опосредованной модальности — значения возможности, необходимости, желательности. Значение действительности не имеет специальных (собственных) средств выражения и эксплицируется средствами, «принадлежащими» объективной модальности, т. е. граммемами наклонения. Значения же опосредованной модальности, напротив, обладают развернутой системой средств выражения, среди которых выделяется обширный пласт модальных глаголов и предикативов⁹¹.

Особое функционально-семантическое назначение указанных лексических средств — выражать не само действие, а его предпосылки — находит отражение в существующих вариантах их терминологического обозначения. Так, Ю. С. Степанов называ-

---

⁸⁷ Интересно в плане сказанного стремление П. Адамца вывести частные значения необходимости и возможности из общего значения возможности (A d a m e c P. Identifikace sémantiky modálních sloves a jejich ekvivalentů v současné ruštině // Československé přednášky pro VII mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě. Lingistika. Praha, 1973).

⁸⁸ Л о м о в А. М. Аспектуальные категории русского языка и их функциональные связи: Автореф. докт. дис. Воронеж, 1977. С. 28.

⁸⁹ Данный термин предлагается А. М. Ломовым (Л о м о в А. М. Очерки по русской аспектологии. С. 52).

⁹⁰ Там же.

⁹¹ К предикативам, вслед за Русской грамматикой, относим «слова, выступающие в функции главного члена однокомпонентных предложений» (Русская грамматика. Т. 1. С. 705).

ет модальные глаголы и предикативы *предикатами потенциальности*⁹², Н. С. Авилова, осуществляя семантическую классификацию одновидовых глаголов, включает модальные глаголы в разряд неактивных⁹³.

С точки зрения синтаксической специфики, модальные глаголы относятся к числу интенциональных⁹⁴, «по самой природе своей направленных на какое-то распространение, более или менее требуя определителей для своей коммуникативной полноты»⁹⁵. Таким определителем для них является зависимый субъектный инфинитив⁹⁶, семантически не ограниченный⁹⁷. Находясь в составе определенных синтаксических конструкций, модальные глаголы (и предикативы) своей модальной коннотацией обязаны «синтаксическому положению в строе предложения»⁹⁸. «Их функционально-модальное значение, — указывает Н. Е. Петров, — связано с вещественной семантикой слова, но проявляется как контекстуальное значение, входящее в состав синтактико-грамматических значений предложения в целом»⁹⁹.

Общность модальной и синтаксической функций модальных глаголов и предикативов, а также способных выступать в данной роли прилагательных и глагольно-именных сочетаний (ср.: *Он может ехать, Ему можно ехать, Он готов ехать, Он имеет возможность ехать*) позволяет объединить их, несмотря на различие их морфологических характеристик, в одну группу модальных модификаторов¹⁰⁰.

В зависимости от характера выражения соответствующих модальных значений данные модификаторы можно разделить на две группы: 1) собственно модальные модификаторы, для которых выражение модального значения является единственной (или основной) функцией (*мочь, сметь, хотеть, желать, можно, нельзя, надо, необходимо, намерен, иметь возможность,*

⁹² Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. С. 114—139.

⁹³ Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976. С. 61—62.

⁹⁴ Чесал Б. Указ. соч. С. 107.

⁹⁵ Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы // Вопросы языкознания. 1964. № 3. С. 52.

⁹⁶ Некоторые исследователи относят к модальным также глаголы, сочетающиеся с объективным инфинитивом. См., например: Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971. С. 169. Однако подобные глаголы входят в состав волюнтаривных. См.: Чесал Б. Указ. соч. С. 107.

⁹⁷ На данное свойство инфинитива, сочетающегося с модальными глаголами, указывает, например: Шведова Н. Ю. О синтаксических потенциях формы инфинитива // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 33.

⁹⁸ Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., 1945. С. 287.

⁹⁹ Петров Н. Е. Указ. соч. С. 88.

¹⁰⁰ Термин принадлежит П. Адамцу (Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности. С. 99).

иметь необходимость, иметь желание); 2) несобственно модальные модификаторы, к которым относятся слова, выступающие в модальной функции лишь в части своих употреблений (в сочетании с зависимым инфинитивом), в других случаях они являются семантически полными лексемами, обладающими вещественными значениями (обозначают конкретное действие или признак) и имеющими иную сочетаемость (*терпеть, думать, должен, готов* и т. п.)¹⁰¹.

Будучи объединенными функцией передачи модальных значений, получающих реализацию через отнесенность предикативного признака к его носителю (субъекту действия или состояния), модальные модификаторы не могут «не учитывать» специфики выражения последнего в предложениях различной структурно-семантической разновидности, образуя соответствующие формально-структурные группировки. Так, выделяются модификаторы, фиксирующие отнесенность предикативного признака, с одной стороны, к прямому (грамматически выраженному в форме подлежащего или выявляющемуся из контекста) субъекту двусоставных и односоставных личных предложений (спрягаемые формы глаголов, краткие прилагательные и причастия — *мочь, хотеть, обязан, должен, готов, принужден* и т. п.), а с другой стороны, — к косвенному (логическому) субъекту так называемых безличных предложений (безличные глаголы, предикативы — *следует, подобает, надлежит, можно, нельзя* и т. п.). Подобную двуплановость предикативной направленности модальных модификаторов важно учитывать при соответствующем анализе¹⁰².

Объективная модальность, эксплицируемая граммемами наклонения, образует центр рассматриваемой функционально-семантической категории модальности¹⁰³, предметная же модальность, не имея грамматического ядра, составляет ее периферийный фрагмент. В то же время, обладая разноуровневыми средствами выражения, среди которых доминирующее положение занимают лексические модификаторы, данный фрагмент организован по полювому принципу. Его отдельные составные значения (возможность, необходимость, желательность) образуют функционально-семантические микрополя, структура каждого из которых выступает как система разноуровневых средств.

---

¹⁰¹ Близкая классификация слов с модальным значением содержится в указ. соч. О. А. Черепановой. См. также: Филипповская И. А. Указ. соч. С. 42—43.

¹⁰² Существует, однако, мнение о целесообразности объединенного анализа лексических средств данного типа. См., напримр: Небыкова С. И. Модальность предложений с зависимым инфинитивом (значения возможности и необходимости). С. 20—21.

¹⁰³ Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. С. 20 и сл.

группирующихся по типу «центр (ядро) — периферия»¹⁰⁴. При выявлении членов соответствующего противопоставления релевантными представляются критерии, предложенные А. В. Бондарко¹⁰⁵. В их числе:

а) сосредоточенность, максимальная концентрация специфических признаков, характеризующих данную группировку (центр) — разреженность таких признаков (периферия); б) максимальная функциональная нагрузка (центр) — уменьшение такой нагрузки (периферия); в) наибольшая специализация данного языкового средства или системы таких средств для реализации определенной семантической функции (центр) — меньшая степень специализации, побочная роль в реализации данной функции (периферия); г) регулярность, высокая частота употребления данного языкового элемента (центр) — нерегулярность или меньшая регулярность, меньшая употребительность (периферия).

Кроме того, нами учитываются и другие структурные признаки функционально-семантического поля, такие, например, как: постепенность перехода от центра к периферии, пересечение микрополей.

При определении лексической доминанты микрополя используем традиционно выделяемые критерии: выражение соответствующего модального значения в наиболее общем, инвариантном виде, немаркированность с точки зрения сферы употребления (функционально-стилистической¹⁰⁶ ограниченности) и эмоционально-экспрессивной окраски, наибольшая частотность употребления по сравнению с другими компонентами поля.

Говоря о важности функционально-семантического подхода к языку, его сторонники обращают внимание на «исторические изменения в тенденциях и результатах взаимодействия грамматических, лексических и словообразовательных единиц, классов и категорий на семантико-функциональной основе»¹⁰⁷ и на важность той роли, которую приобретают в связи с этим соот-

---

¹⁰⁴ Значение действительности, не имеющее специальных средств выражения, соответствующего микрополя не образует.

¹⁰⁵ Бондарко А. В. К теории поля в грамматике — залог и залоговость // Вопросы языкознания. 1972. № 3.

¹⁰⁶ Употребляем данный термин с известной долей условности, подразумевая под ним разновидности (типы) древнерусского литературного языка, ибо разделяем мнение исследователей, считающих неправомерным говорить о функциональных стилях применительно к рассматриваемому языковому периоду, поскольку их образование связано с большой внутренней слитностью литературного языка, которая стала прослеживаться, по мнению В. В. Виноградова, не ранее XVI в. (Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 81).

¹⁰⁷ Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. С. 89.

ветствующие диахронические исследования¹⁰⁸. Учитывая историческую изменчивость функционально-семантических категорий, к числу которых принадлежит и многоаспектная категория модальности¹⁰⁹, и ставя перед собой задачу диахронического описания одного из ее фрагментов (предметной модальности), мы исходим из общеизвестного ленинского требования «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как ... явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹¹⁰.

Следует отметить недостаточную изученность модальности в историческом аспекте. «Возникает необходимость, — указывает польский лингвист Ч. Бартула, — тщательного исследования модальных конструкций в древнейшей стадии славянских литературных языков, прежде всего старославянского, древнечешского, древнепольского, древнерусского, к которым у нас имеется богатый материал письменных памятников»¹¹¹. Отметим также, что большинство из немногочисленных работ исторического плана посвящено анализу средств выражения субъективной модальности¹¹², рассмотрение же интересующего нас модального аспекта, за исключением единичных статей отдельных авторов¹¹³, содержится лишь в одном из разделов кандидатской диссертации О. А. Черепановой¹¹⁴. Причем эволюция средств выражения модальности прослеживается в работах, имеющих свои собственные задачи исследования, без специального обращения к их функционально-семантической характеристике.

Обращаясь к диахроническому исследованию русского литературного языка донационального периода и выделяя в его формировании и развитии два временных отрезка: XI—XIV вв.

¹⁰⁸ См.: Там же. См. также: Расторгуева Т. А. О некоторых исторических изменениях в структуре поля (на материале поля времени в английском языке) // Сб. научных трудов Моск. пед. ин-та иностр. языков им. М. Тореза. Вып. 125. М., 1978.

¹⁰⁹ См.: Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. С. 15—16.

¹¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

¹¹¹ Бартула Ч. Проблематика модальности в старославянском и праславянском языках // *Otázky slovanské syntaxe*. D. III. Brno, 1973. S. 301—302; См. также: Мразек Р. Рабочие итоги симпозиума. С. 393.

¹¹² См., например: Отин Е. С. Модальные отношения в конструкциях чужой речи и средства их выражения в русском языке XIII—XVII вв.: Дис. 10.02.01 канд. филол. наук. М., 1962; Ляпон М. В. Из истории выражения модальности в русском языке (на материале сочинений Курбского): Дис. канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1971.

¹¹³ См., например: Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в древнерусском языке // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1959. Сер. филол. наук. Вып. 55, № 277; Озолина К. Н. Выражение модального значения долженствования-необходимости в древнерусском языке // Труды Иркутск. ун-та. 1970. Сер. языкознания. Т. 73, вып. 5.

¹¹⁴ Черепанова О. А. Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке XI—XVII вв.

(литературный язык древнерусской народности) и XIV—XVII вв. (литературный язык великорусской народности), мы опираемся на метод синхронного среза, важность использования которого обуславливается, на наш взгляд, тем, что «исследования языковых факторов диахронического характера предполагают непосредственное наблюдение процесса развития языка как последовательной смены состояний»¹¹⁵. При определении границ синхронного среза существенной представляется позиция Т. П. Ломтева, указывавшего, что «одним интервалом времени в развитии языка является время разрешения данного противоречия в данном звене структуры языка»¹¹⁶. Таким интервалом, равным синхронному срезу, может стать даже несколько веков¹¹⁷.

---

¹¹⁵ Новикова Н. В. Становление аналитической формы будущего времени в русском языке: Автореф. канд. дис. М., 1982. С. 4.

¹¹⁶ Ломтев Т. П. К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка // Общее и русское языкознание / Под ред. О. А. Крыловой. М., 1976. С. 321.

¹¹⁷ Барнет В. К вопросу о методологии синхронного среза в диахронии // Языкознание в Чехословакии / Отв. ред. А. Г. Широкова. М., 1978. С. 134—141.

ГЛАВА I

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДМЕТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (XI—XIV вв.)

§ 1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В данной главе рассматривается система средств выражения составных значений предметной модальности применительно к древнерусскому литературному языку периода формирования древнерусской народности. Оставляя в стороне обсуждение дискуссионного вопроса об истоках и структуре русского литературного языка этого периода, мы в основном придерживаемся концепции В. В. Виноградова о двух типах данного языка (книжно-славянском и народно-литературном)¹, однако в отличие от В. В. Виноградова включаем, вслед за другими исследователями², деловой язык в систему литературного.

Обращая внимание на богатство русского литературного языка древнерусского периода с точки зрения разнообразия жанров, следует подчеркнуть большую функциональную роль книжно-славянского типа языка, обслуживавшего потребности церковно-религиозной литературы. Последняя представляла собой значительную часть древнерусской письменности, основу которой составляли произведения, написанные или переведенные русскими книжниками в Древней Руси: житийная, проповедническая (слова, поучения), паломническая (хожения) литература, сочинения религиозно-учительного характера и др.³ Что касается народно-литературного типа древнерусского язы-

¹ Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958. С. 36 и сл.

² См., например: Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984. С. 80; Филкова П. Д. История русского литературного языка XI—XVIII веков. София, 1973. С. 80.

³ Следуя наиболее распространенной точке зрения, мы не включаем в число таких произведений церковно-канонические книги (псалтырь, евангелие, апостол и др.), принадлежавшие к церковнославянскому языку. Вместе с тем, не рассматривая данные тексты в качестве источников истории русского литературного языка, мы в отдельных случаях привлекаем их при анализе соответствующих языковых явлений.

ка, то наиболее последовательно он представлен в светской оригинальной и переводной литературе: в летописании, сочинениях повествовательных, исторических, в светских поучениях, частной переписке и т. п. Сфера функционирования делового языка Древней Руси — немногочисленные юридические документы, наиболее значительным из которых был свод древнейших законов — «Русская правда».

Учитывая при анализе материала структурно-функциональную многослойность древнерусского литературного языка, мы вместе с тем имеем в виду тот факт, что его функциональные типы достаточно ясно и отчетливо выступают только «в своих контрастных, наиболее „чистых” концентрациях», а в целом для них характерно «сложное и разнообразное взаимоотношение и взаимодействие в кругу разных жанров древнерусской литературы»⁴.

Тип модальных отношений рассматриваемого аспекта многоуровневой категории модальности, как отмечалось выше, отражает характер связи между определенным объектом реальной действительности и приписываемым ему признаком с точки зрения способа существования этой связи: ее возможности, необходимости или желательности. Названные значения выступают как основные структурно-семантические компоненты плана содержания описываемого фрагмента функционально-семантической категории модальности — предметной модальности — и в работе представлены в виде его микрополей.

§ 2. МОДАЛЬНОСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ

Как указывалось во Введении, фиксируемое с помощью предметной модальности событие может быть представлено или как наличное в рамках реальной действительности, или в виде его предпосылок (существовавших в прошлом, существующих в настоящем или отнесенных в план будущего). Одной из таких предпосылок является возможность осуществления именуемого события. Будучи «объективной тенденцией становления предмета, выражающейся в наличии условий для его возникновения»⁵, возможность выступает в языке как сообщение об этих условиях посредством указаний на соответствующие отношения между предметом (субъектом) и его действием, содержащихся в предложении. В свою очередь, сами условия, определяющие тип связи субъекта и действия, могут быть двойными: с одной стороны, не зависящими от субъекта, находящимися

---

⁴ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 60; См. об этом также: Горшков А. И. Указ. соч. С. 85—86.

⁵ Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М., 1983. С. 87.

вне сферы его «влияния», а с другой, напротив, непосредственно связанными с соответствующими качествами самого субъекта. Исходя из этого, разграничиваем возможность объективную и субъективную⁶. Обе разновидности, отражая диалектически сложные и многообразные внеязыковые отношения, реализуются в предложении в различных конкретных проявлениях, в так называемых частных значениях. Применительно к объективной возможности выделяем два частных значения: а) (не) иметь возможность выполнить действие (в связи с наличием (или отсутствием) каких-либо внешних по отношению к субъекту обстоятельств); б) (не) иметь право для выполнения действия (в связи с наличием соответствующих законов юридического, а также морального характера). Субъективная возможность включает следующие частные значения: а) (не) быть в состоянии выполнить действия (по причинам физического или психического характера); б) (не) иметь способность выполнить действие (в силу наличия (или отсутствия) у субъекта соответствующих навыков, умений, знаний и т. п.).

Указанные частные значения возможности реализуются в предложении с помощью различных средств, в числе которых находятся лексические модификаторы, функционирующие в сочетании с зависимым инфинитивом, а также невербальные средства (различные типы контекста). Все эти средства составляют план выражения микрополя возможности, выступая в виде его конституентов. Ведущее место среди них занимают лексические конституенты.

---

⁶ Тождественное или близкое (в ряде случаев в несколько ином терминологическом обозначении) разграничение типов возможности проводится и другими исследователями. См., например: Никитевич В. М. Некоторые модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке // Вопросы изучения русского языка. Алма-Ата, 1955; Крашенинникова Е. А. Модальные глаголы и частицы в немецком языке. М., 1958; Парменова Т. В. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1975; Володина Г. И. Функционирование конструкций со значением возможности и долженствования действия. М., 1975; Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филол. науки. 1979. № 2; Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985, и др. — Мы понимаем, что в подобном разграничении имеется известная доля неточности (на что справедливо указывают некоторые исследователи: Эслон П. А. О семантической зоне модальности возможности в русском языке // Функциональные аспекты грамматики русского языка. Вып. 719. Тарту, 1985), ибо, во-первых, происходит терминологическое перекрещивание названных типов возможности с объективной и субъективной модальностью, а во-вторых, возникает некоторое смысловое расхождение между общим объективным характером функционально-семантической категории модальности, фрагментом которой является предметная модальность, и субъективным характером ее отдельных составных значений. Однако в целях удобства рассматривания материала, за неимением других, более точных терминов, считаем допустимым пользоваться данными.

1. Лексические средства выражения возможности

1.1. Собственно модальные модификаторы. Преобладающим лексическим экспликаторм модального значения возможности применительно к древнерусскому языку исследуемого периода являются модальные глаголы, выступающие в двусоставных или односоставных личных предложениях с прямым субъектом действия (предикативного признака). Доминирующее положение среди них занимает глагол *мочи* (*мощи*), частотность функционирования которого составляет около 75% от общего числа употреблений всех глаголов, зафиксированных в качестве экспликаторов значения возможности⁷. Характеризуясь стилистической немаркированностью, данный глагол одинаково употребителен в памятниках письменности различной жанровой принадлежности. Выступая преимущественно в формах изъявительного наклонения, т. е. реализуясь в предложениях, содержащих реальную модальность⁸, он передает значение реальной возможности, отнесенной к прошлому, настоящему или будущему: ...въ велицѣ печали бяша володимиръ зане *не можахъ изити* противу имъ (Сказ. о Б. и Г.); ...отсель *не могу пребывати* въ келии множества ради живущихъ бесовъ въ ней (Ж. Феод.); ...и се множество людии заступили двери церковныя, ѿ не могохомъ тогда въ церковь вѣити (Хож. Дан.); ...и не можаху умѣститися во ворота, зане мость бяше узокъ воротомъ (Г.-Вол. лет.); А иже от бога будет смерть, то ни отецъ,

---

⁷ Обращаясь к количественным характеристикам, мы вместе с тем присоединяемся к авторам, которые не выделяют количественный анализ как особый прием исследования. «Нецелесообразность обособленного количественного анализа в историко-лингвистическом (диахроническом) исследовании вообще, — отмечает В. Л. Георгиева, — усугубляется в том случае, когда исследование охватывает сравнительно широкий хронологический отрезок с нижней границей у самых истоков письменности. В этих условиях цифровые подсчеты сами по себе не могут создать объективности картины функционирования изучаемых категорий и даже в связи с определенными качественными факторами не всегда показательны. Известно, что для русской письменности характерна и неодинаковая интенсивность ее развития в различные периоды истории Руси, и неодинаковый процент сохранения памятников разных периодов» (Георгиева В. Л. Вопросы развития безличных предложений в истории русского языка (на материале памятников письменности XI—XVII вв.): Автореф. докт. дис. Л., 1969. С. 3—4).

⁸ Употребление данного глагола в форме сослагательного наклонения, эксплицирующего нереальную модальность, зафиксировано немногочисленными примерами преимущественно в сложноподчиненных предложениях. Ср., например: Аште бысте хранили въ чѣсть его же ясте *не могли быхомъ отиноудъ приближити* ся (Изб.).

Здесь и далее примеры даются в упрощенной орфографии. Титла раскрываются.

ни матери, ни братья не могут отъяти (Поуч. Мон.); Ты бо можеш Волгу веслы раскропити (Сл. о плк. Иг.)⁹.

Столь широкая употребительность глагола *мочи* в модальной функции связана, видимо, с прозрачностью его внутренней формы. Как свидетельствуют этимологические словари, рассматриваемый глагол восходит к прасл.* *mogo*,* *mogti*, родственному гот. *mag* 'я могу, в состоянии', а также гот. *mahts* 'мощь, сила' (Сл. Фасмера). Словарь Срезневского и СЛРЯ XI—XVII вв. у данного глагола в качестве основного называют значение 'быть в состоянии, в силах (делать что-л.)'. Указанная модальная семантика глагола *мочи* отчетливо прослеживается и в анализируемом материале, где преобладают реализации именно этого частного значения возможности. Характер состояния субъекта, указание на которое содержится в контексте, может определяться: 1) физическими факторами: ...больни соути и не могоути сквозь поустыню ходити (Син. пат.) 'не в состоянии идти из-за болезни'; ...и бишася с ними ляховъ крѣпко, одва могоша и взяти с великимъ шотом (Г.-Вол. лет.) 'едва смогли взять с большим физическим напряжением'; 2) психическими факторами: Да елико слышаху словеса его, отъ слъзъ не можааху ни словесе рещи, отъ страха же и печали горькы и многыхъ слъзъ (Сказ. о Б. и Г.) 'от слез и от страха были не в состоянии ни единого слова сказать'; Мы убо не можемъ забыти красоты тоя, всякъ бо человекъ, аще вкуситъ сладка, послѣди горести не принимаетъ (Пов. вр. л.) 'мы не в состоянии забыть ту красоту, поскольку человек, вкусив сладкое, горести не принимает'; ...егоже безаконья не могохомъ писати срама ради (Г.-Вол. лет.) 'не в состоянии были писать из-за стыда'.

Проявлением определенного психического состояния субъекта, обуславливающего соответствующий тип его связи с действием, может быть наличие или отсутствие внутренней предрасположенности к осуществлению действия. В подобных случаях происходит совмещение частного значения '(не) быть в состоянии выполнить действие' со значением '(не) иметь желание'. Совмещенность указанных значений имеет и формальные признаки: субъект действия, как правило, выражен местоимением в 1-м лице, модальный глагол употреблен в настоящем времени: ...ясти много и носити добро можемъ въздржатижеся и сѣмѣреноудровати не можемъ (Син. пат.) 'есть много ... можем/хотим, воздержаться же и жить в смирении не можем'; Рекоша: Умри! С живымъ с тобою не можем ся умирити (Флав.) 'с тобой живым не можем/не хотим примириться'; Можемъ головы свои за тя сложити, а не предадимъ города

⁹ Иллюстративный материал приводится выборочно. Количество приводимых примеров в каждом конкретном случае определяется характером функционирования соответствующего модального модификатора (его частотностью, жанрово-стилистической направленностью и т. п.).

(Г.-Вол. лет.) 'можем / хотим / готовы сложить за тебя головы'¹⁰.

Указания на определенное состояние субъекта, обуславливающее реализацию соответствующего частного значения возможности, как было отмечено выше, содержатся в контексте. Функцию последнего весьма часто выполняет микроконтекст, в роли которого выступает зависимый субъектный инфинитив, называющий действие, осуществление которого связано с внутренними возможностями самого субъекта. Инфинитив имеет формальные признаки совершенного вида и употребляется преимущественно с отрицанием¹¹, т. е. в данном случае реализуется значение 'не быть в состоянии выполнить действие': И съдоста обаполы Сновидь Изечевичи и Дмитръ, и не можаста удержати (Пов. вр. л.); ... да двою нужно убьжахъ, а злы жены не могу утечи! (Пч.); Идущима же има воспать, очютивше же ся самаряне, затвориша врата праду, но не могоша удержати (Флав.); И постави порока 12, и не може разбити стѣны (Г.-Вол. лет.); Новгородьди же много моляхуса: не ходи, княже, и не можахуть его уяти (Новг. лет.). Весьма отчетливо указанное частное значение возможности выявляется через семантику инфинитива глагола *терпѣти* (*сѣтерпѣти*): ... не могу бо терпѣти красоты твоя, без ума погубляемы (Пат. печ.); ... и не може терпѣти студни и мраза (Ж. Авр. Смол.); ... и одолѣнъ бывъ и не могу сѣтерпѣти раждѣния (Син. пат.); ... а нынѣ, княже, не можемъ трпѣти твоего насилья (Новг. лет.).

«Сигнализаторами» рассматриваемого частного значения могут служить и другие лексические элементы контекста. Так, состояние субъекта действия могут характеризовать лексемы, выступающие в функции различных членов предложения: а) именной части сказуемого, однородного с модальным предикатом: ... слѣпъ есмь и не могоу никамо же ити (Син. пат.); Бѣ Болеславъ великъ и тяжекъ и на кони не могу сѣдѣти (Пов. вр. л.); ... на одръ привязанъ есмь и вѣстати не могоу (Син. пат.); б) определения к подлежащему — субъекту действия: ... доушевноую печаль съпрятати можетъ и оутѣшити книжныхъ словесъ сила (Изб.); ... камень ... можаху 4 мужи силнии подъяти (Г.-Вол. лет.); в) обстоятельства причины, наиболее регулярной формой выражения которого являются предлож-

¹⁰ И. Г. Соколова в примерах, подобных последнему, видит трансформацию значения возможности в значение намерения, готовности и т. п. (Соколова И. Г. Сочетание «могу + инфинитив» как способ выражения будущего времени в русской и украинской письменности XV века // Сб. научных трудов Ташкент. ун-та. 1979. № 580. С. 9).

¹¹ Роль глагольного вида в сочетании с отрицанием в выражении модальных значений и их оттенков давно замечена исследователями: Бойко А. А. 1) О модальных функциях вида в современном русском языке (на материале инфинитивных сочетаний): Автореф. канд. дис. Л., 1953; 2) Употребление видов глагола в форме инфинитива в современном русском языке: Автореф. докт. дис. Л., 1983.

но-падежные конструкции «отъ+род. пад. сущ.» и «ради+род. пад. сущ.»¹²: ...оуже не могоу от жажда ходити (Син. пат.); ...и не можаше никто же въкусити его [хлеб] от горести (Пат. печ.); ...и не можаху пѣния над нимъ сътворити смрада ради (там же); Горы же тоя Ливоньския не могох дойти ногами своими страха ради поганных (Хож. Дан.); ...егоже безаконья не могохомъ писати срама ради (Г.-Вол. лет.).

Внутри сложного предложения рассматриваемое значение раскрывается через семантическую обусловленность его частей. Наиболее частотными из сложных конструкций являются предложения с причинно-следственными отношениями. Ср.: Азъ на тя не могу зрѣти: егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю (Сл. Зат.); ...и бяше нога емоу соуха и съкърчена и не можаше на ней ходити (Сказ. о чуд. Р. и Д.); Нѣ не тъкмо въстати съ одра, нѣ ни подвигнути себе не могу: нозѣ имѣю непоступнѣ (К. Тур.); ...и хотя отъврѣсти двѣрии не може отврѣсти бѣ бо житѣница исплѣнена пшеница (Син. пат.); Въставше же, и не можаху ити, бяше бо изнемогли от глада (Пат. печ.); И бѣжащо ему, нападе на нѣ бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше съдѣти на кони (Пов. вр. л.).

Другое частное значение субъективной возможности — '(не) иметь способность выполнить действие' — реализуется с помощью глагола *мочи* значительно реже. Данный тип отношений субъекта и действия раскрывается, как правило, через характеристику соответствующих качеств субъекта, которая содержится в семантике подлежащего или определения к нему: Сука не может родити жеребяти (Сл. Зат.); А о святѣи Премудрости божию умъ человекъ не может сказать и исчести (Хож. Стеф. Н.); ...его же нашъ оумъ ся не может домыслити (Сл. Злат.); ...ни человекъская хитрость, ни божественныи гнѣвъ может укорити и смирити жидовскую крѣпость (Флав.); ...бысть грамотникъ цесаревъ хитръ, муж мудръ. И мога створити свою грамоту (там же). Характеристика качеств субъекта может передаваться и через обстоятельственные конструкции: Но тружающе свой мутный умъ, худъ разумъ имѣя, не могый порядникъ слово по чину изглаголати (К. Тур.); Данилу же тогда дѣтску сущю, якоже можяше на конѣ ѣздити (Г.-Вол. л.).

Также довольно редко с помощью глагола *мочи* реализуются значения субъективной возможности. Связь субъекта и действия, обусловленная факторами внешнего по отношению к субъекту характера, обычно выявляется через семантическую соотношенность частей сложного предложения. Так, в числе

¹² Функционирование данной предложно-падежной формы в древнерусском языке отмечено исследователями: Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. С. 370—371; Иванова В. А. Предложные конструкции, выражающие причинное значение в древнерусском языке // Вестн. Моск. ун-та. 1957. № 2. Историко-филологическая сер. С. 127, и др.

сложных конструкций, регулярно реализующих значение '(не) иметь возможность для выполнения действия', находятся предложения с причинно-следственными отношениями. В одной из частей таких предложений содержится указание на условия, служащие причиной возможности (или невозможности) осуществления действия, обозначенного в другой части: Нынѣ же, господине, уже к тому не можемъ зрѣти, уже бо солнце наше зайде (Г.-Вол. лет.); Вошелкъ же не може дойти до Святѣй Горѣ, зане мятежь бысть великъ тогда в тыхъ земляхъ (там же); ...не могоша бо переѣхати ей рѣкы, понеже наводнилася бяше (там же); ...и се множество людии заступили двери церковныя, и не могохомъ тогда въ церковь внити (Хож. Дан.); ...рекоша ему воины брашна наша коньчаша ся и не можемъ тебе жьдати (Муч. Христ.); ...и рекоша ему: «Отче! Умножилося братьѣ, а не можемъ ся вмѣстити в пещеру» (Пов. вр. л.); ...избиша же и отроки многы съ Георгия же не могуще съняти гривны и отсѣкъше главоу отъвергоша ... и послѣды не могоша тѣла его познати (Сказ. о Б. и Г.).

Роль обуславливающего структурно-семантического компонента могут выполнять оборот «дательный самостоятельный», выступающий в функции придаточного причины, и обстоятельственные причастные обороты с причинным значением. Конструкции данного типа зафиксированы немногочисленными примерами: Днѣстру же наводнившюся, не могоша переити (Г.-Вол. лет.); ...не можетъ градъ оукрыти ся врѣхоу горы стоя (Сказ. о Б. и Г.); Ни, в западных странах сѣдѣюще, могутъ възрѣти или слышати скоро (Флав.).

Весьма отчетливо это же значение прослеживается в условных сложноподчиненных предложениях, в придаточной части которых содержится указание на условия, определяющие возможность (или невозможность) осуществления действия, названного в главной части. Семантическая специфика предложений данного типа заключается в том, что их «основным модальным ядром является сказуемое придаточной части»¹³, и в соответствии с характером различия в его модальном оформлении эти предложения можно разделить на две группы: 1) сказуемое придаточной части выступает в форме изъявительного наклонения, при этом сложная конструкция имеет реальную модальность, т. е. выражает условие реально возможное; 2) сказуемое выражено глаголом в форме сослагательного наклонения, сложное предложение имеет модальность ирреальную, т. е. выражает условие ирреальное, неосуществимое, либо предположительное, гипотетическое¹⁴. Ср.: Аще ли вы будете крестъ цѣловати ...а ли управивъше сердце свое, на нем же

¹³ Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1979. С. 253.

¹⁴ Там же.

можете устояти (Поуч. Мон.); Не можеши избавленъ быти, аще не послещи к папѣ и приимеши крещения (Г.-Вол. лет.) — ...аще не бы съмърти не было и тья то не бы могль глаголати (Сказ. Агап.); Аще же бы скончал при своем животь, не могли быша римляне никакже Иерусалима взяти (Флав.).

Выразительным актуализатором рассматриваемого частного значения возможности являются также сложноподчиненные предложения цели, в которых выражается «прямая и непосредственная обусловленность явления его желательным следствием»¹⁵. Обусловливающей является главная часть данных предложений: в ней называется действие или состояние предмета, выполнение которого служит условием для возникновения возможности (или невозможности) осуществления другого (желательного для субъекта) действия: ...отвѣща бѣльць глаголя чѣто имамъ вамъ пользоу сътворити бѣль члвкъ да быхъ могль себѣ пользоу сътворити (Син. пат.); Тѣмъ же и тѣсняшеся да бы могль раздрушити брак (Флав.).

Возникновение другого частного значения объективной возможности — '(не) иметь право для выполнения действия' — связано, как было указано выше, с наличием юридических законов или общепринятых правил морально-этического характера. Реализация значения, обусловленного юридическими законами, зафиксирована в исследуемом материале незначительным числом примеров главным образом в деловых памятниках: Русину же не ставити на латинеского детского, не явивше старосте латинескому. Аже не слушаеть старосты, то тѣ может на него поставити (Смол. гр.); А теж епископѣи ихъ не может судити никто. Судитъ их сам епископъ (там же). Значительно частотнее реализации данного значения, когда оно обусловлено моральными законами, «нравственным кодексом». Обусловливающим компонентом соответствующей модальной связи регулярно выступают части сложных предложений с причинно-следственными и условными отношениями. Подобные примеры характерны для произведений (или контекстов) нравственно-религиозного содержания: ...никто же вас не может вредитися и убити, понеже не будет от бога повелью (Пов. вр. л.); рече старьць ими ми вѣру чадѣ сѣде прѣбывати не можеша аще бо тѣ услышитъ кый князь то имѣть тѣ (Син. пат.); ...аще не породите ся водою и духъмъ не можете вѣнчати въ царство небесное (Сл. Григ.). Весьма многочисленны примеры, в которых соответствующие обуславливающие факторы «пропускаются» через сознание субъекта, выступая как его собственный нравственный долг, что, в свою очередь, создает близость рассматриваемого значения возможности со значением долженствования¹⁶

¹⁵ Грамматика современного литературного языка. М., 1970. С. 723.

¹⁶ В этом случае весьма отчетливо прослеживается субъективно-объективный характер значения возможности.

Активно-сознательная позиция субъекта в его отношении к выполнению действия подчеркивается и формальными показателями: субъект выражен формой местоимения 1-го лица. Ср.: ...не могуу любве сътворити съ нимь яко кляхъ крѣстоу (Син. пат.); Аще ся крестиши, то и получиши, и царствие небесное приеши, и с ними единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хоцѣши створити, не можемъ дати сестры своеѣ за тя (Пов. вр. л.); Правдою обѣщахся отцю си королеви угорьскому: не могу послушати тебе, яко срамъ имамъ и грѣхъ не исполнити обѣта (Г.-Вол. лет.); ...руки от тебе не можемъ просити зане заклыхомся ни вѣвѣкы посудите сего (Флав.).

Другой собственно модальный глагол — *возмочи* (*вѣзмоуци*), образованный в старославянском языке с помощью приставки *вѣз-* от глагола *мочи* (*моуци*), соотносится с ним по общей модальной семантике. Ср. толкование его модального значения в СлРЯ XI—XVII вв.: «быть в состоянии, в силах, получить возможность что-л. сделать, смочь». Однако наличие в морфологической структуре глагола *возмочи* префикса *воз-* (*вѣз-*), имевшего первоначальное значение направленности вверх, а затем при дальнейшем абстрагировании развившего обобщенное значение высокой степени действия, состояния¹⁷, обуславливает возникновение в семантике данного глагола повышенной экспрессии и объясняет известную жанрово-стилистическую ограниченность его функционирования, связанную с преимущественным употреблением в произведениях (и контекстах), ориентированных на книжно-славянский тип языка. Отчетливо выраженное субъективно-экспрессивное начало в модальной семантике глагола *возмочи* отражается в характере передаваемых им частных значений, преобладающими среди которых являются значения субъективной возможности, и в первую очередь '(не) быть в состоянии выполнить действие': ...слышавъшии слово се азъ же не възмоуъ двинути си ногы съ мѣста нѣ бяхъ яко желѣзы пригвожденъ (Пов. Поливия); ...слышаще яже о немъ имѣхъ бо недугъ неисцѣльнъ его же никто же отъ человекъ исцѣлити не възможе (Син. пат.); Нѣ обаче она... аще и слышаста си нѣ не възмогоста прогнѣвати ся на нѣ, видѣста бо правдѣна суца человекъ божия (Ж. Феод.); Половци же, ужасохся, от страха не възмогоста ни стяга поставити, но побегоша (Пов. вр. л.); И обрѣтѣся Иродъ въ смиреніи его, иде посѣтитъ его... но не възможе одолѣти любы болѣсти (Флав.).

Остальные из числа зафиксированных в древнерусском языке исследуемого периода собственно модальных глаголов: *смѣти* (*смѣвѣти*), *дерзнути* (*дѣрзнути*), *умѣти*, *недоумѣти* — объединены между собой тем, что на выражаемое ими модальное значение возможности наслаиваются оттенки лексического значения соот-

¹⁷ См.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974. С. 330.

ветствующих глагольных лексем, создавая его особую конкретность и семантическую прозрачность. Так, глаголы *смѣти* и *дерзнути* на основе близости их лексических значений¹⁸ объединяются общей модальной функцией экспликаторов значения (не)возможности, обусловленной наличием (или отсутствием) у субъекта соответствующих психологических качеств (смелости, дерзости), т. е. в данном случае реализуется частное значение субъективной возможности '(не) быть в состоянии выполнить действие'.

Из названных глаголов (характеризующихся в целом сравнительно невысокой частотностью) наиболее употребителен глагол *смѣти*. Он зафиксирован (причем лишь с отрицанием)¹⁹ в памятниках различной жанровой принадлежности, за исключением деловых: Яко же великоу страху бывъшоу въ тѣ часъ никто же смѣеть ся прикосноути ся еи (Ж. Февр.); ... да мнози оубоявъше ся къ томоу оуже не смѣють мѣста того миновати (Ж. Епиф.); Кудесникъ же вставъ рече новгородцю: «Бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, его же бояться» (Пов. вр. л.); Бѣсъ же к тому не смѣ явится печернику (Пат. печ.); Аз же не смѣю много глаголати, тя боюся: худ разумъ имѣю (Мол. Зат.); Стражие же, видѣвши, и внезапно ужасошася и не смѣша прикоснутися к нему (Флав.); Оттуду же въ татарѣхъ не смѣють его нареши Козлескъ, но град злый (Г.-Вол. лет.); Но не смеетъ птица пролетети мимо двора сего (Девг. д.).

Менее частотный глагол *дерзнути* (*дѣрзнути*) характеризуется жанрово-стилистической маркированностью: большинство его употреблений (зафиксированных как с отрицанием, так и без него) относится к памятникам книжно-славянской письменности: ...нѣ аще и вельми разгнѣвалъ ся бѣ на блаженааго нѣ не дѣрзною ни единого же зѣла ...сѣтворити тому (Сказ. о чуд. Р. и Д.); Отьче, не дѣрзняхъ приити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣвая ся на мя (Ж. Феод.); Вѣдаа твое легкосердие дѣрзнухъ простерти языкъ свои на твое похваление (Пат. печ.); ...видѣ оу себе стоя иоулияна архидияка яко же оузырь и смѣате ся поне же дѣрзною вѣнити (Син. пат.); Да никто же дерзнетъ реши, яко ненавидими богомъ есмы (Пов. вр. л.).

Подобное различие в функционировании двух праславянских по происхождению глаголов связано, видимо, с их исконной семантикой. Как свидетельствуют этимологические словари, *смѣти* восходит к *směti, вероятно, родств. др.-в.-нем. *muot* 'мужество, гнев' (КрЭС), *дерзнути*—к *dьrznoti, образованному

¹⁸ Ср. толкование данных слов в Сл. Срезневского: *смѣти* — 'осмелиться, дерзать'; *дѣрзнути* — 'осмелиться, отважиться'.

¹⁹ Формы глагола *смѣти*, зафиксированные в конструкциях с риторическим вопросом, содержат имплицитное отрицание: ...аще ли и законъ прѣстоупили быша како оубо смѣахоу иже толь страшиви пристоупити (Сл. Злат.).

от *dygzь 'смелый'. Вероятно, родств. лат. fortis, др.-лат. forctis 'храбрый', греч. thrhasýs 'смелый' (Сл. Фасмера). Сохранение в лексическом значении глагола *дерзнути* семантически активной семы 'храбрый' обуславливает его экспрессивно-стилистическую выразительность и определяет его отчетливо выраженную ориентацию на стилистически возвышенные контексты.

Соотнесенностью модальной семантики характеризуются также этимологически родственные глагол *умѣти* и дериват от него *недоумѣти*; восходящие к прасл. *uměti, связанному с *ум* (Сл. Фасмера), они передают значение субъективной возможности, осуществление которой обусловлено наличием (или отсутствием) у субъекта соответствующих способностей. Вместе с тем *умѣти* имеет более широкий диапазон модального функционирования, охватывая не только собственно интеллектуальную сферу деятельности субъекта, но также его навыки, умения и т. п. (ср. в Сл. Срезневского: «*умѣти* — знать, разуместь, уметь, мочь, быть в состоянии, быть способным»). В основе же модальной семантики глагола *недоумѣти* находится именно умственное знание (ср. в Сл. Срезневского: «*недоумѣти* — не постигать, не понимать, не знать, не уметь»), и он реализует частное значение 'не иметь способности выполнить действие', связанное с отсутствием у субъекта именно этих знаний (или умственных способностей). Данное различие сказывается, несмотря на малочастотность рассматриваемых глаголов в исследуемых памятниках письменности, на характере их жанрово-стилистической ориентации: в отличие от стилистически немаркированного глагола *умѣти*, *недоумѣти* достаточно заметно «тяготеет» к книжным контекстам: ... игоумень глаголаше манастиря братии чада бѣжимъ бѣльчскихъ рѣчи оумѣють бо врѣжати оуныя мнихи (Син. пат.); Леность бо всему мати: же умееть читати, то забудеть, а его же не умееть, а тому се не учить (Поуч. Мон.); И плакаста по Авели лет 30, и не съгнати тело его; и не умяста его погresti (Пов. вр. л.); ... и оумѣють [монастырей дома] печальнааго оутѣшити (Изб.); Тѣмъ же ваю како похвалити не съвѣмъ или что реши недоумѣю и не възмогу (Сказ. о Б. и Г.); Недоумѣем противу даромъ твоимъ въздаянъ въздати (Пов. вр. л.); И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служить богу своему, и несвѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида ли красоты такая, и недоумѣемъ бо сказати... (там же).

В односоставных безличных предложениях с косвенным субъектом действия (носителем предикативного признака), грамматически выступающим в функции косвенного дополнения (выраженного дательным падежом имени или местоимения) либо мыслимым потенциально (обобщенно), модальное значение возможности реализуется с помощью модальных предикативов (безлично-предикативных слов) в сочетании с зависимым инфинитивом. Предикативы как средство выражения соответст-

вующего модального значения являются менее частотными, чем рассмотренные выше глаголы, что можно объяснить невысокой частотностью самих безличных предложений в синтаксическом строе древнерусского языка, находящемся под мощным влиянием синтаксических структур языков старославянского и греческого²⁰. Специфика выражения субъекта действия (предикативного признака) в безличных предложениях — его косвенный (грамматически подчиненный) характер — обуславливает ослабление связи между субъектом и действием, «объективирует» ее причины²¹.

Подобная «объективация» отношений субъекта и действия отчетливо проявляется в функционировании зафиксированных применительно к исследуемому периоду модальных предикативов *(не)мощно*, *(не)мочно*, *(не)възможно*, *(не)льзѣ*, значительная часть реализаций которых связана с выражением значений именно объективной возможности: *въ городъ нелзѣ бысть въѣхати ратными, зане боярху крѣпко из него пороки и самострѣлы*. Тем же немощно бысть приступити к нему (Г.-Вол. лет.); *Рови же... исполнишася мертвыми, и бысть лзѣ ходити по трупию, акы по мосту (там же)*; *Строение же бѣ Ирода цесаря, иже камень съ покры дѣсками мраморяными от коренѣ до верху красоты дѣля и ползосты дѣля, да не възможно будет внити и изыти (Флав.)*; *...инѣмъ полкомъ немочно бысть помощи ни откуда же тѣснотоу (Г.-Вол. лет.)*.

Вместе с тем каждая из вышеназванных лексем имеет свои функционально-семантические особенности, обусловленные в первую очередь происхождением данных слов.

Так, например, предикативы *(не)мощно* и *(не)мочно*, сохраняя живую внутреннюю форму, связанную с характеристикой определенных качеств субъекта²², «демонстрируют» свою этимологическую «память» нередкими случаями реализаций значения субъективной возможности *'(не) быть в состоянии выполнить действие'*: *Мощно бо есть богови единѣмъ словомъ Адама из рая въ Иерусалимѣ поставити...* (Посл. Вас. Новг.); *И не мощно челоуком без пота исправити, что славное, токмо богу единому (Флав.)*; *И начаша думати о своихъ боярехъ, како бы ихъ мочно добыти, но не могоша никако же (Г.-Вол. лет.)*. В то же время различная фонетическая огласовка производящих основ (старославянская — слова *мощный* и восточнославянская — *мочно*) определяет соответствующее различие в их жанрово-сти-

²⁰ См.: Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения глагольного образования в древнерусском языке // Славянская филология / Под ред. С. Б. Бернштейна, Н. М. Шанского и Е. З. Цыбенко. М., 1963. Вып. V. С. 238.

²¹ Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968. С. 74.

²² *Мощно* образовано от прилагательного *мощный* 'крепкий, сильный', *мочно* — от *мочный* 'крепкий, сильный' (СЛРЯ XI—XVII вв.).

листической маркированности, что в известной степени сказывается на частотности. Так, *(не)мощно*, функционируя в основном в книжно-славянских памятниках, составлявших большую часть древнерусской письменности исследуемого периода, характеризуется значительно большей частотностью, чем *(не)мочно*, ограниченность употребления которого связана с ограниченным числом памятников, ориентированных на живую разговорную речь.

По объему модальной семантики и сфере функционирования с предикативом *(не)мощно* соотносится предикатив *(не)возможно*, зафиксированный преимущественно с отрицанием: Не возможно человеку, въ плоти сущу, видѣти мене (Пат. печ.); Таже идохом ко святому Иоанну, въ студиски монастырь, много бо сущѣ видѣния не възможно писати (Хож. Стеф.); И невозможно помыслити, что лютиша и страшниша тогдашняго вопля (Флав.). Однако, характеризуясь большей степенью семантической абстракции (образован от прилаг. *возможный* 'возможный'), *(не)возможно* отмечен применительно к исследуемому периоду сравнительно небольшим числом реализаций.

Связь с этимологическим прошлым находит отражение и в функционально-семантической специфике предикатива *(не)льзѣ*, зафиксированного в анализируемом материале значительным числом реализаций также преимущественно с отрицанием. Представляя собой застывшую форму местного падежа ед. числа существительного *льзя* 'легкость, возможность', восходящего к прасл. *lęga 'свобода, легкость' (КрЭС), он последовательно реализует эти семантические признаки в значениях 'объективной возможности' '(не) иметь возможности для выполнения действия' и '(не) иметь право для выполнения действия', отличаясь жанрово-стилистической немаркированностью. Ср.: Положи же в немь всяка оружия, и всякы помыслы ратныя, всяко брашно... иже бѣ льзѣ и на многа лѣта не боятися плѣнениа от обѣступающих супостат (Флав.); ...а князь скупъ, аки рѣка въ брезѣхъ, а брезѣ камены: нѣлзи пити, ни коня напоити (Сл. Зат.); И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лзѣ проити порогъ (Пов. вр. л.); Того стараго Владимира нельзѣ бо пригвоздити къ горамъ Киевскимъ, сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы (Сл. о плк. Иг.); Въ то же лѣто... морѣ бысть въ людехъ многъ, и конь мѣножество помре, яко нѣлзѣ бѣше доити до търгу сквозѣ городъ (Новг. лет.); ...нельзѣ речи не вѣдѣ оу кого есмь коупилъ нѣ по языкоу ити до конча (Рус. Пр.); Тѣ всѣ соуды цѣркви даны соуть. Князю и бояромъ и соудьямъ ихъ в ты соуды нѣлзѣ вѣступатися (Уст. княж.); Немчию же не льзѣ позвати на поле роусина быть ся въ ризѣ и на готскомъ бѣрѣзѣ (Смол. гр.); ...оже старешии его оумолвить то лзѣ емоу детьскѣи приставити (там же).

Возможностью экспликации значения '(не) иметь право для выполнения действия' предикатив *(не)льзѣ* соотносится с пре-

дикативом *(не)мощно*, также зафиксированным в ряде употреблений с данным значением: Отца бо оставити человекъ может, а добра господина не мощно оставити (Ж. Невск.); Сродником же своим не мощно им дати без повелѣния строитель (Флав.); Множае же въ Савелиеву ересь вѣступили суть, яко всѣхъ языкъ поганѣиши и злѣиши суть, зане не мощно блюститися их, а поганыхъ мощно (Пат. печ.). Вместе с тем очевидно и различие между рассматриваемыми лексемами, связанное с различиями в содержательном объеме передаваемого ими значения. Так, если предикатив *(не)мощно* реализует значение (как это видно из приведенных примеров), в основе которого лежат причины морально-этического характера, то в основе соответствующего значения *(не)льзѣ* преобладающее место занимают причины, связанные с наличием определенных законов юридического характера²³. Этим же объясняется и специфика их жанрово-стилистической ориентации: для *(не)мощно* — преимущественно памятники нравственно-религиозного содержания, для *(не)льзѣ* — деловые документы.

1.2. Несобственно модальные модификаторы. Группа несобственно модальных глаголов, зафиксированных с модальным значением при их функционировании в сочетании с зависимым инфинитивом, представлена глаголами *терпѣти* (*тьрпѣти*), *имѣти* (*имамь*), *успѣти*, *приспѣти*, *достигнути*.

Среди названных глаголов по степени модальной выразительности выделяется глагол *терпѣти*. Возможность употребления его в модальной функции обуславливается семантической структурой, одним из компонентов которой выступает отмеченное в Сл. Срезневского модальное значение 'мочь, быть в состоянии'. Кроме того, и в других, немодальных, значениях данного глагола, содержащих указание на соответствующее состояние субъекта (ср. у Срезневского: 'быть в силахъ перенести', 'выдерживать, сохраняться в целости', 'терпеливо ждать'), имплицитно присутствует модальный оттенок. Наличие столь интенсивного модального фона в лексическом значении глагола *терпѣти* определяет специфику выражаемого им модального значения: 'не быть в состоянии выполнить действие' (в силу особого, как правило, психологического состояния субъекта, ведущим моментом которого является его сильное нежелание выполнять действие, что, в свою очередь, приводит к совмещению значения возможности и желательности). Ср.: ...хоулоу бо наносиши на родъ свои и не тръплю бо слышати отъ всѣхъ оукаряемоу ти соущю о таковѣмъ дѣлѣ (Ж. Феод.) 'не могу / не желаю слышать'.

Указанная экспрессивная выразительность модального значения, передаваемого глаголом *терпѣти*, определяет и специ-

²³ В этом случае значение '(не) иметь право для выполнения действия' сближается со значением разрешения (или соответственно запрета).

фику его жанрово-стилистической ориентации преимущественно на книжные тексты: ...не тръпѣть наше еѣство дълго носити гнѣва твоего (Сл. Илариона) 'не может/не желает носить гнев'; И не тръплю бо жива быти, аще не вижду его! (Ж. Феод.); ...не търпяше своего образа въ тлѣные впадѣша зрѣти (К. Тур.); Того же лѣта бысть мятеж великъ в Литвѣ божиємъ попущеніемъ на нихъ: не терпяше бо господь богъ нашъ зрѣти на нечестивыя и поганыя (Новг. лет.).

Особенность модальной функции глаголов *успѣти*, *приспѣти* (дериватов от др.-русск. *спѣти*), *достигнути*, употребление которых в составе модальных конструкций представлено в исследуемом материале единичными примерами, заключается в том, что они передают значение возможности действия, к осуществлению которого стремится сам субъект, но реализация данной возможности связана с необходимостью преодоления каких-либо препятствий (внешних или внутренних). Указанная модальная семантика рассматриваемых глаголов находит отчетливое отражение в их этимологии. Так, др.-русск. *спѣти* 'спешить, стремиться, способствовать' родственно лит. *spėti*, *speju* 'поспевать, иметь время досуг, быть в состоянии' (Сл. Фасмера). Соответствующее развитие этимологического значения у глагола *успѣти* фиксируется в Сл. Срезневского, где приводится 5 его значений: 'достигнуть, добиться': 'помочь, принести пользу'; 'успѣть, поспѣть'; 'имѣть время, имѣть возможность'; 'дойти, прийти'. Глагол *достигнути* восходит к прасл. *dostigti, *stigti, родств. лит. *steigtis*, *steigiúos* 'тороплюсь, беспокоюсь', лтш. *steigt* 'спешу' (Сл. Шанского). Ср. развитие исходного лексического значения, отраженное в СлРЯ XI—XVII вв.: 'Преследуя кого-н., догнать, настигнуть'; 'найти, застать'; 'достигнуть чего-л.'

В исследуемом материале перечисленные глаголы зафиксированы с отрицательным модальным значением возможности 'не быть в состоянии выполнить действие'. Ср.: Мнози бо предо мною не успѣють ничтоже сотворити (Девг. д.); Ингворъ же не приспѣ приехати к нимъ: не бе бо приспело врѣмя его (Новг. лет.); ...оумъ нашъ чюдесь не достигнеть съказаати (Сказ. о чуд. Р. и Д.).

Особое место в группе несобственно модальных модификаторов занимает глагол *имѣти* (*имамь*). Широко функционируя в древнерусском языке как лексически полнозначный глагол со значением 'иметь', он мог также употребляться в качестве вспомогательного глагола в одной из аналитических форм будущего времени (так называемого будущего абсолютного), при этом весьма часто значение будущего времени сопровождалось модальными значениями (оттенками) возможности или необходимости²⁴. Высокая частотность и последовательность в реализа-

²⁴ На этот факт обращают внимание исследователи. См., например: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. Т. 1—2. М.,

ции посредством вспомогательного глагола *имѣти* указанных модальных значений побуждает некоторых исследователей высказывать сомнение в правомерности рассмотрения сочетания «*имамъ + инфинитивъ*» в качестве формы будущего времени соответствующего глагола²⁵. Думается, однако, что такой подход является излишне категоричным: во-первых, наблюдались все же случаи и «чистого» выражения значения будущего времени, а во-вторых, подобное понимание «чистоты» данного значения является несколько условным, ибо «указание на действие в будущем само по себе уже содержит модальное значение»²⁶.

Модальная полисемантичность глагола *имѣти*, т. е. его способность реализовать не только значение возможности, но также необходимости, а в некоторых случаях и желательности, создает трудности их различения, часто невозможного без привлечения широкого контекста. Однако сопоставление характерных особенностей в выражении соответствующих модальных значений показывает, что при выражении значения возможности *имѣти* наиболее частотен с отрицанием. Другой внешней приметой соответствующего функционирования *имѣти* является его преимущественное употребление с инфинитивом от основ совершенного вида. В подобных конструкциях, как правило, реализуются частные значения объективной возможности. Реализация одного из них — значения 'не иметь возможности для выполнения действия' — связана с наличием препятствующих обстоятельств, указания на которые содержатся в лексических элементах контекста: ...и отсель не имоуть ти никоея же пакости створити лоукавии бѣси (Ж. Феод.); ...сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣсти сребро и злато (Пов. вр. л.); Не имать остатися градъ Галичъ. Нѣсть кто избавляя и от руки моею (Г.-Вол. лет.). Весьма отчетливо прослеживается и другое частное значение — 'не иметь права для выполнения действия (в силу причин морально-этического характера)'. В подобных случаях наблюдается совмещение значения возможности и долженствования. Ср.: ...преподобнии же фео-досии... глаголетъ посыланому яко не имамъ ити на трапезу... и причастити ся брашна того испълнь соуща крѣви и оубиства (Ж. Феод.) 'не могу/не должен прикоснуться к еде той, поскольку она наполнена кровью и убийством'; Феврония рече жив хсъ мои емоу же оуневѣстихъ ся емоу же и доушу свою (1958. С. 356 и сл.; Ломтев Т. П. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков. М., 1961. С. 306—307; Новикова Н. В. Становление аналитической формы будущего времени в русском языке: Автореф. канд. дис. М., 1982. С. 6—7. Существует, однако, мнение, что глагол *имѣти* «выступает как вспомогательный, не имеющий своего лексического значения, и обозначает только отнесенность действия, выраженного инфинитивом, к будущему времени» (Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 114—115).

²⁵ См., например: Ломтев Т. П. Указ. соч. С. 306—307.

²⁶ Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 295.

прѣдахъ не имамъ изити из мѣста сего (Ж. Февр.); ...нъ глаголаша къ нему не имамъ оставити женъ нашихъ въ вѣкъ (Пов. о плен. Иерусалима); ...такъ и мнихъ възражая ся къ мироу мыслию и пекыи ся о мирьскихъ не имать оуправити ся въ жизнь вѣчноую (Ж. Феод.).

В менее частотных утвердительных конструкциях с глаголом *имѣти* реализуется значение 'иметь возможность для выполнения действия', которое отчетливо выявляется в предложениях с условными отношениями: Да еще обрящещи первое матеръ, тогда маши дѣти къ себѣ прибавитъ (К. Тур.); Въ дѣланьи бо ея мало потроудиши ся и скоро имаши ясти отъ житъ ея благая (Изб.). Кроме того, в конструкциях с инфинитивом от основ совершенного вида довольно часто получает реализацию значение вероятности, относящееся не к предметной, а к субъективной модальности: Боляштааго посѣти неси его же хочеть въкоусити самъ же послужити о немъ акы о своемъ сѣрдоболѣ въдыи яко и ты тако же имаши пострадати (Изб.) 'ведь, возможно (не исключено); что и ты так пострадаешь'; Видиши ли, колько зла створиша Русь грекомъ? И нынѣ еще не идиши, то же имуть створити намъ (Пов. вр. л.); Аще ли чего не створимъ, погубити ны имать Святославъ (там же).

К группе глаголов, выражающих при их сочетании с инфинитивом модальное значение возможности, примыкает ряд кратких прилагательных, зафиксированных в модальной функции применительно к исследуемому периоду ограниченными употреблениями. Среди них прилагательные *мощьнъ*, *недужь*, *довольнъ*, *подобьнъ*, *готовъ*²⁷.

Прилагательное *мощьнъ* толкуется в словарях как «крепкий, сильный»; «сильный властью, богатством, могущественный»; «всемогуший, всесильный (о боге, святых и т. п.)» (СлРЯ XI—XVII вв.). На базе данной семантики рассматриваемого прилагательного возникает модальное значение субъективной возможности 'быть в состоянии выполнить действие', обусловленное наличием у субъекта соответствующих физических (либо умственных) качеств или определенного социального положения: ...что ино мощьнъ еси помыслити плѣтънъ сы (Изб.); Тъ [бог] и намъ дньсь мощьнъ есть пищу подати (Ж. Феод.).

Прилагательное *недужь*, семантическая структура которого определяется признаками 'бессильный, слабый, немощный' (СлРЯ XI—XVII вв.), в отличие от вышерассмотренного прилагательного реализует в составе модальной конструкции отрицательное значение возможности 'не быть в состоянии выполнить действие': Мы недужи противу вамъ стати, но возми данъ на

²⁷ Выступая в функции именной части сказуемого, они имеют аналитические формы выражения времени и лица посредством связки *быти*, которая, однако, в форме настоящего времени могла опускаться. Последнее наблюдается в памятниках письменности, ориентированных на живой язык. См.: Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983. С. 376.

нась (Пов. вр. л.); Кто бо сердцемъ не укрепись, недужь противу силы бесовския боротися (Посл. Вас. Новг.).

В близкой смысловой соотнесенности находятся прилагательные *довольнъ* и *подобнъ*, реализующие в соответствии со своей семантикой²⁸ частное значение 'иметь способность выполнить действие'. Ср. примеры их модального функционирования в исследуемом материале: Кто бо доволенъ вся по ряду съписати добрая управления сего блаженааго мужа кѣто же възможеть по достоянию его похвалити (Ж. Феод.); В селе некоем или в мале градце единъ попъ доволенъ учити (Посл. Вас. Новг.); Удивився царь разуму ея, беседова с неи, и рекъ еи: подобна еси царствовати въ граде с нами (Пов. вр. л.).

Прилагательное *готовъ*, благодаря своей семантике (ср. одно из его словарных значений 'согласный, расположенный делать что-л.', СлРЯ XI—XVII вв.), приобретает способность реализации модального значения 'быть в состоянии выполнить действие (обусловленное внутренней предрасположенностью к нему субъекта)'. В подобных случаях возникает совмещенное значение возможности/желательности: Онъ же съ радостию въставъ иде рекъ: Се готовъ есмь предъ очима твоима сътворити, елико велитъ воля сѣрдьца твоего (Сказ. о Б. и Г.) 'могу / желаю пред очами твоими сотворить'; И еже ... оумрѣти и жити въ бозѣ есть и готовъ аки покаявыи ся оумрыи приять бысть (Изб.)

Употребление несобственно модальных предикативов в качестве экспликаторов значения возможности также представлено ограниченными примерами. Применительно к исследуемому периоду в данной функции следует отметить наречия *вольно*, *нѣгдѣ*, *неудобъ*. Семантика этих лексем определяет конкретный характер реализуемого модального значения и очерчивает сферу их функционирования.

Так, лексема *вольно*, имеющая словарное значение 'свободно, беспрепятственно' (СлРЯ XI—XVII вв.), зафиксирована в сочетании с инфинитивом со значением 'иметь право (иметь разрешение) для выполнения действия' в памятниках деловой письменности: Немчию же волно купити всякий товаръ Смоленске без борони, тако же и русину волно купити всякий товаръ без борони в Ризе и на Готьском березе (Смол. гр.); ...а какъ будеть руский гость в ризѣ и на готьскомъ березѣ вольно же емоу продати безъ всякой борони (там же).

Наречие *нѣгдѣ* (*нѣгде*, *негдѣ*), «сообщая» об отсутствии места, на котором могло бы осуществиться действие (СлРЯ XI—XVII вв.), передает значение 'не иметь возможности выполнить действие': ...босѣ бѣжитъ велми великъ, тебе не укрытися негде (Девг. д.); Хлѣбъ дорогъ бысть... по двѣ коробыи на полтину... иногда нѣгдѣ купити (Новг. лет.).

Наречие *неудобъ*, имеющее значение 'с трудом' (СлРЯ XI—

²⁸ Ср. словарное толкование: *довольнъ* 'способный, достаточно искусный' (СлРЯ XI—XVII вв.), *подобнъ* 'достойный' (Сл. Срезневского).

XVII вв.), в сочетании с инфинитивом передает модальное значение 'не иметь возможности выполнить действие (из-за трудностей, связанных с отсутствием благоприятных условий)'. Имея старославянское происхождение²⁹, сохраняет книжный характер функционирования: И та вся мѣста святая показа намъ и проводи насъ: тѣхъ бо мѣстъ неудобъ проити поганыхъ ради (Пут. иг. Дан.); Разоумно послошати подобаетъ пьря соудиямъ неудобъ бо есть правды избрѣсти скоро отбѣгающе или отгоняште (Изб.); Пишетъ бо смерть искушения и брань по святымъ книгамъ, наше же житие се есть, яко неудобъ есть безъ напасти прѣити никоу же (Ж. Авр. Смол.); И възлѣзь на камыкъ твердъ велми ся зыблетъ, яко ж волнамъ морьскимъ неудобъ отвлеши (Клим. Смол.).

2. Невербальные способы выражения возможности

В отличие от специализированных лексических средств выражения модального значения возможности, которые, как мы могли убедиться, образуют применительно к исследуемому периоду весьма обширный круг модификаций, невербальные средства представлены лишь несколькими типами грамматического контекста, к числу которых относятся формы глагольного наклонения, отдельные разновидности сложных конструкций, предложения с независимым инфинитивом.

2.1. Формы глагольного наклонения. Изъявительное наклонение, выступая (наряду с сослагательным) в качестве экспликатора объективной модальности, т. е. фиксируя именуемое в рамках предложения событие с точки зрения его соотношения с внеязыковой действительностью (утверждая его реальность), соответственно обозначает реальность связи между действием и его субъектом в настоящем, прошедшем или будущем времени. Однако указанная модальная функция глаголов изъявительного наклонения может расширяться за счет передачи дополнительных модальных значений, конкретизирующих характер соответствующей связи в плане ее возможности, желательности или необходимости³⁰. Тогда соответствующие глагольные формы

²⁹ Входит в группу наречий, представлявших собой застывшую форму винительного падежа древних прилагательных с основой на І (ср. правъ, прѣмъ и др.), которые уже в старославянском языке не склонялись. См.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. С. 342.

³⁰ Модальная емкость глаголов изъявительного наклонения отмечалась А. А. Потебней, А. А. Шахматовым, В. В. Виноградовым. Типы грамматической обусловленности соответствующих модальных значений рассмотрены применительно к современному русскому языку В. М. Никитевичем. См.: Никитевич В. М. Модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке: Автореф. канд. дис. М., 1953; Мякотина В. М. Модальная характеристика высказываний с видо-временными формами изъявительного наклонения в современном русском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1982.

изъявительного наклонения, способные выражать значения опосредованной модальности, становятся грамматическими синонимами сочетаний инфинитива с модальными модификаторами (ср. *пойму=могу (смогу) понять*)³¹.

Как показывает исследуемый материал, наиболее разнообразно посредством форм изъявительного наклонения выявляется значение возможности. При этом обуславливающим элементом его конкретных реализаций может выступать лексическое значение соответствующего глагола. Так, выделяется группа древнерусских глаголов, в семантике которых содержатся указания на причины, определяющие возможность (или невозможность) осуществления действия субъектом. К ним прежде всего относятся глагольные лексемы, обозначающие действие, осуществление которого требует соответствующего физического или психологического состояния субъекта. В этом случае реализацию получает модальное значение '(не) быть в состоянии выполнить действие'. И тако, божиею силою и помощю святыя София одолѣ Мьстиславъ (Новг. лет.); ...церковь языцкую, иже своею кровию искупилъ есть, ей же никтоже удолѣть (К. Тур.); ...и гонися по нихъ Ярослав с новгородци до Вьсвята, не угони ихъ (Новг. лет.); И тогда погна Исаковиць по цесари Олексъ съ фрягы, и не постиже его (Пов. о вз. Царьгр. крест.); И стояша у города лѣто цѣло, бьются у города, и не успѣша у него ничтоже (Г.-Вол. лет.); ...видѣвъ красоту овоща не удрѣжася и бога ослушася (Пат. печ.); Иже не можетъ крѣпко держати печали, то радости не терпитъ (Пч.); Боголюбивый же князь Домонтъ не стерпе обидимъ быти от нападения поганыхъ Немець, выеха в погоню (Новг. лет.). Последний из приведенных примеров примечателен тем, что здесь в силу специфики психологического состояния субъекта (его нежелания) наблюдается совмещение значения возможности и желательности (ср. 'не мог/не хотел стерпеть обиду'). Совмещение указанных модальных значений становится еще более очевидным в тех случаях, когда обуславливающим фактором выступает предрасположенность субъекта к действию. При этом дополнительными грамматическими условиями реализации данного совмещенного значения являются выражение субъекта в форме 1-го лица (совпадение его с лицом говорящим) и отнесенность действия в план будущего: Азъ сложю главу свою за тя (Пов. вр. л.) 'я могу (готов, желаю) сложить голову за тебя'; Аще бо по мнѣ цѣломудрити хотите, и азъ умру за вы (Флав.). Глагол может обозначать действие, осуществление которого требует определенных навыков, умений или умственных способностей субъекта. В этом случае реализуется частное значение возможности '(не) иметь способности для выполнения дей-

---

³¹ См. об этом: Никитевич В. М. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963. С. 182 и сл.

ствия': Повѣждь мнѣ, рабу своему, язву съмертнѹю, да еще азъ не изврачѹю, да будет глава моя за главу твою и душа моя за душу твою! (Пат. печ.); Коли пожреть синица орла, коли камень въ сплавлет по водѣ, и коли иметь свиния на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится (Сл. Зат.). Интересно отметить, что данное значение приобретает характер объективно обусловленной возможности, если соответствующие качества субъекта являются его постоянным (отличительным) свойством: Невод не держит воды, но рыб много держит (Мол. Зат.); Не терпит вода на горѣ, ни мудрость въ сердци безумнаго (там же); Уподоблюся жерновамъ, иже многихъ насыщают, а сами не насытятся никогда же (там же).

В некоторых случаях характер соответствующего модального значения не имеет непосредственной зависимости от лексического значения глагола и конкретизируется через определенные элменты контекста, к числу которых могут относиться сложные предложения с причинно-следственными или условными отношениями частей: Захарья же рече: Не послушаша сына моего, и не услышу их (Пов. вр. л.); Вѣру ми ими, чадо, яко мощьнъ есть богъ, и от тѣхъ малыхъ отрубъ напѣлнѣти намъ сусѣкъ тѣ муки (Ж. Феод.); ...въ тебе явиться избавитель твой, и тогда отверзуться очеса слѣпыхъ (К. Тур.).

2.2. Типы сложных предложений. Из сложных конструкций, способных без посредства лексических модификаторов выражать модальное значение возможности, следует указать в первую очередь сложноподчиненные предложения цели. В качестве обуславливающего элемента в них выступает главная часть, несущая на себе основное модальное значение предложения (преимущественно значение реальности): в ней называется реальное действие, выполнение которого является обязательным условием для появления реальной возможности (или невозможности) осуществления действия, указанного в придаточной части. Таким образом, значение возможности, реализующееся в таких предложениях, имеет вторичный характер: оно выступает как следствие определенного положения дел, фиксируемого в рамках объективной модальности.

Наиболее древнюю и довольно многочисленную группу сложных целевых предложений составляют так называемые *да*-предложения, т. е. сложноподчиненные предложения со служебным словом *да* в придаточной части³². В зависимости от ха-

³² Интересный анализ данных предложений на материале переводных древнерусских памятников в сопоставлении с их греческими оригиналами содержится в работе: Лесневский В. С. Синтаксический строй сложноподчиненных предложений с союзом «да» в переводных славяно-русских произведениях XI—XIV вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1977. — Автор работы обращает внимание на неоднородность квалификации *да* с точки зрения его морфологической принадлежности, приводит аргументы в пользу того, что уже в древний период *да* могло функционировать не как частица, но как союз.

рактера оформления глагола-сказуемого придаточного предложения можно выделить две основные структурные разновидности. Одну из них образуют сложноподчиненные предложения, в которых глагол-сказуемое придаточной части выражен формой настоящего/простого будущего времени в изъявительном наклонении³³. Конструкции такого типа, имеющие, кроме целевой, также и условно-следственную семантику, встречаются иногда в летописях и в других памятниках историко-повествовательных жанров, но наиболее типичны они для произведений торжественно-риторического стиля (жития, поучения и т. п.)³⁴: Тогда же мѣстислав мѣстисланицъ переже перебегъ днѣпръ отрѣа от берега додѣе да не идоуть татары по нихъ (Новг. лет.) 'чтобы не прошли/не могли пройти татары на них'; Сего ради остану здѣ, да разглядаю удобье вои (Флав.); ...по отъядении же отъпусти и въ своя храмы приставивъ отроки блюсти да не отъидеть (Ж. Феод.); Кто бо великъ яко богъ нашъ тѣ единъ творя и чудеса положи законъ на прооуготование истинъ и благодати да въ немъ обьикнуть челоувѣчское ество (Сл. Илариона); ...и три златьники дасть старьцемъ да коупать осьль въ потрѣбоу себѣ (Син. пат.); Старци же тии, видѣвше Тита умирающа, влечааху Евагрия нуждеу, да проститься съ братом (Пат. печ.); Мы же вѣроу Божественна Пасхы причастимся ...еже суть душевного дому двери, да не приступятъ бѣси (К. Тур); И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идуть, и первѣе, въ наши руцѣ, и не ставятся на единой земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, божиимъ повелѣниемъ, да наполняются лѣси и поля (Поуч. Мон.).

Другую, весьма продуктивную, разновидность целевых сложноподчиненных предложений, также представленных преимущественно в памятниках книжно-славянской письменности, составляют конструкции, сказуемое придаточной части которых выражено глаголом в сослагательном наклонении. Отметим, что, хотя применительно уже к древнейшему периоду русского языка наблюдаются случаи замены форм аориста от глагола *быти*, являвшихся составной частью глагола-сказуемого придаточного целевого предложения, единой формой *бы*³⁵, в анализи-

³³ Существует, правда, довольно распространенное мнение, что здесь выступает описательная форма повелительного наклонения с частицей *да*. См., например: Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. С. 552; Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. С. 218—219, и др. — Однако анализ семантики и структурных особенностей соответствующих глагольных форм убеждает нас в том, что в большинстве случаев речь может идти именно о форме изъявительного наклонения. См. об этом: Лесневский В. С. Указ. соч. С. 17.

³⁴ См.: Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. С. 218.

³⁵ При этом *бы*, соединяясь с *да* (а также с другими возможными союзами, например *что*), образует новый союз *дабы* (или *чтобы* и т. п.). Подобные факты отмечаются исследователями в первую очередь применительно

руемых памятниках достаточно последовательно употребляются все формы аориста от *быти*: ...идохъ же въ слѣдъ носимааго да быхъ видѣлъ кѣде и хотя погрети (Син. пат.) 'чтобы я имел возможность видеть'; Не вѣдѣи же поути моляще ся богу да бы обрѣлъ съпоутныки направляюща и на поути желанія (Ж. Феод.); ...всепагоубныи дѣяволъ роду челоувѣчьскомуу добра възвиже крамолоу межи роусьскими князи да быша челоувѣци не жили мирно (Новг. лет.); ...не видѣ лица ея многашѣды моливъши еи да бы слышала молитвы ея (Ж. Февр.).

Из других сложных конструкций, в семантике которых заключено значение возможности, представлены немногочисленными примерами в книжной письменности условные сложноподчиненные предложения. Это значение в соответствии с общей модальной семантикой предложения — значением ирреальности (и в основном, и в придаточном предложении условное наклонение) имеет ирреальный характер: ...да еще не бы винъ сея то съ тобою быхъ прѣбылъ (Син. пат.) 'если бы не было этой вины, то я мог бы быть с тобой'; ...аще бы семоу не бы велика цѣна была пяти десять сребрьникъ не бы далъ на немъ (там же); ...да аще бы мне врагъ поносилъ протѣрпѣлъ оубо быхъ аще бы ненавидя мене вельречевалъ оукрылъ быхъ ся (Сказ. о Б. и Г.).

2.3. Конструкции с независимым инфинитивом. В числе синтаксических конструкций, способных передавать значения опосредованной модальности без посредства специальных вербальных средств, находятся инфинитивные предложения³⁶. На широту и емкость модальной семантики данных предложений, заложенные в самой их структуре, обращают внимание исследователи³⁷. Ярким средством экспликации различных модальных значений, в том числе и значения возможности, выступают инфинитивные предложения и в древнерусском языке.³⁸ При этом

но к памятникам деловой письменности. См.: Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. С. 315—316.

³⁶ Инфинитивными предложениями мы, вслед за К. А. Тимофеевым и другими исследователями, считаем особый структурный тип односоставных предложений, характеризующийся грамматической независимостью инфинитива. См.: Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1950. С. 266.

³⁷ См., например: Виноградов В. В. Русский язык. М., 1986: С. 490—491; Тимофеев К. А. Указ. соч. С. 262—301; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 153—156; Гектляр С. Я. Микрополе инфинитива в функционально-семантической категории модальности // Семантика языковых единиц. Программа и содержание научных докладов XV научно-методической конференции преподавателей кафедр русского языка пединститутов северо-западной зоны. Л., 1975: С. 26—30; Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 373—376.

³⁸ См., например: Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в древнерусском языке // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. Вып. 55. 1959; Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение. С. 278—283.

выявляются различия в характере выражения утвердительного и отрицательного значений, т. е. значений возможности — невозможности.

Инфинитивные самостоятельные³⁹ предложения с модальным значением возможности в его наиболее отчетливом виде, т. е. со значением, предполагающим такой характер связи субъекта и действия, при которой реализация последнего становится возможной (или может стать реально возможной) благодаря определенным объективным обстоятельствам⁴⁰, представлены ограниченно, преимущественно в памятниках древнерусской книжной письменности. Обнаружению соответствующего модального значения способствуют различные детерминирующие элементы. В этом отношении следует обратить внимание прежде всего на предложения, в которых в качестве обуславливающего элемента выступает семантика инфинитива, обозначающего действие (процесс, или состояние), реализация которого связана с возможностями самого субъекта (глаголы типа *видѣти*, *зрѣти*, *разумѣвати* и т. п. Инфинитив в таких предложениях может быть как связочным, обозначающим реальное действие в его отнесенности к прошлому или настоящему, так и бессвязочным, при котором передаваемое посредством инфинитивных предложений значение возможности приобретает характер потенциальности⁴¹. Ср.: Видѣти есть манастирь славнь сущъ на мѣстѣ томъ (Ж. Феод.); ... бѣ видѣти чюдо преславно (Сказ. о Б. и Г.); ... тако же здѣ разумѣвати есть (Пат. печ.); ... бѣше си вѣдѣти радость (Пов. вр. л.); ... видѣти с нея всюдѣ вѣ градѣ и вѣ града... и до Иердана, дозрѣти и всю ту обѣтованную землю (Пут. иг. Дан.); И есть гора Елеоньская высока над градом Иерусалимом и видети с нея все вѣ градѣ Иерусалимѣ (Хож. Дан.). В качестве другого актуализатора рассматриваемого значения выступают дополнения со значением орудия (средства) действия: ... и тацѣми исправленьи выгодити есть бо-

---

³⁹ В качестве самостоятельных мы, кроме соответствующих простых инфинитивных предложений, условно рассматриваем также главную часть сложноподчиненных предложений, поскольку характер выражаемых в ней модальных значений практически не отличается от характера аналогичных значений в простых инфинитивных предложениях. На это указывает, в частности, Л. Е. Юрасова. См.: Юрасова Л. Е. Употребление и синонимика инфинитивных предложений в составе сложноподчиненного предложения: Автореф. канд. дис. Куйбышев, 1971. С. 15.

⁴⁰ Объективизация соответствующей связи субъекта и действия, определяющая преимущественный характер значений возможности инфинитивных предложений, отвечает характеру субъекта данных предложений — косвенного субъекта, «с пониженной степенью активности, полуактивного» (Седельников Е. А. Эволюция структуры и грамматических категорий инфинитивных предложений в русском языке (по памятникам XI—XVIII вв.): Автореф. докт. дис. М., 1980. С. 8).

⁴¹ Мы разделяем позицию Е. А. Седельникова, не считающего связочные инфинитивные предложения особой структурной разновидностью. См.: Седельников Е. А. Указ. соч. С. 15.

гоу (Изб.); Нъ спасающтиимъ ся многими скърбьми есть вѣннѣти въ царствие небесное (там же).

При отсутствии прямых контекстных указаний на характер связи субъекта и действия может наблюдаться совмещение значений возможности и необходимости. Подобная семантическая нерасчлененность модальных значений имеет место, например, в хождениях, в отрывках, посвященных описанию памятных для автора мест⁴²: А от того столпа Устинианова вѣннѣти въ двери святыя Софии... И пошед мало обратитися на западъ (Хож. Стеф.); ...и ту есть на великое море вѣннѣти (Хож. Дан.); И ту есть пещера на той горѣ чюдна вельми... слѣзти же есть по степенемъ въ пещеру ту (Пут. иг. Дан.); ...того озера вѣннѣти устье в море Варяжское и по тому морю ити до Рима а от Рима прити в Поноть моря (Пов. вр. л.).

Значительно более частотны и разнообразны в жанровом отношении инфинитивные предложения, эксплицирующие значение невозможности. Большинство их — бессвязочные инфинитивные предложения. В качестве детерминирующего элемента выступает совершенный вид глаголов инфинитивных конструкций:⁴³ И рече Блудъ Ярополку: Видиши, сколько воин у брата твоего? Нама их не перебороти (Пов. вр. л.); ...и иного вамъ зята такого не обрѣсти, занеже славою славенъ и силою силен (Девг. д.); Столпъ бо бѣ камень высокъ... и бяху в немъ заперлися пружи, и не бысть имъ мимо нѣ поити к городу (Г.-Вол. лет.); ...ихъ же всѣмъ нѣсть избѣжати, якоже великий Иоанъ Златоустъ оучитъ (Ж. Авр. Смол.); Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни доумою судумати, ни очима съглядати (Сл. о плк. Иг.); Имать же святыи Софеи множество кладязь съ сладкими водами... и не познати их равно со дном (Хож. Стеф.); Ни моря уполовню вычерпать, ни нашим иманием дому твоему истощити (Мол. Зат.); Рече же имъ Ольга... уже мнѣ мужа своего не крѣсити (Пов. вр. л.); ...далъ есмь ему правду и до своего живота не изменить ми тою правду (Смол. гр.); Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божия не минути! (Сл. о плк. Иг.).⁴⁴

⁴² Этот факт отмечается авторами академического издания: Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. С. 279—280.

⁴³ О подобном функционально-семантическом свойстве отрицательных конструкций с глаголами совершенного вида см.: Бойко А. А. О роли вида в некоторых инфинитивных сочетаниях, содержащих отрицание // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. Вып. 15. Л., 1952. № 156. С. 139—155; Габучан К. В. Инфинитивные предложения с отрицанием // Русская речь. 1970. № 4. С. 68.

⁴⁴ Последние два примера интересны своей модальной спецификой. В первом из них наблюдается совмещение значений возможности и долженствования, обусловленное ярким морально-этическим содержанием контекста. Во втором — благодаря семантике инфинитива *минути* (ср. его значение в СлРЯ XI—XVII вв. — 'избежать чего-л., избавиться от чего-л.') значение невозможности усиливается до значения неизбежности.

В конструкциях с инфинитивом несовершенного вида актуализатором рассматриваемого модального значения выступает семантика инфинитива: Не вкусивъ горести, ино сладости не видати (Мол. Зат.); Тъм нѣсть аз вѣры няти другу, ни надѣятися на брата, ни на друга (там же); ...и не бе в ней ничто благо видѣти (Пов. о раз. Ряз.).

3. Выводы

Исследование одного из значений предметной модальности — значения возможности — с точки зрения его функционально-семантической характеристики применительно к древнерусскому периоду истории русского литературного языка позволяет сделать некоторые обобщения.

Модальное значение возможности, отражая одну из сторон сложных отношений внеязыковой действительности, обладает целым комплексом частных значений, которые весьма отчетливо проявляются уже в исследуемый период. Комплексный характер содержательной структуры значения возможности получает адекватную языковую интерпретацию при помощи разнообразной системы средств, образующих определенную функционально-семантическую иерархию и в ряде случаев синонимическую соотнесенность. Центральную, ядерную, часть плана выражения микрополя возможности составляют лексические модификаторы, доминантное положение среди которых прочно занимает собственно модальный глагол *мочи* (*мощи*): яркость и емкость модальной семантики, создающейся в значительной степени прозрачностью внутренней формы данного глагола, позволяют ему стать наиболее обобщенным выразителем соответствующего значения в многообразии частных реализаций последнего, а жанрово-стилистическая нейтральность обеспечивает высокую частотность его употреблений. Ограниченность сферы функционирования других собственно модальных модификаторов, не позволяющая ни одному из них занять доминантное положение в микрополе, обусловлена или их жанрово-стилистической маркированностью (*взмочи*, *(не)мощно*, *(не)мочно*, *(не)льзѣ*, *взможно*), или близкой семантической соотнесенностью отдельных модальных лексем (*немощно* — *невзможно*, *мощно* — *мочно*, *льзѣ*, *взможно*), или семантической специализацией (*смѣти*, *дерзнути*, *умѣти*, *недоумѣти*), проявляющейся (в силу сохранения указанными лексемами яркого вещественного значения) в выражении ими лишь определенных частных значений возможности. Подобной семантической спецификой модального функционирования и связанным с ней периферийным положением в рассматриваемом микрополе характеризуются несобственно модальные модификаторы (глаголы *терпѣти*, *имѣти*, *успѣти*, *приспѣти*, *достигнути*, краткие прилагательные *мощьнѣ*, *недужь*, *довольнѣ*, *подобьнѣ*, *готовѣ*, наречия *вольнѣ*, *нѣгдѣ*, *не-*

удобь), зафиксированные в роли экспликаторов значения возможности лишь в отдельных своих употреблениях. В числе периферийных конstituентов микрополя находятся характеризующиеся ограниченностью соответствующей функционально-семантической нагрузки невербальные средства выражения возможности. Так, формы глаголов изъявительного наклонения, дублирующие в ряде случаев соответствующие специализированные лексические модификаторы в сочетании с инфинитивом, участвуют преимущественно в реализации лишь значений субъективной возможности. Модальная функция сложноподчиненных предложений с придаточными цели ограничивается выражением лишь потенциальной возможности. Инфинитивные предложения, отличаясь в целом малочастотностью, эксплицируют в основном отрицательное значение возможности.

§ 3. МОДАЛЬНОСТЬ НЕОБХОДИМОСТИ

Категория необходимости, отражая «существенную, закономерную связь явлений, которая вытекает из самой природы вещей» (БАС), и раскрывая сложность и многообразие этой связи, обуславливает широту и емкость соответствующего модального значения. При этом характер рассматриваемой связи объектов реальной действительности (реализуемой в предложении через отношения субъекта и действия) может определяться факторами двоякого рода: источником данной связи могут быть, с одной стороны, объективные, внешние по отношению к субъекту причины, а с другой стороны, причины морально-этического характера, часто преломленные через сознание субъекта. В соответствии с этим представляется допустимым разграничение двух разновидностей необходимости: объективной и объективно-субъективной⁴⁵. В свою очередь, многообразие самих обуславливающих причин дает возможность выделить внутри указанных разновидностей необходимости ряд частных значений. Применительно к объективной необходимости в качестве основных можно выделить следующие частные значения: а) вынужденности, связанной с необходимостью выполнения общепринятых законов, как правило, юридического характера или подчинения каким-либо внешним обстоятельствам, «сопротивление которым со стороны исполнителя действия бесполезно»⁴⁶; б) неизбежности, связанной с наличием неотвратимых, находящихся вне сферы влияния человека обстоятельств. Объективно-субъективная необходимость имеет следующие частные значения: а) должен-

⁴⁵ Подобное разграничение в известной степени условно (поскольку в действительности весьма трудно провести четкую границу между объективным и субъективным) и производится нами из методических соображений.

⁴⁶ Мышкина Н. Л. Значения необходимости и способы передачи этих значений в оригинальных и переводных текстах немецкой и русской научной речи: Автореф. канд. дис. М., 1979. С. 15.

ствования, связанного с наличием обусловливающих причин морально-этического характера; б) потребности, связанной с квалификацией необходимого для выполнения действия как полезного, нужного и, стало быть, желательного⁴⁷ с точки зрения существующих морально-этических норм.

Среди языковых средств, эксплицирующих модальность необходимости в совокупности ее частных значений и отчетливо представленных уже в древнерусском языке, широким пластом выделяются лексические модификаторы (глаголы и предикативы), важную функциональную роль выполняют также отдельные типы невербальных способов выражения соответствующих модальных значений.

1. Лексические средства выражения необходимости

Материал исследованных памятников древнерусской письменности позволяет выявить обширную группу лексем, служащих в сочетании с инфинитивом средством выражения модального значения необходимости. Среди них — безличные глаголы *подобати, достояти, довлѣти*⁴⁸, предикативы *лѣпо, достоино, подобно, добро, должно (дѣлжно), нужно (нуждно), надобѣ, трѣбѣ*, адвербиализованные существительные *нужа, подоба, по-трѣба, неволя, врѣмя*, краткое прилагательное *долженъ (дѣлженъ)*⁴⁹, глагол *имѣти*. Характер модального функционирования данных лексем в силу их структурно-семантической специфики и определенной жанровой ориентации неоднороден.

Большая часть указанных лексических модификаторов имеет безличный характер. Данный факт объясняется тем, что «выражение необходимости как наиболее объективизированной, не зависящей от воли человека связи с действительностью, обнаруживает тенденцию к освобождению от личных форм и переходу к безличности»⁵⁰. Безличные глаголы и предикативы функционируют в безличных предложениях, особенностью которых является, как отмечалось выше, отсутствие прямого субъекта действия (а иногда и полная устраненность субъекта из предложения). Значение необходимости реализуется в таких предложе-

⁴⁷ См.: Там же. С. 14 и сл.

⁴⁸ Данные глаголы, будучи исконно безличными (этот факт отмечен в работе: Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения глагольного образования в древнерусском языке. С. 236), употребляются в подавляющем большинстве случаев в 3-м л. ед. ч. наст. вр.

⁴⁹ Выступая в функции именной части сказуемого, безлично-предикативные слова, адвербиализованные существительные и прилагательное *долженъ* отмечены в большинстве случаев в сочетании с личной формой глагола *быти*, выполняющего функцию связки.

⁵⁰ Черепанова О. А. Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке XI—XVII вв.: Дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Л., 1965. С. 54.

ниях, как правило, путем осуществления связи действия с косвенным субъектом, который выполняет грамматическую функцию дополнения, выраженного дательным падежом имени или местоимения, а также может выявляться из контекста либо мыслиться обобщенно (потенциально).

В отличие от лексических экспликаторов возможности, расположение которых в соответствующем микрополе во многом обуславливается их морфологической природой (собственно модальные и несобственно модальные модификаторы), что и определило принцип их рассмотрения в работе, модификаторы, эксплицирующие значение необходимости, группируются в соответствии с основными разновидностями последнего.

1.1. Лексические модификаторы, выражающие значения объективно-субъективной необходимости. Данные лексемы, образующие наиболее многочисленную группу экспликаторов необходимости, выражают такой тип связи субъекта действия (носителя состояния) с предикативным признаком, который обусловлен определенными законами, обычаями и т. п. главным образом морально-этического, в частности нравственно-религиозного, характера, что объясняет причину их преимущественного функционирования в произведениях (или контекстах) церковно-книжного содержания.

Наибольшей частотностью в рассматриваемой группе характеризуется собственно модальный глагол *подобати*, употребляющийся как в утвердительных, так и отрицательных конструкциях. В Сл. Срезневского он зафиксирован со значением 'соответствовать, приличествовать', которое отчетливо соотносится с его этимологией (происходит от прасл. *doba 'время, пора', восходящего к и.-е. *dhabh 'подходить, быть подходящим' — Сл. Преображенского). Семантика глагола *подобати* определяет специфику выражаемого им модального значения — должествования: 'следует выполнить что-л., потому что это соответствует общепринятым нормам поведения' (ср. значение данного глагола в Словаре старославянского языка (далее — ССЯ) — 'следует, подобает, надо'). Ориентируясь на книжные контексты, *подобати* вместе с тем свободен от строгой жанровой закреплённости: Отъязати ся подобаетъ пиянства въ немъ бо по истверезении стенание и каязнь бываеъ (Изб.); Тъм же ти плакатися подобаетъ, яко оставилъ былъ еси святыи честный манастирь (Пат. печ.); ...паче же имѣти въ устѣхъ Псалтырь Давыдовъ подобаетъ черноризцемъ (Пов. вр. л.); ...не подобаетъ и въ церкви, ни въ простѣ мѣсте поставляти никакого же образа (Флав.); Тако из начала установлено есть и не поколеблемо никогда же быти до скончания мира, и святителю блюсти бес пакости всего того подобает (Уст. княж.); ...иже изидеть невръженъ съ православьнъ есть и томоу подобаетъ намъ въслѣдовати (Син. пат.); Не подобаетъ намъ убити посла (Г.-Вол. лет.).

По модальной семантике и характеру функционирования

с глаголом *подобати* близко соотносится другой собственно модальный глагол — *достояти* (*достойти*), имеющий словарное толкование 'следует, должно' (СлРЯ XI—XVII вв.), 'надлежит, должно' (ССЯ). Такая модальная направленность находит объяснение в его этимологии и деривационных связях: *достояти* 'быть достойным' образовано от *stojati, имеет производное *достой* 'приличие, сообразность' (Сл. Шанского). Применительно к исследуемому периоду *достояти* регулярно (хотя и менее часто, чем *подобати*) реализуется в контекстах преимущественно книжного характера: ...вам достойти разумети правду, а не яти веру сътворенным клевету (Флав.); ...не тъкъмо вѣрю нъ и блгыми дѣлы достойти слоужити богу (Ж. Мефод.); Княже, достойт ти смрити в своем здравии, да не тако погубиши плоть свою многымъ трудом и въздержанием (Пат. печ.); ...не достойти крестияниномъ сквозь огнь ходити и кланятися идоломъ (Новг. лет.); Паче всего достойти человеку въздержати ся отъ... срамныхъ словесъ (Изб.); ...намъ бо достойти за нъ бога молити, понеже тъмъ бога познахом (Пов. вр. л.); Не достойти хрестияномъ за поганя давати (Уст. княж.). Вместе с тем интерес представляют случаи функционирования глагола *достояти* в контекстах, характеризующихся конкретно-бытовой направленностью содержания и служащих свидетельством большей по сравнению с *подобати* «демократичности» данного глагола. Ср.: Въ чистую недѣлю достойти медь ясти прѣсный, квась житный (Вопр. Кир.); Попови достойти, хотяче погружати въ водѣ, руцѣ собѣ завити, ать не омочиться опястье (там же); ...женѣ бо злообразне не достойт в зеркало приницати, да не в болшую печал впадетъ, ввозрѣвше на нелѣпотство лица своего (Мол. Зат.).

Морально-нравственная основа рассматриваемого типа связи соответствующих (фиксируемых в рамках предложения) фактов действительности отчетливо выявляется с помощью неглагольных форм (*не*)*лѣпо*, (*не*)*достойно*, (*не*)*подобно*, (*не*)*добро*, которые, не будучи собственно модальными, при модальном функционировании «обрамляют» выражаемое модальное значение оттенками своего вещественного значения.

В модальном значении предикатива *лѣпо*, наиболее часто представленного в исследуемом материале, таким семантическим обрамлением является значение наречия *лѣпо* 'надлежащим образом, хорошо; красиво' (СлРЯ XI—XVII вв.)⁵¹ подкрепленное прозрачной внутренней формой (произв. от др.-руск. *лѣпыи* 'хороший, красивый', восходит к прасл. основе *loip 'прилегающий, липнувший' — Сл. Фасмера). Именно оно и способствует выражению данным словом значения необходимости осуществления действия, обусловленного этическими нормами, опре-

⁵¹ Ср. также значения наречия *лѣпо*, зафиксированные в ССЯ: «1. Хорошо, красиво; 2. Прилично, уместно, надлежащим образом».

деляя его преимущественное функционирование в контекстах морально-этического содержания: *Лѣпо* есть часто молити ся емоу прилѣжно и вѣрно съ слъзами... донелѣ же боудеть оуслышана молитва (Изб.); *Лѣпо* есть нам, братие, всегда пред очима нашими честную раку отца нашего Феодосиа имѣти (Пат. печ.); ... *лѣпо* бо намъ есть нарекъшемъ ся чърньцемъ то по вся дѣни каяти ся грѣхъ своихъ (Ж. Феод.); ...и не *лѣпо* ти есть прилипати къ пьянству (Изб.); Олег же въсприимъ смыслъ буй и словеса величава рех сице: «Нѣсть менѣ *лѣпо* судити епископу, ли игуменом, ли смердом» (Пов. вр. л.); И нѣсть бо ти *лѣпо* отрокоу соущу таковаго дѣла дѣлати (Ж. Феод.); Нелѣпо ми презрѣти тщание их, ни моему животу на ползу будеть (Флав.); Томъ же лѣтъ рече князь Михаилъ: се у васъ нѣту владыкы, а не *лѣпо* быти граду сему безъ владыцъ (Новг. лет.).

Для модального значения предикатива *(не)достойно*⁵², несколько уступающего по частотности употребления предикативу *(не)лѣпо*, семантической основой является этимологический признак 'приличие, сообразность', содержащийся в производящей основе *достой*. Имея этимологическую общность с глаголом *достояти*, данный предикатив соотносится с ним по сфере функционирования, не встречаясь, однако, в контекстах конкретно-бытового содержания: *Достойно* нынѣ на свое мужство възвратитися и гнѣвати (Флав.); Тѣм же *достойно* похваляти англы, яко же Иоанъ Златоустецъ рече (Пов. вр. л.); Также бы и намъ паки *достойно* прилѣжно печися душами ихъ о спасении (Поуч. Ильи); Глагола къ нему по истинѣ брате *недостойно* е намъ того сътворити (Син. пат.); Не *достойно* есть единого ради брани въставляти на многы и малы вины ради толикихъ винъ (Флав.).

Значительно меньшей частотностью характеризуются модальные модификаторы *(не)подобно* и *(не)добро*.

Предикатив *(не)подобно*, модальная семантика которого определяется признаком 'подходящий' (ср. др.-русск. *подобнь* 'похожий, подходящий, пригодный')⁵³, будучи этимологически связанным с глаголом *подобати*, зафиксирован в близких ему контекстах: *Подобно* же и се сказати о нем, юже претерпѣ блаженный страсть смертную (Пат. печ.); И *подобно* ти смотрети, кто с тобою бесѣдуетъ и откуда есть (Флав.); И се. паки *подобно* есть рещи еже яко пишеть ся таково о святѣмъ и велицѣмъ савѣ (Ж. Феод.); ...и не *подобно* есть славити мужа грѣшна (Изб.); Нестъ *подобно* нам пленникомъ ехати к тебѣ на сватьбу (Девг. д.).

⁵² Ср. соответствующее значение данного предикатива, зафиксированное в словарях: 'следует' — Сл. Срезневского, 'следует, подобает' — СлРЯ XI—XVII вв.

⁵³ Ср. значение данного слова, зафиксированное в ССЯ: 'подходящим, надлежащим образом, достойно'.

Единичными употреблениями в аналогичной модальной функции зафиксирован дериват от *подобати* — адвербиализованное существительное *подоба*: ...горьчайши бо лютая си работа си бываетъ... кѣгда бо яко же есть подоба поспѣшити на духовное дѣло (Сл. Злат.); ...паче же аще е подоба истиннѣе реши оумаряеми не вѣроваахоу богу (Сл. Злат. о кресте).

О функционально-семантической близости предикативов *лѣпо*, *достоино*, *подобно* могут свидетельствовать случаи их употребления в тождественных контекстах. Сочетаясь с инфинитивом глагола *помянути*, они выступают как фразеологические обороты, передающие значение необходимости выполнения действия в силу его уместности, целесообразности по существующим этическим нормам: *Лѣпо* же есть помянути и о житий преподобнаго отца Феодосия Печерскаго вса Руси (Ж. Авр. Смол.); *Достоино* же есть и сде помянути слово, яже отъ жития преподобнаго Савы (там же); *Сему* же подобно есть помянути повесть некоего духовна отца кѣ братии (там же). Показателен также пример синонимической соотнесенности в условиях одного контекста с отчетливо выраженным морально-этическим содержанием лексем *недостоино* и *неподобно*: Аще дщерь благовѣрнаго князя даяти за мoughъ во иноу страну, идеже служить опресноки и съкверновѣднью не отмѣтають ся, недостоино и неподобно правоверным се творити своимъ дѣтемъ сочетание (Пам. канон. пр.).

Наречие *добро*, зафиксированное в СлРЯ XI—XVII вв. со значениями 'хорошо, благополучно' и 'нужно, полезно, похвально', в качестве модального модификатора особенно близко соотносится с предикативом *подобно*, что объясняется их этимологической общностью. Согласно этимологическим словарям, *добро* является дериватом от прилагательного *добрый*, которое образовано с помощью суффикса — от той же основы, что и др.-русск. *доба* 'пора, время' (и-е. основа — *dhabh 'подходящий, годный') и поэтому первоначальное значение *dobrǫ — 'соответствующий, подходящий'. Применительно к исследуемому периоду (*не*)*добро* представлено единичными употреблениями в памятниках церковно-религиозной литературы и книжных контекстах летописных произведений: ...посѣлавъ же кѣ немуу рече добро ти ся крѣтити сыноу волею своею на своей земли (Ж. Мефод.); Нѣсть оубо добро не хранити ся отъ всякого соуда (Изб.)⁵⁴; Паки прѣступи Исавъ заповѣдь отца своего и приа убиство; не добро бо есть преступати предѣла чужего (Пов. вр. л.); Не добро нам стояти сде близъ воющих нас иноплеменикомъ (Г.-Вол. лет.).

Сохраняет живую внутреннюю форму собственно модальный

⁵⁴ Данный пример интересен тем, что благодаря наличию двойного отрицания в нем выражается утвердительное значение 'следует': 'следует оберегаться от всякого суда'.

предикатив *должно* (*дѣлжно*)⁵⁵, представленный в данный период единичными употреблениями со значением 'должно, следует' (СлРЯ XI—XVII вв.): Должно же есть похвалити прежде отшедшихъ благовѣрныхъ князей и христолюбивыхъ боляръ и честныхъ мнихъ и всѣхъ христіанъ православныхъ (Пат. печ.); Глагола имѣ Александр: «Мнѣ убо дѣлжно естъ со всякимъ терпениемъ и любовью за всѣхъ страдати» (Никон. лет., IX).

Еще отчетливее морально-нравственная (долженствовательная) направленность значения необходимости раскрывается в тех немногочисленных для исследуемого периода случаях, когда в роли модального модификатора выступает краткое прилагательное *долженъ*, функционирующее в конструкциях с прямым субъектом действия (выполняющим в предложении грамматическую роль подлежащего). Показательно, что почти во всех зафиксированных нами примерах его употребления субъект действия выражен местоимением 1-го лица, благодаря чему акцентируется активность позиции субъекта в понимании им своего долга, обязанности выполнить действие. Ср.: ...и се пишу къ тебѣ, понеже, брате, по божию повелѣнію, должны есми другъ къ другу послание творити (Посл. Вас. Новг.); Тѣм же и мы должны есмы хвалити достойно страстотерпца христова, молящеся прилежно к нима (Пов. вр. л.); ...такое и мы дѣлжны есмъ грѣшныи притещи къ избавителю (Сл. Злат. о блудн.); ...сего ради должны есмы благодарити и радоватися, и никакоже малодоушествовати (Пов. Ам.); Того ради дѣлжны есмы, братіе, хвалити и пѣти и прославляти господа Бога (К. Тур.).

Частное значение объективно-субъективной необходимости — значение потребности, реализация которого обусловлена соображениями пользы, нужды, потребности с точки зрения соответствующих морально-этических (нравственно-религиозных) представлений, последовательно выражает предикатив *трѣбѣ*, имеющий словарное толкование «быть нужным» (Сл. Срезневского). Мотивировка такой модальной специфики данного слова заложена в его внутренней форме (образовано от ст.-слав. *трѣбый* 'нужный', восх. к прасл. **terb-*, родств. др.-прусс. *enterben* 'полезный', др.-исл. *rafr* 'нужный, полезный', гот. *raurpan* 'испытывать нужду в ч.-л.' — Сл. Фасмера). Будучи старославянского происхождения, *трѣбѣ* зафиксирован единичными примерами употреблений в памятниках древнерусской церковно-книжной письменности: ...паки же рече къ немуо твоемуо отъчествоу съ богомъ соущоу съде не трѣбѣ естъ инѣхъ дѣржати (Пов. Поливия); Да, тѣмъ трѣбѣ бы, братіе часто почитающе святые книги, отганяти печали и тѣмъ искати спасения (К. Тур.);

⁵⁵ Согласно этимологическим данным, предикатив *должно* образован морфолого-синтаксическим способом на основе формы им. п. ср. р. краткого прилагательного *дѣлжнѣ*, образованного, в свою очередь, от существительного *дѣлгъ* (Сл. Шанского). По мнению Фасмера, прасл. *dylgъ родственно гот. *dulgs* 'долг' (Сл. Фасмера).

...трѣбѣ же бѣше въ градѣ Карпассии посадити епископа на столѣ... (Пов. Поливия).

В указанной модальной функции зафиксировано также употребление адвербиализованного существительного *потрѣба*: Яко иде же есть блазнь: ту есть паче *потрѣба* хранити ся (Изб.).

В близкой модальной соотнесенности с *трѣбѣ* находится предикатив *нужьно* (ст.-слав. *нуждьно*), деривационно связанный с прилагательным *нужьный* (ст.-слав. *нуждьныйи*) 'нужный, необходимый'⁵⁶ (СлРЯ XI—XVII вв.), которое, в свою очередь, через посредство существительного *нужа* (*нужда*) восходит к прасл. *nuda, родств. лит. *pa-nústi* 'затосковать по ч.-л.', др.-в.-н. *piot*, *piet* 'острое желание, стремление', др.-прусс. *pautei* 'нужда' (Сл. Фасмера). В исследуемом материале данный предикатив с модальным значением 'нужно, необходимо' зафиксирован отдельными употреблениями в памятниках книжно-славянской письменности⁵⁷: ...исоушь... поусти своя оученикы коупити ѣди... ноужьдно есть любленици изискати чьсо ради и мѣсто знаменаль и часъ (Сл. Злат. о самарян.); ...силы ангельския прѣдѣтекоуть гроби отъвързають ся ...и о вольныхъ и невольныхъ о семъ бо дъни пещи ся ноужьно есть (Сл. Злат. о терп.); Нужьно убо есть всякууму мужю жития ради ясти (Ефр. Корм.).

В тождественной модальной функции отмечены также единичные употребления существительного *нужа* (*нужда*): Нъ обаче не ангель есмь, нъ человекъ хоудъ, да ноужа ми есть млѣчати о томъ (Поуч. Ильи); По сихъ же множащися братии и ноужа бысть славьному отьцю нашему Феодосию распространити манастирь на поставление келии (Ж. Феод.); Бъ нѣкто отшѣльць... сему ноужа бысть *потрѣбы* дѣля нѣкоя възити въ константиъ градъ (Син. пат.).

1.2. Лексические модификаторы, выражающие значения объективной необходимости. В данную, незначительную по составу модификаторов, группу входят лексемы, эксплицирующие значение необходимости, которая обусловлена внешними по отношению к субъекту причинами, не имеющими непосредственной морально-этической направленности. В числе таковых может находиться стечение каких-либо обстоятельств или постоянные объективные факторы, а также принятые в обществе, юридически закрепленные правила (законы). При реализации соответствующих отношений субъекта и действия может выявляться модальный оттенок (частное значение) вынужденности. Наибо-

⁵⁶ Показательно, что в Словаре старославянского языка сущ. *нужда* и нареч. *нужьно* семантически соотнесены с *потрѣба*, *трѣба*.

⁵⁷ Ср. с мнением В. Л. Георгиевой, относящей употребление *нужно* с соответствующим модальным значением лишь к XVII в. См.: Георгиева В. Л. Вопросы развития безличных предложений в истории русского языка (на материале памятников письменности XI—XVII вв.): Дис. докт. филол. наук. 10.02.01. Л., 1968. С. 58.

лее отчетливо он прослеживается в модальной семантике глаголов *довлѣти*, *имѣти* и адвербиализованного существительного *неволя*.

Глагол *довлѣти*, имеющий основное словарное значение 'быть достаточным' (Сл. Срезневского), в функции модального экспликатора зафиксирован в исследуемом материале ограниченным числом употреблений. Специфика его модальной семантики — выражение связи субъекта и действия, необходимость которой диктуется внешними обстоятельствами, содержащими волевой оттенок, — раскрывается при обращении к этимологии глагола. По этимологическим данным, ст.-слав. *довѣлѣти* образовано от *довѣль* 'имущество, достаток', префиксального производного от той же основы, что и *велеть*, *воля*. Родственно лит. *vėlti*, *pavelti* 'хотеть, позволять'. лат. *volo*, *vult*, *vult*, *velle* 'хотеть' (Сл. Фасмера). Будучи старославянским по происхождению, *довлѣти* отмечен в контекстах с ярко выраженной книжной окраской⁵⁸: Довлѣть мнѣ и тобѣ въ толицѣ ширинѣ житиѣствовати, не бо азъ есмь Каинѣ братоубийца (Никон. лет., IX); ...подробну повѣствовати оставляемъ... довлѣть о немъ реши яко сосудъ избранныи бысть святаго Духа (Ж. Авр. Смол.); ...нѣ вьсего мѣсто довлѣть поущение сътворити и мысль крѣпкою и бѣдрю (Сл. Злат. о св.); ...довлѣть ти познати мя господа (Сл. Злат.).

Книжный характер функционирования присущ и глаголу *имѣти* (имамъ)⁵⁹, который, отличаясь модальной полисемантичностью (что отмечалось нами выше), выражает значение необходимости наряду с другими значениями предметной модальности. Соответствующий тип связи субъекта и действия, выражаемый посредством данного глагола, обуславливается причинами внешнего, объективного порядка, связанными, однако, с определенным морально-нравственным кодексом. Актуализирующим элементом указанного значения служит содержание контекста. Ср.: ...и моих ради грѣхъ вси имате погыбнути (Син. пат.); рече епифанъ къ ивану дажь ми рече отъче иване срѣбро на слоужьбоу имамъ бо кѣрмити купрьскыя моужа (Пов. Поливия); ...и вси людие племены языци работати емоу имоуть имъ же и власть его ...вечна (Сл. Злат. на Возн. Экз.); азъ нагъ изидохъ ишрѣва матерья нагъ же имамъ и отити (Сл. Злат. о терп.); ...не имать бо наслѣдовати сынъ рабынинъ сына свободныа (Сл. Илариона); Аще сяду на столъ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ прежде отца его былъ (Пов. вр. л.).

⁵⁸ На особую книжность глагола *довлѣти* обращает внимание В. Л. Георгиева (Там же. С. 24—25).

⁵⁹ На этот факт указывает К. М. Озолина, говоря о высокой частотности глагола *имѣти* в модальной функции в старославянском языке (Озолина К. М. Выражение модального значения долженствования — необходимости в древнерусском языке // Труды Иркутск. ун-та. Сер. языкознания. 1970. Т. 73, вып. 5. С. 106).

Существительное *неволя*, реализующее в составе сказуемого частное значение вынужденности (ср. словарное значение 'приходится (придется), нужно что-л. сделать' — СлРЯ XI—XVII вв.), зафиксировано единичными примерами, относящимися преимущественно к летописным произведениям: ...аще быша и ... створили также неволя ми было пристати в свѣтъ, ходяче в руку [ихъ] (Пов. вр. л.); Повѣда ми Давидъ Игоревичъ, яко Василко брата ти убилъ Ярополка и тебе хоче убити... а неволя ми своее головы блюсти (там же); И рѣша людие Давыду: «выдай мужи сиа... аще ли ни то отворимъ врата граду»... и неволя бысть выдати ихъ (Никон. лет., IX).

Значение необходимости, обусловленное причинами, лежащими вне сферы влияния субъекта, и имеющее в силу этого оттенок объективной неизбежности, передается адвербиализованным существительным *врѣмя*, зафиксированным в функции модального экспликатора немногочисленными примерами. В качестве связки при данном существительном, кроме глагола *быти*, могут употребляться также глаголы *прийти*, *приспѣти*, семантика которых делает оттенок неизбежности еще более отчетливым. Ср.: ...она же рече врѣмя есть отъче исповѣдати грѣхы моя и отпустить нечестия безаконию моему (Муч. Иринии); ...приде врѣмя разорити ся жизньюоумоу търъжищю (Сл. Злат.); О княже нашъ честный! Нынѣ приспѣ врѣмя нам положити главы своя за тя (Ж. Невск.).

Особое место занимает в рассматриваемой группе предикатив *надобѣ*, представляющий собой форму дат.-местн. пад. ед. ч. от др.-русск. *надоба* 'надобность, потребность', восходящего к прасл. **doba* 'время, пора' (Сл. Фасмера). Обуславливающую основу эксплицируемого данным предикативом модального значения составляют объективные причины конкретного характера или юридически закреплённые законы. Такой характер модальной семантики *надобѣ* определяет специфику его функционирования, сфера которого ограничивается преимущественно деловыми памятниками и контекстами, ориентированными на народно-литературный тип древнерусского языка. В исследуемых материалах данная лексема зафиксирована в составе инфинитивных конструкций в основном с отрицанием, при этом инфинитив отличается конкретностью семантики: А по томъ не надобѣ вступатися дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ ни всемоу родоу до вѣка въ люди церковныя (Уст. княж.); ...псомъ бо и свиинамъ не надобѣ злато, ни сребро... ни мертвеца росмѣшити, ни безумнаго наказати (Сл. Зат.); Аже латинеский гость биеть ся събою у рускои земли любо мѣчемъ а любо деревѣмъ князю то не надобѣ мѣжоу събою судити (Смол. гр.); А Микифору не надобѣ вступатися ни во что же, ать ходитъ Микифоръ в Михайловъ ватазъ (Новг. гр. № 85). При употреблении *надобѣ* без отрицания часто наблюдается пропуск инфинитива (который легко восстанавливается из контекста), что также может служить свиде-

тельством разговорного характера конструкций с данным предикативом. Ср.: ...и да творять куплю, иже им надобѣ [твори-ти] (Пов. вр. л.).

2. Невербальные способы выражения необходимости

Основным средством невербального выражения модального значения необходимости являются конструкции с независимым инфинитивом, в немногочисленных случаях эту функцию выполняет контекст сложного предложения и конструкции с двойным отрицанием.

2.1. Конструкции с независимым инфинитивом. Анализ древнерусских памятников письменности различной жанровой принадлежности показывает, что большая часть инфинитивных предложений (о модальной емкости которых говорилось нами выше) выражает именно модальное значение необходимости, причем для памятников делового характера (грамот, уставов и т. п.) такие предложения являются преобладающими. Подобная жанровая ориентация значения необходимости объясняется самой спецификой деловых документов, в которых требовалось четко и кратко перечислить обязательства и права определенного лица (или лиц), юридической стороны, подчеркнуть строгую обязательность их соблюдения⁶⁰. В подобных предложениях, как правило, содержатся формальные указания на субъект обязательного для выполнения действия (в форме дательного падежа имени или местоимения): ...ажь оубьеть моужь моужа, то мстити братоу брата, любо отьцю, любо сыноу, любо брато-чадоу, любо братию сынови (Рус. пр.); А бояром и слугамъ князя великого и митрополичим земель духовских не купити, а которые будут купили, а темъ лести вонъ, а серебро свое взяти (Уст. княж.); Аже латинескии оусхочеть ехати исмольнеска своимъ товаромъ въ иноу сторону про то его князю не держати ни иному никомоу же (Смол. гр.); А дворяномъ твоимъ, княже, ходити по пошлинѣ (Новг. гр. № 1). Отсутствие формального выражения субъекта в предложении наблюдается в основном в тех случаях,⁶¹ когда в качестве субъекта соответствующего действия одновременно выступают обе договаривающиеся стороны⁶² (ср., например: Аже оубьеть посла или попа то двое того дати за голову аже не боудеть разбоиниковъ будуть разбоиници выдати е—Смол. гр.; Аже будеть холопъ оубить I гривна серебра заплатити—там же) или когда он легко восстанав-

⁶⁰ Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот: Простое предложение. Львов, 1949. С. 80—82.

⁶¹ В. И. Борковский отмечает немногочисленность таких случаев применительно к древнерусским грамотам. См.: Там же. С. 84.

⁶² Там же. С. 86.

ливается из контекста предшествующего (как правило, придаточного) предложения (ср., например: Аже застанет роусинъ немьчина съ своею женою, за то платити .І. гривнъ серебра — Смол. гр.; ...кто выбьет око човекоу или ногоу или прочюю хромоту в теле оучинити .Е. гривнъ серебра платити — там же).

В примерах, где необходимость осуществления действия диктуется субъекту не общественно-социальными законами, закрепленными юридически, а волей (желанием) отдельного лица (выступающего в предложении в форме лица говорящего), модальный рисунок семантически усложняется: значение необходимости адресованного субъекту действия наслаивается на значение волеизъявления, исходящего от субъекта сообщения (лица говорящего), т. е. происходит переплетение значения предметной модальности (значения необходимости) со значением модальности субъективной (в данном случае представленной значением волеизъявления): А имати имъ тои оброкъ в веки по моему данию князя великого Всеволода (Уст. княж.); А по моему животе, великого князя Всеволода, стояти за дом святого Ивана великому брату моему князю великому всея Руси (там же).

Инфинитивные предложения со значением необходимости, зафиксированные в памятниках других жанров древнерусской письменности, составляют незначительное количество. Среди них можно выделить конструкции, эксплицирующие частное значение необходимости — долженствование, которое обуславливается причинами морально-этического плана, диктуется законами общепринятой, официальной морали. Данные конструкции типичны для текстов религиозно-поучительного содержания (особенно частотны они в Изборнике 1076 г.): Радоватися ся исправльшими доброноровие и не завидѣти съ стражюшtimi страдати и съ плачюшtimi зѣло плакати ся (Изб.); Блюсти сръдце отъ помыслъ злыхъ събирати имѣние на небесѣхъ законъ хоронити (там же); Слъньце да не заидетъ о гнѣвъ вашемъ не държати гнѣва ни на кого же (там же); А к богу бѣше покаятися, а ко мнѣ бѣше грамоту утѣшеную (Пов. вр. л.); Да не выискывати было чюжего, — ни мене в соромъ, ни в печаль ввести (Поуч. Мон.); Брашна же их не примати, яка многа суть в тѣхъ злаа и неправеднаа (Пат. печ.).

В текстах светского содержания зафиксированы конструкции, выражающие частное значение объективной необходимости — значение неизбежности осуществления действия, связанной с имеющимися традициями, стечением каких-либо обстоятельств и т. п.: И рече Святополкъ воемъ своимъ: Уже нам сде пасти (Пов. вр. л.); Княже конь еже любши и ѣздиши на немъ от того ти умрѣти (там же); Брат твои Ярославъ кланялься кусту и тобѣ кланятися (Г.-Вол. лет.). Особенно отчетливо данное значение прослеживается в тех (немногочисленных) инфинитивных предложениях, где в качестве формально выраженного субъекта действия вы-

ступает неодушевленный предмет, а фактический субъект действия не назван и находится за пределами сферы влияния говорящего⁶³: Быти грому великому, ити дождю стрелами съ Дону Великаго! (Сл. о плк. Иг.); Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыя (там же); О, стонати Русьской земли, помянувши пьрвую годину (там же).

2.2. Типы сложных предложений. Примеры реализации значения необходимости с помощью грамматикализованного контекста, в качестве которого зафиксированы некоторые типы сложноподчиненных предложений, в исследуемом материале многочисленны. Среди них отметим предложения с условными и причинно-следственными отношениями, отчетливо эксплицирующие частные значения объективной необходимости. В первой из названных сложных конструкций актуализатором соответствующей связи субъекта и действия, формальные указания на которую содержатся в главной части предложения, служит семантика придаточной части: *Аще ли кто погубить чюжую кровь и вданое ему на сохранение, то наречется лукавый, и невѣренъ и и всѣмъ непотребенъ* (Флав.) *‘такого обязательно, неизбежно назовут лукавым’*; *Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то ныне были быхомъ в прельсти дьяволи* (Пов. вр. л.) *‘то и ныне мы были бы вынуждены пребывать в заблуждении дьявольском’*⁶⁴. В предложениях с причинно-следственными отношениями роль актуализатора необходимой связи субъекта и действия может выполнять как придаточная, так и главная часть: *Данил же и Василко же возвратился, иде в свою землю, изнемоглъ бо ся бѣ* (Г.-Вол. лет) *‘вынужден был вернуться, так как изнемог’*; *Брата же моа внимаета себѣ, кождо бо свое бремя понесетъ* (Пат. печ.) *‘каждый неизбежно обязан нести свое бремя’*.

2.3. Конструкции с двойным отрицанием. Речь идет о модальных конструкциях, состоящих из глагола *моги* или собственно модальных предикативов со значением возможности в сочетании с инфинитивом, формальной приметой которых в данном случае является наличие отрицания перед обоими компонентами. В результате этого происходит снятие отрицания и возникает утвердительное значение необходимости, реализуемое, как правило, в частных значениях неизбежности и долженствования. В исследуемом материале указанные конструкции пред-

---

⁶³ Подобный тип модальных отношений, реализующихся посредством инфинитивных предложений, применительно к древнерусскому языку отмечает А. Н. Степенко (Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. С. 89).

⁶⁴ Особенностью эксплицируемой в данном предложении необходимости является ее ирреальный характер, поскольку основная, объективная модальность сложного предложения, выражаемая граммемой сослагательного наклонения, имеет в данном случае значение ирреальности.

ставлены единичными примерами,⁶⁵ относящимися к книжным контекстам: Изведи ми старче сына моего... не могу не видѣти его (Ж. Феод.); и се псьь чърнь ста предъ мною яко же имь мнѣ нельзѣ ни поклонити ся (там же); Никто же бо можеть не прослезитися, узрѣвъ желанную ту землю (Хож. Дан.)⁶⁶.

3. Выводы

Как показывает исследованный материал, функционально-семантическое микрополе необходимости, отражая диалектически сложный характер взаимоотношений объектов внеязыковой действительности, находящих воплощение в их языковом преломлении, уже применительно к древнерусскому языку характеризуется содержательной емкостью и достаточно широким планом выражения. Главная особенность данного модального значения — высокая степень объективированности в силу соответствующей объективации отношений субъекта (преимущественно косвенного) и действия (состояния) — находит отчетливое выражение в специфике функционирования его экспликаторов, основную часть которых составляют лексические безличные модификаторы: безличные глаголы и предикативы. Содержательная специфика письменных памятников рассматриваемого периода — преобладание произведений церковно-религиозной тематики — определяет преимущественный характер частных значений необходимости, наиболее регулярной базой возникновения которых являются причины морально-этического плана. Этим, видимо, объясняется «приток» в микрополе необходимости различных лексем, содержащих потенциальную сему 'пристойно, прилично'. Доминантное положение среди них уверенно занимает характеризующийся высокой частотностью и отсутствием строгой жанровой ориентации собственно модальный глагол *подобати*, в функционально-семантической соотнесенности с ним находится несколько менее частотный глагол *достояти*. Морально-этическую основу имеет значение необходимости, передаваемое лексемами наречного образования *(не)лѣпо*, *(не)достойно*, *(не)подобно*, *(не)добро*. Однако, не будучи собственно модальными, они не получают дальнейшего развития

⁶⁵ На их крайне низкую употребительность в древнерусском языке указывает О. А. Черепанова. См.: Черепанова О. А. Указ. соч. С. 164.

⁶⁶ В данном примере, содержащем отрицательное местоимение, наблюдается пропуск *не* перед модальным глаголом, явление, получившее довольно широкое распространение в древнерусском языке и имеющее различные объяснения. В. И. Борковский, например, объясняет этот факт тем, что частица *ни*, входя в состав отрицательных местоимений и наречий, передает свою отрицательную силу сказуемому, следующему дальше (Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Типы простого предложения. М., 1968. С. 228).

в предикативной функции и, характеризуясь, за исключением двух первых лексем, низкой частотностью, занимают периферийное положение. На периферии вследствие ограниченности функционирования находятся также прилагательное *долженъ* и его дериват *должно*, в модальном значении которых отчетливо эксплицируется сема долженствования. Малочастотны и малочисленны модификаторы, передающие частные значения потребности (*грѣбѣ, нужно (нуждно), нужда (нужда)*), вынужденности (*довѣти, имѣти, неволя*), неизбежности (*врѣмя*). Функцию экспликаторов указанных значений в определенной степени выполняют невербальные средства, среди которых выделяются инфинитивные предложения. Последние особенно активны и близки к центру поля при выражении модального значения, связанного с необходимостью выполнения каких-либо юридических законов. Реализация такого значения характерна главным образом для деловых документов, а инфинитивные предложения высокочастотны именно в памятниках данной жанровой принадлежности. Лексические же модификаторы, среди которых наиболее отчетливо соответствующую модальную семантику выявляет предикатив *надобѣ*, вследствие невысокой употребительности занимают периферию.

§ 4. МОДАЛЬНОСТЬ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ

Как указывалось нами выше, значение желательности, в отличие от других значений предметной модальности, реализуется в отношениях субъекта и действия, в основе которых лежат причины преимущественно внутреннего, субъективного характера. «Желательность — это мотив деятельности человека, который характеризуется осознанностью возникшей потребности».⁶⁷ Такая смысловая направленность значения желательности в известной мере определяет специфику плана содержания его микрополя, состоящую в наличии внутренней предрасположенности субъекта к действию. При этом степень предрасположенности фиксируется в частных модальных значениях, основные среди которых: 1) 'иметь желание выполнить действие', обозначающее желание в его общем проявлении (собственно желание); 2) 'иметь стремление выполнить действие', обозначающее интенсивное (активное) желание, определяемое семантическим признаком 'очень'; 3) 'иметь намерение выполнить действие', обозначающее обдуманное желание, определяемое признаком 'решить'; 4) 'пытаться выполнить действие', обозначающее желание с указанием на попытку осуществления желаемого. Специфической особенностью рассматриваемого модального микрополя является и то, что желание субъекта осуществить действие может служить основой для возможности

---

⁶⁷ Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 1. М., 1960. С. 57.

реализации последнего, что, в свою очередь, свидетельствует об определенной подчиненности значения желательности значению возможности и создает случаи соответствующих модальных взаимонаслоений, которые могут прослеживаться в частном значении '(не) быть в состоянии выполнить действие'.⁶⁸

1. Лексические средства выражения желательности

В отличие от лексических экспликаторов значений возможности и необходимости, включающих разноречные элементы, лексические модификаторы, выражающие в сочетании с инфинитивом значение желательности в древнерусском языке исследуемого периода, представлены лишь глаголами. В силу семантической специфики данного значения, почти все они выступают в личных формах,⁶⁹ осуществляя связь с прямым субъектом действия.

В соответствии с характером выражения рассматриваемого модального значения глаголы желания, к числу которых мы относим глаголы, объединяющиеся идентифицирующим признаком 'наличие потребности (предрасположенности) к осуществлению действия', делятся на две группы: собственно модальные и несобственно модальные.

1.1. Собственно модальные глаголы. Группа собственно модальных глаголов древнерусского языка, для которых функция выражения модального значения желательности является основной, представлена лексемами *хотѣти*, *вѣсхотѣти*, *желати*, *жадати*, *волити*, *изволити*.

Наибольшей частотностью функционирования характеризуется глагол *хотѣти*, зафиксированный в формах прошедшего и настоящего времени изъявительного наклонения,⁷⁰ в сослага-

⁶⁸ Подобные случаи рассматривались нами в § 2 данной работы при анализе модальности возможности и средств ее выражения.

⁶⁹ Из безличных форм применительно к данному периоду нами зафиксирована лишь форма *хочется*, представленная единичным примером употребления: ...а не хочется платити емоу, то просити детьского оу князя, ли у тивоуна (Смол. гр.).

⁷⁰ По вопросу о грамматической природе сочетаний глагола *хотѣти* в форме настоящего времени с инфинитивом, которые, согласно грамматической традиции, считаются формой сложного будущего времени, до сих пор нет единства мнений. Не ставя перед собой задачу анализа и сопоставления традиционных и современных точек зрения по данному вопросу (они представлены достаточно полно в ряде работ, см., например: Соколова И. Г. Сочетание «хочу + инфитив» как способ выражения будущего времени в русской и украинской деловой письменности XV века // Сб. научных трудов Ташкент. ун-та, 1976. № 501, ч. I), обратим, однако, внимание на то, что представляется принципиально важным для понимания функционально-семантической специфики *хотѣти*, — на факт сохранения вспомогательным глаголом *хочу* его «совершенно вещественного значения» (Потебня А. А. Указ. соч. С. 359). При этом наличие модальных оттенков у данного глагола отнюдь не мешает ему выполнять функцию вспомогательного

тельном наклонении, без отрицания и с отрицанием. Характеризуясь прозрачностью и емкостью модального значения, данный глагол способен эксплицировать различные оттенки (частные значения) желательности, отражающие степень активности субъекта в проявлении его предрасположенности к осуществлению действия:

1) иметь желание выполнить действие: Братие моя хошу вамъ повѣдати житие добро и съвершено моужа дивѣна и съвършена (Пов. Ефрема); Благословити тя хотять сынове русии и в послѣдний родъ внукъ твоихъ (Пов. вр. л.); ...а нынѣ, братия моя милая, хошу к вамъ глаголати (Девг. д.);

2) иметь стремление выполнить действие: ...се слышащи иерия болярична любовью божиею раждизаючи ся бесѣдовати хотяше съ февронию (Ж. Февр.); И любовь вниде в мя велия, видети хошу юность твою (Девг. д.);

3) иметь намерение выполнить действие: Идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви ...и хотяше състи с родомъ своимъ (Пов. вр. л.); Повѣда ми Давыдъ Игоревичъ яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хошетъ убити и зяяти волость твою (там же); не дасть намъ госпожа великая изити отсюдоу и отстоупити васъ хошетъ тоя дѣля погоубити (Ж. Февр.);

4) пытаться выполнить действие: ...к тѣмъ дверемъ приде святая Мария Египтянына и хотѣ влѣсти, и цѣловати хотѣ, и не впусти ея сила святого духа въ церковь (Хож. Дан.); ...обнаживъше меча текоша къ старьцю и приближивъше ся отмахнувъше оударити хотяше (Син. пат.); И хотѣша новгородьци полести къ городу и не да имъ князь Мьстиславъ (Новг. лет.).⁷¹

Модальная универсальность глагола *хотѣти* связана с тем, что соответствующее значение заложено во внутренней форме данного глагола, является его номинативным, непроеизводным значением⁷² (ср. толкование *хотѣти* у Срезневского — 'желать,

элемента в форме сложного будущего, поскольку это определяет специфику соответствующей формы древнерусского языка в отличие от современного состояния последнего (См.: Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. С. 293—295).

⁷¹ Актуализатором соответствующих частных значений желательности в выше приведенных и подобных примерах выступает семантика лексических элементов контекстного окружения. Так, показателем интенсивности желания служит семантика словосочетаний *любовь божия*, *любовь великая*. Значения 'иметь намерение выполнить действие' и 'пытаться выполнить действие' реализуются в конструкциях с инфинитивом, обозначающим конкретное действие (*убити*, *сѣсти*, *погоубити*, *влѣсти*, *ударити* и т. п.), осуществление которого требует от субъекта практического (рационального) подхода. При реализации последнего из приведенных значений в контексте содержатся указания на проявление попытки и на те силы, которые противостоят ее осуществлению.

⁷² Др.-русс. *хотѣти* восходит к прасл. *chŷtĕti 'хотеть, желать', получившему широкое отражение в славянских языках. Точных индоевропейских соответствий не имеет, но, возможно, родственно лит. *ketėti* 'замышлять' (Сл. Фасмера).

хотеть') и поддерживается его другими, немодальными, значениями — 'требовать', 'добиваться', содержащими признак интенсивности.

Вышеназванные частные значения желательности реализуются лишь в утвердительных конструкциях, при употреблении же *хотѣти* с отрицанием происходит нейтрализация и слияние их в обобщенном 'не иметь желания выполнить действие'. Ср.: ...онъ же паки акы зазря троудоу его и не хотяше ею пренести зане и самъ баше еѣ създалъ церкъве тоя (Сказ. о чуд. Р. и Д.); ...и начахъ молити единого... дажь ми мало воды яко издыхаю онъ же не хотяше ми подати (Син. пат.); ...и рекоша новгородци: кнѣже, не хочемъ измерети на конихъ, нъ яко отчи наши билися на Кулачьскѣи пѣши (Новг. лет.); Ляховъ же не хотѣша ѣхати ко граду, но хотѣша далече стати города (Г.-Вол. лет.); Не хочемъ ти дати стола Володимерьскаго, зане ввергль еси ножъ в ны, его же не было в Русскѣи земли (Пов. вр. л.).

Подобное обобщенное значение желательности зафиксировано и в немногочисленных конструкциях с глаголом *хотѣти* в форме сослагательного наклонения. При этом сама желательность в ее отношении к фиксируемому отрезку действительности может иметь двоякий характер в зависимости от синтаксической структуры предложения. В составе сложноподчиненного предложения, в котором посредством сослагательного наклонения «устанавливается зависимость одного явления от другого без указания на его реальное осуществление»,⁷³ т. е. выражается модальное значение нереальности, желание, передаваемое глаголом *хотѣти*, также является нереальным: ...аще бы хотѣлъ познати его и вѣровати въ доуха спасенъ бы былъ (Муч. Вита); ...аще же ли бы хотѣлъ повиноути ся емоу вѣдѣлъ бы како естъ сынъ божий агньць въземляи грѣхы вьсего мира (там же). В независимом же предложении сослагательное наклонение, обозначая предположение с оттенком желательности,⁷⁴ передает модальное значение реальности, поэтому и значение, эксплицируемое глаголом *хотѣти* в форме сослагательного наклонения, является реальным. В результате взаимодействия грамматического значения сослагательного наклонения и лексического значения соответствующего глагола реализуемое значение желательности приобретает дополнительные эмоционально-смысловые оттенки (мягкости, деликатности и т. п.)⁷⁵:

⁷³ Хрычиков Б. В. Значения форм сослагательного наклонения в сложноподчиненных предложениях с придаточными условными и уступительными // Учен. зап. Новгородск пед. ин-та. 1956. Вып. 2, т. 2. С. 196.

⁷⁴ См.: Бондарко А. В., Буланин Л. А. Русский глагол. Л., 1967. С. 130.

⁷⁵ Своеобразный характер взаимодействия лексических и грамматических средств выражения модальности в случаях, когда глагол *хотеть* (а также *желать*) находится в форме сослагательного наклонения, отмечается, применительно к современному русскому языку, исследователями. См., на-

Отче! братии умножается и хотѣли быхом поставити мана-
стырь (Пат. печ.); Вижу тя, милое мое чадо!... не имуща
видѣния, ни доброты, и горко уязвляюся душою, и хотѣла
быхъ съ тобою умрети... (К. Тур.); И азъ бых хотѣл поити с
тобою к Тивириадскому морю (Хож. Дан.).

Широкие модальные возможности глагола *хотѣти* под-
тверждаются многочисленными случаями употребления кратко-
го причастия от данного глагола в составе обстоятельного
оборота, содержащего мотивировку осуществления субъектом
действия, указанного в глаголе-сказуемом. В зависимости от
характера семантической обусловленности действия, названного
сказуемым, и действия, названного инфинитивом причастного
оборота, можно выделить две разновидности соответствующих
конструкций. Осуществленное субъектом действие: 1) служит
обязательным условием для выполнения им другого, желатель-
ного для него действия, названного в причастном обороте: ...и
придоша свои емоу въ единъ днь хотяще и видѣти (Син. пат.);
Нѣколи въ единою нощь приидомъ къ двороу томоу разбои
хотяще творити (Ж. Феод.); ...присла послы свои к Михаилу
и ко гражаномъ, хотя е прельстити (Г.-Вол. лет.); А се со-
бралъ много вой, хотя меня победить (Девг. д.); 2) выступает
как следствие его нежелания выполнить другое действие, на-
званное в причастном обороте: ...онъ же съврже ю долоу не
хотя ни видѣти ея (Ж. Феод.); ...братъ же не хотя его поустити
единого иде съ нимъ въ градъ (Син. пат.); ...царь же не
хотя его убити, повелѣ очи ему слѣпити стькломъ (Новг. лет.).

Функционально-семантическая специфика старославянского
по происхождению глагола *въсхотѣти*,⁷⁶ образованного от *хотѣ-
ти* посредством ст.-слав. префикса *въз-*, обнаруживается в повы-
шенной экспрессивности выражаемого им модального значе-
ния, преимущественно частного значения желательности, опре-
деляемого дифференциальными семами 'намерение', 'решение',
а также в заметной ориентации на контексты, отражающие
книжно-славянский тип древнерусского литературного языка.⁷⁷
Ср.: По врѣмени нѣколицъ въсхотѣ Георгий... оковати раку
преподобнаго отца Феодосия (Пат. печ.); Рабъ наоученъ дия-
волъмъ въсхотѣ оубити женоу и дѣтищъ... (Син. пат.); Сла-
внъ же бы епифанъ въ въсеи земли егуптьсѣ въсхотѣша же
прияти и сътворити и епископа (Ж. Епиф.); ...не въсхотѣхомъ
взискати себе самъ ничто же себе изволихъ по апостолоу (Сказ.
о Б. и Г.); И не въсхотѣ ити к братома своимъ, послушавъ

пример: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского
языка. С. 157; Бондарко А. В., Буланин Л. А. Указ. соч. С. 133; Ва-
лимова Г. В. Функциональные типы предложений в современном русском
языке. Ростов н/Д, 1967. С. 69, и др.

⁷⁶ Зафиксирован в формах изъявительного наклонения.

⁷⁷ Указанными фактами обуславливается и известная ограниченность
его функционирования.

злыхъ совѣтникъ (Пов. вр. л.); Оньдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунъ, увѣдѣ, яко ис Корсуны близъ устья Днепрское и въсхотѣ поити в Рим (там же).

Прозрачностью модальной семантики характеризуется также глагол *желати*, отмеченный в словарях со значениями 'хотеть, желать, испытывать потребность' (СлРЯ XI—XII вв.), 'желать, стремиться' (Сл. Срезневского), 'желать, хотеть' (ССЯ).⁷⁸ Будучи общеславянским по происхождению, этот глагол имеет широкие соответствия в славянских языках. Согласно этимологическим данным, более древней формой *желати* является *желѣти*, представляющая собой производное от *žel 'желанный' (ср. др.-русс. *желѣе* 'желаннее'). Тот же корень (на другой ступени чередования) содержится в сербохорв. *галити* 'желать'. Родственно греч. *thelō* 'желаю' (Сл. Шанского, Сл. Фасмера).

В исследуемых памятниках глагол *желати* зафиксирован незначительным количеством употреблений, что можно объяснить конкретностью реализуемого им значения интенсивного желания 'иметь стремление выполнить действие', в отличие от глагола *хотѣти*, обладающего, как мы могли убедиться, широкой семантикой модального значения. В свою очередь, наличие в семантической структуре глагола *желати* дифференциального признака 'очень' способствует появлению еще одного признака — 'возвышенный', что ограничивает сферу преимущественного функционирования данного глагола книжными памятниками, характеризующимися стилистической приподнятостью: Бысть убо нѣкий благочестивый муж от града Любеча... желаше же въ иноческий облещися образъ (Пат. печ.); Рече пакы тѣ же авва иоанъ яко егда бѣхъ оунъ желяхъ ходити къ великимъ именитымъ старцемъ (Син. пат.); Да елма же оубо человекъ церкви доушевная и богомъ сътворена боудеть богу ти ни въ горѣ сеи ни въ иероусалимѣ желяетъ поклонити ся богу (Изб.); Отвѣща же святыи вить азъ желяю къ того роуцѣ ити яко же господь обѣща избѣраннымъ его (Муч. Вита); Отче чѣстныи вельми тебе желяю видѣти (Ж. Мефод.).⁷⁹

Еще более отчетливо выявляется сема 'очень' в семантической структуре глагола *жадати*, модальное значение которого определяется в словарях как 'сильно желать' (Сл. Срезневского, СлРЯ XI—XVII вв.), что связано с его происхождением: согласно исследованиям, его этимологические корни восходят

⁷⁸ Наглядным свидетельством тому может служить и тот факт, что само название соответствующего модального значения (желательность) является дериватом от глагола *желати*.

⁷⁹ Следует отметить употребительность краткого причастия от *желати*, выполняющего функцию, аналогичную функции соответствующего причастия от глагола *хотѣти*: ...оувѣдѣвъ же такова моужа апостоликовъ никола посла по ня желяя видѣти я (Ж. Мефод.); Пуси дружину свою домови, съ малом же дружины възвратися желяя больша имѣнья (Пов. вр. л.).

к прасл. *žędja, суффиксальному производному от более древнего *žęda (отразившегося в болг. *жеда* 'жажда, алчность', чеш. *žed* 'желание', в.-луж. *žadny* 'жадный, жаждущий, страстно желающий' и др.), родственного лит. *pasigendu gedaū* 'ощущать недостаток', *gedaūju, gadauti*, 'желать, тосковать, стремиться к чему-либо', греч. *thelō* 'желаю', ирл. *guidim* 'прошу' и др. (см. Сл. Фасмера, Сл. Шанского, Сл. Преображенского).

В языке исследуемого периода глагол *жадати*, так же, как и глагол *желати*, зафиксирован ограниченным числом употреблений преимущественно в памятниках книжно-славянской письменности, характеризующихся приподнятостью стилистической тональности: ...таче слыша паки о святыхъ мѣстѣхъ иде же господь наш иисусъ... плѣтию походи и жадаше тамо походить и поклонити ся имъ (Ж. Феод.); Не по мнозѣхъ же дньхъ... благыи князь възрадова ся зѣло издавна бо жадаше бесѣдовати съ нимъ (там же); Исполнившеся радости, акы бѣсѣдующа жадаху друг друга варити на посещение (Флав.).

Свидетельством функционально-семантической близости глаголов *желати* и *жадати* могут служить случаи их соотносительности в пределах одного контекста: ...нѣ яко же кѣто алѣча и жажда тако желааше и жадааше мысль его не насыщаи ся от сладости чѣрньчѣская (Сказ. Агап.).

Модальная специфика малочастотных глаголов *волити* и *изволити* заключается в выражении значения 'иметь намерение выполнить действие', связанного с проявлением воли субъекта, обдуманного (избранного) желания. Ср. их основные словарные значения: *волити* 'хотеть, предпочитать', *изволити* 'захотеть, пожелать', 'предпочесть, выбрать, избрать' (Сл. Срезневского, СлРЯ XI—XVII вв.). Возможность экспликации данными глаголами именно такого частного значения желательности имеет прозрачную этимологическую основу: оба они связаны с *велѣти, воля, довлѣти*, восходящими к и.-е. корню *ǵel 'хотеть, желать, выбирать'. Родств. лит. *valià* 'воля', гот. *valjan* 'избирать', др.-в.-нем. *wellen* 'избирать', др.-инд. *varas* 'желание, выбор', авест. *vāra* 'воля, отбор', нов.-в.-нем. *Wahl* 'выбор' (Сл. Преображенского, Сл. Фасмера). При этом глагол *изволити*, заимствованный из старославянского языка, в котором он был образован от *волити* с помощью префикса *изъ-*, обнаруживает на себе семантическое воздействие последнего, проявляющееся в выражении особой решительности (категоричности) желания.⁸⁰

Характер происхождения и модальной семантики рассматриваемых глаголов сказывается на сфере их функционирования, ограниченной преимущественно книжными контекстами. Ср.: Мѣдницѣ ради волить оумьрети (Ж. Ниф.); ...и слезы от очию испущаховѣ, помыслих, егда святыи не волить себе явити

⁸⁰ О значении префикса *изъ-* в старославянском языке см.: Хабургаев Г. А. Указ. соч. С. 330.

(Пат. печ.); ...изволихъ продати тѣло мое от многа сътоужения (Син. пат.); ...нъ вьсе оубо велеть тѣхъ ради творити ельма же и ти вьсе изволиша пострадати (Сл. Злат. о св.); В то же лѣто събрася всѣ град людий, изволиша собе епископъ поставити мужа богомъ избрана Аркадия (Новг. лет.); Таче Саулъ не изволи ходити в законъ господни (Пов. вр. л.).

1.2. Несобственно модальные глаголы. Из группы данных глаголов, широко представленных в древнерусском языке исследуемого периода, наиболее близок к собственно модальным, и в первую очередь к глаголу *хотѣти*, многозначный глагол *рачити*. Сл. Срезневского указывает следующие его значения: 'любить, заботиться, думать о ком-либо', 'соизволять', 'хотеть, соглашаться', 'быть в силах', 'оказывать милость'. Как основное здесь выделяется значение 'любить, заботиться'. Однако в большинстве зафиксированных нами употреблений *рачити* реализует именно модальное значение. Свидетельством значимости его в семантической структуре глагола могут служить данные ССЯ, где первым указывается значение 'хотеть, желать', другие славянские соответствия (напр., болг. *рача* 'хочу', словен. *gačiti* 'хотеть') и материалы этимологических исследований. Существует предположение, что основа *рач-* восходит к прасл. *ark, которое сближают с *alk, основной глагола *алкати* 'хотеть есть, жаждать, желать' (КрЭС, Сл. Фасмера).

Находясь в модальной соотнесенности с *хотѣти* (а также его дериватом *вѣсхотѣти*), о чем наглядно свидетельствуют случаи параллельного употребления *рачити* с данными глаголами в условиях одного контекста (ср. ...старьць же много увѣщавааше блаженааго изити и видѣти мать свою онъ же не вѣсхотѣ [видѣти] тѣгда же старьць глагола еи яко много молихы и да изидеть къ тебе и не рачить [изити] — Ж. Феод.; ...аще хочещи видѣти и да идиши ныне въ домъ и азъ шьдъ увѣщаю и не бо рачить видѣти кого — там же), глагол *рачити* вместе с тем проявляет специфические особенности, связанные со сферой функционирования, ограниченной памятниками церковно-книжной направленности, и с преимущественной реализацией отрицательного значения 'не иметь желания выполнить действие'. Ср.: ...егда бо приде отъ града своего, хотя быти мнихъ, якоже обходящую тому вься монастыря, не рачахуть бо того прияти (Ж. Феод.); ...и не даद्याхоу емоу изити из града и корабльници не рачахоу остати его (Сказ. Агап.); Другыхъ же не рачить послушати... иже о сего свѣта молять (Изб.); ...и пояхъ оуношу въ пещеру мою и по семь не рачи отити отъ мене нъ отврьже ся (Син. пат.); ...епифанъ же не рачи словесе илариона слоушати (Ж. Епиф.).

Другие глаголы данной группы, выступая в модальной функции, реализуют в соответствии со спецификой своей семантики какое-либо одно из частных значений желательности.

Так, глагол *мыслити* с его различными префиксальными образованиями (*помыслити, оумыслити, замыслити, съмыслити, възмыслити*),⁸¹ имеющий основное словарное значение 'думать, мыслить, размышлять' (Сл. Срезневского, СлРЯ XI—XVII вв.), употребителен при выражении модального значения намерения. Возможность такого функционирования данного глагола, также зафиксированного в словарях (см., напр., СлРЯ XI—XVII в.), находит поддержку в его этимологии: согласно этимологическим данным, *мыслити* образовано от общеслав. *мысль*, восходящего к и.-е. корню *men, родств. лит. *maudžiū, maudžiaū, maūsti* 'тосковать по, страстно желать' (КРЭС, Сл. Фасмера). Это дает нам основания говорить о том, что в значении глагола *мыслити* потенциально заключена сема желательности, которая особенно отчетливо выявляется при сочетании его с инфинитивом глаголов, обозначающих конкретное действие: И умножившимся братьи в пещерѣ и не имущим ся вмѣстити и помыслиша поставити внѣ пещеры манастирь (Пов. вр. л.); Преподобный...Игнатий епископъ мышляше создати церковь камену (Ж. Авр. Смол.); Аристоулъ же мышляше выити к нему, но яко властелинъ, а не яко слуга (Флав.); И се же паки по дньхъ немнозѣхъ оумысли тѣ боляринѣ дати евангеліе въ манастирь блаженааго (Ж. Феод.); ...а на инѣхъ замыслиша съвѣшивати бѣчкы черес град, накладыны смолины (Новг. лет.); Посемъ же Володимерь живяше въ законѣ хрестыянствѣ, помысли создати церковь пресвятыя богородица (Пов. вр. л.); Видѣвъ же епифанъ паки многоу пакость бывающоу емоу въ манастири и паки възмысли отити (Ж. Епиф.).

Интересно отметить, что реализация глаголом *мыслити* (и его дериватами) значения желательности часто связана с негативными («недобрыми») замыслами субъекта, входящими в противоречие с законами принятой морали,⁸² указания на которые содержатся в лексическом контексте: ...и на вся дньи слышахъ яко царь мыслить оубити мя (Син. пат.); ...нынѣ о селицѣхъ добрѣ не радууютъ ся нѣ плачуютъ ся и толика добра виньника погоубити мыслять (Сл. Злат.); ...иудеи рѣпѣщють на чюдотворца ...сыновѣ яковли погоубити мыслять (К. Тур.); ...смыслихъ князь толико богатство погубити (Пат. печ.). Во всех вышеприведенных (и подобных) примерах посредством глагола *мыслити* и его дериватов в сочетании с инфинитивом

⁸¹ Указанные префиксальные дериваты находились с глаголом *мыслити* в грамматической соотнесенности, создаваемой значением соответствующих приставок, которые уже в старославянском языке использовались как средство образования основ совершенного вида (Хабургаев Г. А. Указ. соч. С. 328—329).

⁸² Данный семантический оттенок модального значения, выражаемого глаголом *мыслити*, получил отражение в соответствующих словарных статьях — «замышлять, злоумышлять» (Сл. Срезневского), «замышлять недоброе» (СлРЯ XI—XVII вв.).

выражается намерение (замысел) субъекта выполнить действие без указания на попытку его осуществления. Данный оттенок модальной семантики значения желательности наглядно подчеркивается и в следующем контексте: ...мысляше во умѣ своемъ взяти Галичъ и обладати имѣ (Г.-Вол. лет.).

По характеру выражаемого модального значения с глаголом *мыслити* соотносится глагол *думати*. Ср. его основные словарные значения: 'мыслить, замышлять' (Сл. Срезневского), 'замышлять что-л., иметь намерение что-л. сделать', 'думать, обдумывать, размышлять' (СлРЯ XI—XVII вв.). Однако примеры модального функционирования данного глагола в исследуемом материале единичны: ...думаста поставити церковь каменну (Пов. о Благ. церкви); Не думали есмы на брата своего на Луку, что его убити (Новг. лет.).

Частное значение желательности 'иметь намерение выполнить действие' передается и глаголом *мнити* (в другой фонетической согласовке *мнѣти*), соотносящимся с глаголом *мыслити* по одному из своих словарных значений 'думать о чем-либо, иметь что-либо в мыслях' (СлРЯ XI—XVII вв.).⁸³ Однако в отличие от модального значения, реализуемого глаголом *мыслити*, значение, эксплицируемое глаголом *мнити*, в соответствии с его смысловой спецификой (ср. другие его словарные значения: 'воображать, представлять себе', 'принимать за кого-л., что-л. другое, считать иным, чем в действительности' — СлРЯ XI—XVII вв.) имеет, как правило, характер неосуществимого желания. С соответствующим модальным значением *мнити* (*мнѣти*) зафиксирован небольшим числом употреблений, относящихся преимущественно к памятникам книжно-славянского типа: ...и въ оумѣвениихъ мнѣти очистити доушу сквърноюу (Сл. Злат. о самарян.); ...азъ мнѣхъ въбързѣ оузырѣти лице твое ангельское (Сказ. о Б. и Г.); ...нѣ елико же мнѣяхоу его словомъ оутѣшити и прѣмѣнѣти толико же онѣ паче рыдати (Син. пат.); Азъ ...хотѣхъ убо утаити и не явити сего, мнѣхъ сие укрыти от всевидящего бога (Пат. печ.); ...болѣзнь доуши есть яко очима болящи поне иже паче стражють множае свѣта мнѣти видѣти (Син. пат.).

Частное значение 'иметь стремление выполнить действие' получает реализацию с помощью глагола *тицатися* (а также его деривата *поттицатися*). В Словаре Срезневского находим следующие значения данного глагола: 'спешить, стремиться', 'стараться, иметь усердие'. Для выявления специфики модального значения обратимся к этимологии глагола, которая связывается с прасл. *тъска 'беспокойство'. При этом семантическое раз-

---

⁸³ Возможность употребления глагола *мнити* в соответствующей модальной функции связана, думается, с его этимологическим прошлым. По данным словарей, восходит к *тъпѣти, родств. лит. *manūti* 'понимать, думать', др.-инд. *māpas* 'ум', греч. *тѣпопа* 'замышляю' (КрЭС, Сл. Фасмера).

вите *тицатися* представляется в следующем виде: 'беспокоиться' → 'волноваться' → 'желать' → 'стремиться' (КрЭС). В исследуемых материалах *тицатися* (*поттицатися*) представлен в указанном значении небольшим числом употреблений, извлеченных преимущественно из памятников книжно-славянской письменности: ... нѣ елма же оного люблю и доушу свою къ немуу положихъ тѣщу ся къ немуу ити... (Ж. Феод.); ... тако же и она присно прѣдъспѣючи въ чѣрноризьчѣствѣмъ образѣ тѣщаще ся съвършити (Пов. Ефрема); ... много ся потѣща дияволъ потаити крѣста не вѣды силы его (Сл. Злат.); ... тѣщитя всякъ челоувѣкъ по искушени тѣлесныхъ вещей, о души полещися (К. Тур.); Челоувѣкъ бываетъ и есть послуоушливъ отѣцю до съмърти... идеть оубо на страсть вольную и тѣща ся пити съмъртноую чашоу (Сл. черн.); Тѣщашеть же ся прѣжде избавити своих от Масада (Флав.); Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имы надо всѣми ... и тѣщашеся потребити окаянный (Пов. вр. л.); ... но потѣщимся и прочаа дѣни своа въ покаании препроводити и угодити богу (Пат. печ.).

Рассматриваемое частное значение желательности реализуется также посредством глаголов *надѣятися* и *чаяти*. При этом в соответствии с семантикой данных глаголов⁸⁴ оно содержит дифференциальный признак 'надеяться'. Соотносясь по низкой употребительности в модальной функции, эти глаголы близки и по сфере функционирования, выступая в книжных контекстах преимущественно церковно-религиозного содержания: Азъ, убо о друзи и братѣ! Надѣяхся на всяку недѣлю собрати въ церковь людии (К. Тур.); ... рыбаи въ тѣхъ мѣстѣхъ дѣлають оудоу и рыбы надѣются оуловити (Сл. Злат. о самарян.); И народ слышавъ дряхлѣ бысть, плачешася по немъ, его же дѣля и свободитися надѣяхуться и къ римляном безстраха прибѣгати (Флав.); ... господь же гордымъ противиться иже бо по всѣ часы отвѣтъ дати о своихъ грѣсѣхъ чаеъ (Изб.); ... не прѣдахомъ оудъ страстьмъ вѣнца и славы възяти чаяхомъ (Сл. Злат. о дев.).

Частное значение 'пытаться выполнить действие' эксплицируется с помощью глагола *покушатися* (и его дериватов *окушатися*, *искушатися*), который в сочетании с инфинитивом не только выражает намерение, стремление субъекта осуществить действие, но и содержит указания на активные действия субъекта по достижению желаемого. Возможность реализации названного модального значения данным глаголом определяется семантикой последнего (ср. его словарное толкование: «пытаться, замышлять» — Сл. Срезневского), а также находит объяснение в его этимологии. Согласно этимологическим сло-

⁸⁴ Ср. словарное толкование данных глаголов: *надѣятися* «надеяться, рассчитывать на кого-л. или что-л.», «считать, полагать, думать, предполагать, верить», «ожидать, ждать кого- или чего-л.» (СлРЯ XI—XVII вв.), *чаяти* «ожидать», «надеяться», «исследовать» (Сл. Срезневского).

варям, *покушатися* образовано от *кусити* 'откусить, попробовать', являющегося ранним германским заимствованием. Ср. гот. *kausjan* 'пробовать, отвеживать' (КрЭС). В исследуемом материале данный глагол (и его префиксальные дериваты) представлен в рассматриваемом значении единичными примерами употреблений, относящимися в основном к книжно-литературным памятникам: *Аз худыи и многогрѣшныи, мало съмысля, покушаюся писати житие святого князя Олександра* (Ж. Авр. Смол.); *Сего ради покушася написати всякъ съ узѣ сердца моего и разбихъ злѣ* (Мол. Зат.); *Окушася глаголати, премудростию хваляся... уста ненаказана имѣя* (там же); *Преславный Дѣвгений... на 14 лето покушашеся вся звѣри побѣдити* (Девг. д.); ... *искоушо ся того достойно противу исправлению его похвалити* (Ж. Феод.).

В подобной модальной функции отмечен и многозначный глагол *искати*, в числе словарных значений которого выступает собственно модальное значение 'стремиться, захотеть, пытаться что-либо сделать' (СлРЯ XI—XVII вв.). Наличие семы желательности в семантической структуре этого глагола наглядно подтверждается данными этимологических исследований и сопоставлением с материалами других славянских языков. Ср.: болг. *искам, ѿща* 'желаю, требую', сербохорв. *искати* 'искать, желать'. Родственно др.-инд. *icsháti* 'ищет, желает' (Сл. Фасмера). Примеры модального функционирования глагола *искати* немногочисленны и относятся к памятникам церковно-религиозной литературы: ...*бѣше же харинѣ богаты зѣло и искаше, прогнѣвати епифана* (Ж. Епиф.); ...*оучителю нынѣ иудѣи искахоу тебе каменiemъ побити* (Похв. св. Андрея); ...*рече ему ангелъ господинъ двора сего моужѣ гоубитель есть и много искаше погоубити* (Син. пат.); ...*а иудеи оубити его искааху* (Сл. Илариона); ...*нѣ оуловити женоу къ спасению вѣры искааше* (Сл. Злат. о самарян.).

Особое место в ряду лексических экспликаторов модального значения желательности занимают модификаторы, характеризующиеся модальной полисемантичностью. К ним, как уже указывалось нами выше, относятся глагол *тьрпѣти* и краткое прилагательное *готовѣ*, способные выражать совмещенное (нерасчлененное) значение возможности/желательности. Особенностью модальной семантики глагола *тьрпѣти*, реализуемой в сочетаниях с инфинитивом в отрицательных конструкциях, является способность передачи значения невозможности для субъекта выполнить действие в силу субъективных причин, одной из которых может быть нежелание субъекта его выполнить. Краткое же прилагательное *готовѣ* в сочетании с инфинитивом, напротив, выражает значение возможности выполнить действие в силу внутренней predisposition субъекта к нему.⁸⁵

⁸⁵ См. об этом в § 2. С. 46.

Модальное значение возможности/желательности с указанными семантическими оттенками передается также и с помощью глагола *мочи*,⁸⁶ при этом особенно отчетливо оно прослеживается в тех случаях, когда наряду с данным глаголом в пределах одного контекста употребляется и глагол *хотѣти*: ...святыи вить рече цесареви се цесарю звѣрь съ чьсть даеть богу а ты не можеши познати его аще бы хотѣлъ познати его... спасенъ бы былъ (Муч. Вита).

2. Невербальные способы выражения желательности

В силу специфики модального значения желательности, функцию его главного экспликатора выполняют глаголы, способные, благодаря своей семантике, передавать различные субъектно-модальные оттенки (частные значения) желательности. Из средств грамматического контекста, участвующих в формировании плана выражения микрополя желательности, отметим формы наклонения и инфинитивные предложения. Оба этих средства применительно к исследуемому периоду характеризуются невысокой частотностью.

2.1. Формы глагольного наклонения. В конструкциях с изъявительным наклонением последовательно выявляются утвердительная и отрицательная разновидности рассматриваемого модального значения. Утвердительное значение желательности выступает как готовность субъекта выполнить действие, отнесенное в план будущего:⁸⁷ Аще князь наш млад есть, но положимъ животь свой за нь (Г.-Вол. лет.); Хошу, да мене пустиши, и азъ за тя умру (Пат. печ.). Напротив, отрицательное значение представлено главным образом как нереализованное действие вследствие нежелания субъекта выполнить его в прошлом: Мы же вси молихомъся ему престати от възыскания, он же никакo не послушаше (Пат. печ.); Никита же никакo не внят глаголемым от игумена (там же); Захарья же рече: Не послушаша сына моего, и я не услышу их (Пов. вр. л.). Значительно реже реализация значения 'не иметь желания', отнесена в план настоящего или будущего: Всякъ бо человекъ аще вкусить сладка, послѣди горести не принимаетъ (там же); Не терпяшетъ бо дьяволъ, власть имы надо всѣми (там же); ...воинъ же рече не поимоу жены имоуща дѣтеи от иного моужа (Син. пат.).

Выражение значения желательности посредством формы сослагательного наклонения зафиксировано в древнерусских па-

⁸⁶ Примеры соответствующих употреблений глагола *мочи* приводятся в § 2. С. 32—33.

⁸⁷ Данное значение имеет совмещенный характер возможности/желательности. См. об этом в § 2. С. 48.

мятников исследуемого периода единичными примерами, которые в соответствии с синтаксической структурой предложения и характером эксплицируемого модального значения можно распределить по двум группам:

1) значение желательности реализуется в рамках сложно-подчиненного предложения с сослагательным наклонением в обеих его частях. Такие конструкции имеют модальное значение ирреальности, и соответственно значение желательности также приобретает характер ирреального: ...аще бы лѣѣ, и въ гробъ бы лѣлѣ с ним (Ж. Невск.) 'если бы было можно, хотел бы и умереть с ним';

2) значение желательности реализуется в составе независимого предложения. В этом случае сослагательное наклонение, приобретающее характер нерасчлененного условно-желательного наклонения;⁸⁸ не свидетельствует о нереальности желательности, а лишь сообщает ей дополнительные экспрессивно-модальные оттенки: Азъ милость бы учинилъ вамъ (Г.-Вол. лет.).

2.2. Конструкции с независимым инфинитивом. В данных конструкциях эксплицируется значение желательности, близкое рассмотренному. Реализуясь в инфинитивных предложениях с нереальной модальностью (о чем свидетельствуют сочетания независимого инфинитива с *бы*⁸⁹) и наслаиваясь на нее, значение желательности делает более выразительным основной модальный рисунок соответствующих предложений. Субъект действия и лицо говорящее совпадают, то есть субъект выражен формой 1-го лица: Уже бы съ тобою умрети ми (Сказ. о Б. и Г.); Она же не хотяше ити: «Яко в полонъ, — рече, — иду, лучше бы ми сде умрети» (Пов. вр. л.).

3. Выводы

Как показывает исследованный материал, относящийся к древнерусскому языку XI—XIV вв., план выражения микрополя желательности в силу повышенной субъективной направленности плана содержания в качестве основных конститuentов

⁸⁸ См.: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. С. 143.

⁸⁹ По вопросу об интерпретации подобных сочетаний у исследователей нет единого мнения. Некоторые лингвисты включают их в число аналитических форм сослагательного наклонения, другие полагают, что данные сочетания примыкают к сослагательному наклонению, но не входят в его парадигму. См., например: Бондарко А. В., Буланин Л. А. Русский глагол. С. 124—125. По мнению ряда исследователей, уже в «памятниках раннего периода древнерусского языка сочетание аориста *бы* с инфинитивом не обозначало фактически бывшего события в условиях прошедшего времени. Это сочетание имело специфически модальное значение — называло действие в плане желательного наклонения» (Тимофеев К. А. Заметки из истории инфинитивных предложений // Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию / Ред. С. Г. Бархударов и др. М., 1956. С. 251; См. также: Седелников Е. А. Указ. соч. С. 10).

представлен глагольными лексемами, способными наиболее адекватно передать разнообразные оттенки в мотивах внутренних потребностей субъекта.

В центре группы древнерусских лексических экспликаторов желательности, объединенных идентифицирующей семей ощущать потребность в осуществлении действия, находятся, составляя ее функционально-семантическую основу, собственно модальные глаголы *хотѣти* (*вѣсхотѣти*), *желати*, *жадати*, *воли**ти*, *изволи**ти*. Доминантным глаголом, наиболее приспособленным для выражения обобщенного значения желательности в многообразии его частных проявлений, характеризующимся наиболее высокой частотностью и жанрово-стилистической немаркированностью, является глагол *хотѣти*. Синонимически соотнесенные с ним глаголы *желати*, *жадати*, *воли**ти* и *изволи**ти* в соответствии со своей семантикой выражают какое-либо частное значение желательности: *желати* и *жадати* — 'иметь стремление выполнить действие', *воли**ти* и *изволи**ти* — 'иметь намерение выполнить действие'. При этом данные глаголы, характеризуясь жанрово-стилистической маркированностью, имеют невысокую частотность функционирования. Из несобственно модальных глаголов, эксплицирующих значение желательности лишь в части своих употреблений, наиболее близок к доминанте по характеру модальной специфики глагол *рачити*, модальное значение которого заключено в его семантической структуре и находит отчетливое отражение во внутренней форме данного глагола. Другие несобственно модальные глаголы, характеризуясь узкой направленностью и низкой частотностью модального функционирования, занимают периферийное положение. Они делятся на 2 группы: 1) глаголы, содержащие сему 'замышлять', куда входят *мыслити* с его префиксальными дериватами, *мнѣти* (*мн**и**ти*) и зафиксированный единичными употреблениями в модальной функции глагол *думати*. Данные глаголы реализуют частное значение желательности 'иметь намерение осуществить действие'; 2) глаголы, участвующие в реализации частного значения 'иметь стремление выполнить действие'. Сюда относятся глагол *тищатися* (*потщатися*), содержащий сему 'стараться', глаголы *надѣятися*, *чаяти*, имеющие дифференциальный признак 'надеяться'. Глаголы *покушатися* (с его префиксальными дериватами), *искати* эксплицируют значение 'пытаться выполнить действие'.

На пограничной периферии рассматриваемого микрополя находятся лексические модификаторы, которые, обладая модальной многозначностью, участвуют в реализации еще одного модального значения — значения возможности. Это несобственно модальные модификаторы *терпѣти*, *готовѣ*, а также собственно модальный глагол *мочи*, являющийся доминантой микрополя возможности.

Что касается невербальных средств выражения значения же-

лательности, к числу которых относятся граммы наклонения и инфинитивные предложения, то они также занимают в рассматриваемом модальном микрополе окраинно-периферийное положение, поскольку, во-первых, характеризуются низкой частотностью соответствующего функционирования, а во-вторых, эксплицируемое ими модальное значение осложнено наложением других смысловых и модальных оттенков.

ГЛАВА II

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДМЕТНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ (кон. XIV — сер. XVII вв.) И ИХ ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

§ 1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В данной главе рассматривается предметная модальность с точки зрения эволюции средств ее выражения в старорусский период истории языка от этапа формирования русской народности до начального этапа формирования русской нации. В этот период происходит становление и развитие великорусского языкового единства, начавшееся во второй половине XIV в. и связанное с формированием централизованного государства вокруг Москвы. В данный период сохраняются основные традиции литературного языка Древней Руси. «...Литературный язык московского периода, — подчеркивает Н. А. Мещерский, — неразрывно связан с литературным развитием всей предшествующей поры. Ведь мы знаем о единстве литературы, отражаемой этим языком, т. е. той древнерусской литературы XI—XVII вв., в которой наблюдаются одни и те же литературные процессы, бытование и переписывание одних и тех же текстов, возникших еще в XI или XII вв. в древнем Киеве, а переписывавшихся и бытовавших в Московской Руси... Таким образом, единство древнерусской литературы на всем протяжении развития с XI по XVII в. обеспечивало и единство традиции древнерусского литературно-письменного языка вплоть до середины XVII в.»¹ Вместе с тем необходимо иметь в виду и важные языковые процессы, специфические именно для рассматриваемого периода. Быстрое экономическое и политическое значение Московского государства влекло за собой интенсивное развитие делового языка, сказывавшееся в первую очередь в расширении его функций и связанных с ним жанров, и по мере развития происходило его сближение с собственно литературным языком.² Зна-

¹ Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981. С. 18—19.

² См.: Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского языка. М., 1958. С. 95.

чительные изменения характеризуют книжно-славянский тип литературного языка. Переживая результаты «второго южно-славянского влияния» и процесс «реставрации старокнижных традиций»,³ наглядными атрибутами которого явились «украшенный слог» и «плетение словес», он вместе с тем выходит «за рамки чисто религиозной литературы и частично распространяется в литературе повествовательной, именно в той ее части, которая имела ярко выраженные политические тенденции и была направлена прежде всего на прославление и возвеличение молодого Московского государства и его светских или религиозных руководителей, а также рассказывала о каких-либо важных в политическом отношении событиях за пределами Руси».⁴ Расширение связи литературы, ориентированной на книжно-славянский тип древнерусского языка, с явлениями реальной жизни становится основой для его последующего сближения с народно-литературным типом, — процессы такого сближения начинают проявляться в XVI и первой половине XVII в. В рассматриваемый период получают развитие новые повествовательные жанры, зарождаются и получают широкое распространение произведения публицистики, в сфере которой особенно отчетливо происходит контаминация обоих типов литературного языка и языка делового.

Указанные процессы в русском языке донационального периода сказываются на его грамматическом строе и семантической системе, обуславливая дальнейшую поступательную эволюцию важнейших языковых категорий. В числе последних находится категория модальности с комплексом составляющих ее значений.

§ 2. МОДАЛЬНОСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ

Модальное значение возможности в рассматриваемый период наполняется новым, более богатым содержанием его частных значений; продолжается отбор наиболее адекватных средств их языкового выражения.

1. Лексические средства выражения возможности

Лексические модификаторы (глаголы и предикативы), выступая в сочетании с зависимым субъектным инфинитивом, продолжают оставаться основными экспликаторами значения возможности, составляя ядро (центр) его микрополя.

1.1. Собственно модальные модификаторы. В конструкциях

³ Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984. С. 123.

⁴ Там же. С. 126.

с прямым субъектом действия сохраняется прежний состав группы собственно модальных глаголов: *мочи, возмочи, смѣти, дерзнути, умѣти, недоумѣти*. При этом глагол *мочи*, по-прежнему характеризуюсь самой высокой частотностью функционирования, емкостью модальной семантики и стилистической немаркированностью, продолжает уверенно занимать доминантное положение. Являясь экспликатором значения возможности в его наиболее обобщенном виде и обладая высокой степенью грамматикализации, данный глагол сохраняет способность передавать частные значения как субъективной, так и объективной возможности в ее отнесенности к различным временным планам и значениям основной (объективной) модальности:

1) (не) быть в состоянии выполнить действие (в силу причин, связанных с внутренним (физическим или психическим) состоянием субъекта): ...принесоша ему щить от анта гвоздиза, его же разбити ни едино желѣзо можетъ (Алекс.); Он же не можаше срама ради явитися пред лицом святого (Ж. Серг.); О лють ноужде сея! се бо палимъ есмь огнемъ: не могу терпѣти (Пов. о пут. Иоанна Новг.); И много слепотствующия твоя злобы ради не можеша истинны видети (Посл. Ив. Гр.); ...жилы рук его скорчевахуся и едва разводящася, и не могый в руку свою держати ничто же (Сказ. Авр. Пал.); Слуга ж его, иже пред нимъ ясти ставляше, смраду оного не моги терпѣти (Сказ. о Др.). В рамках рассматриваемого частного значения возможности зафиксированы примеры, отмечавшиеся также применительно к предшествующему периоду, когда соответствующее состояние субъекта, определяющее возможность (или невозможность) выполнения действия, обусловлено наличием (или отсутствием) внутренней предрасположенности субъекта к его выполнению. В этих случаях реализацию получает совмещенное значение возможности/желательности: Володимере добрыи княже правдивыи можемъ за тя головы своѣ сложити (Ипат. лет.); Граждане... рекоша Давыдови: «выдай мужей сия, не бьемся за сих, а за тебе можем ся бити» (Моск. лет.); ...Государю князь Андрей Александрович... мы можем тебе, князю Андрею, пособствовать на слых тех изменников (Пов. о нач. Москвы); ...в Половци не могу ити а оу Выри не могу голодомъ мерети а лѣпле хочу сде оумерети (Ипат. лет.); Они же любви Александровы отторгнутися не могли, во мнозѣхъ лѣтех к матери своей придоша (Алекс.); ...а другой ж, хитрь сый велми, но не ходяще ко церкви... но опочиваше всегда, но не себе кормити не можаше (Лег. о сапожниках);

2) (не) иметь способность выполнить действие (связанное с наличием (или отсутствием) у субъекта соответствующих качеств—знаний, умений, навыков и т. п.): ...и всякими хитростями и мудрыми умышленьем сего может взяти (Пов. об осаде Пск.); Сие может [бог] и мое омрачение просвѣтити, и мое неразумие вразумити (Ж. Серг.); ...ныне же и ум тоя беды

достигнути не может (Сказ. Авр. Пал.); Оне же змии, аки волцы лютии... сами во ужасте иска его, и не могоша надти его (Пов. онач. Москвы);

3) (не) иметь возможность выполнить действие (связанное с причинами внешнего по отношению к субъекту характера): Того ради не могох азъ ему помощи — гоним есмь трема татарины (Сказ. о Мам. поб.); Псков градъ от литовского короля всякими укреплениями можемъ отстояти (Пов. об осаде Пск.); Но самое небо вместити его может, бесконечно бо есть (Посл. И. Вол.); ...и побивше их всѣх, поидѣ во врата, но не можааше пройти от многаго трупиа (Пов. о вз. Царьгр.); Мякиш же не может добре перепечися того для, что корки с верху скоро запеклые и твердые, не пускают огня в нутре (Назир.);

4) (не) иметь право для выполнения действия (связанного с установленными законами, существующими обычаями и т. п.): ...инож государь ваш ничего же не может через вашу волю учинити (Посл. Ив. Гр.); От всех сущих епископ во области аще извержен будет епископ, к тому не может инде позвати на суд, ни оправдатись (Посл. И. Вол.); ...понеже кому дано что отъ Бога, и того не можетъ у него отняти никто (Акт. ист., 1); ...а те стати меж соба подписали толко ещо на слове положили и не могли утвердити без арцуха Мантуанского савово (Вести). Рассматриваемое частное значение возможности может соприкасаться со значением долженствования, что наблюдается в тех случаях, когда соответствующие законы (правила, обычаи) «пропускаются» через сознание субъекта, становятся его внутренней моральной нормой. Особенно отчетливо совмещенное значение прослеживается в тех конструкциях, в которых субъект действия выступает в форме 1-го лица: Рече же король: «не могу его убить, зане молить ми ся и кланяет ми ся и своеѣ вины кается» (Моск. лет.); ...твое, господине, рачительство пришло до нас и аз, господине, глупой не могу ослушатися (Посл. И. Вол.); ...и мы не могли того учинит чтоб вашему величеству про их вину не известит (Вести).

Говоря о количественном соотношении реализации вышеназванных частных модальных значений посредством инфинитивных конструкций с глаголом *мочи*, следует указать, что по-прежнему ведущее место здесь принадлежит значению субъективной возможности '(не) быть в состоянии выполнить действие', причем происходит увеличение соответствующих реализаций, что в известной степени связано с появлением и развитием новых повествовательных жанров, характеризующихся углублением личностного начала, повышенным вниманием к отдельному человеку, его характеру, поступкам, переживаниям.⁵ Вместе с тем заметно увеличение реализаций одного из частных значений объективной возможности — '(не) иметь право для выполнения действия', что,

⁵ Там же. С. 121.

в свою очередь, объясняется количественным увеличением и повышением функциональной роли деловых памятников, в рамках которых фиксировались наиболее устоявшиеся типы общественных отношений.

Основную роль актуализаторов соответствующих частных значений возможности, реализующихся в предложении с помощью глагола *мочи*, как и в предшествующий период, выполняют лексические элементы контекстного окружения. Часто обуславливающую функцию выполняют элементы микроконтекста. Так, регулярно в качестве актуализатора значения '(не) быть в состоянии' выступает семантика зависимого инфинитива, называющего действие, реализация которого связана с возможностями самого субъекта (с его физическими или психическими данными): Шварно же не може оумолити его и тако нача княжити в Литвъ (Ипат. лет.); И не могли ся у него допытати ту имени (Ж. Клопск.); Но он ушел в лес и бежал подле Оки-реки, они же долго искали и не могли найти (Пов. о нач. Москвы); ...и егда начах дети родити, обезсилех, и не могу наястися (Пов. об Улиянии Осор.); ...и никто про то провѣдати не может (Вести); И как ты государь нашъ в полцех у нас поедешь, и мы, аки на небесное солнце, назреться не можем (Ск.-Шуйск.); Сраму своего не могу трѣпѣти (Сказ. о Мам. поб.); И видех во пристанищи спасения многи корабли душевныя люте обуреваемы треволением. Сего ради не могах терпети (Посл. Ив. Гр.); И оне, господине, и того безчестия не могли стерпети (Посл. И. Вол.); Святитель же воставъ от земля и не можаше оутѣшиться от слезъ (Пов. о Римл.). Характер соответствующей связи субъекта и действия может выявляться через указания на качества субъекта, дающие (или не дающие) ему возможность осуществить действие: Слабый же убо и лѣнливый в дѣлах своих такового упования не может имѣти (Ж. Серг.); И таковой грѣхъ не можетъ очиститься ничимъ же (Пов. о брани); ...да сказывал мнѣ аглинской торговли человѣкъ ...что короля полсково умышление толко он может у аглинского короля достати что ему мочно (Вести); ...таковое болота имут чистити воду, отлучаючи от нея нечистоту... и такъ что процѣжает ее чего камения здѣлати не могутъ (Назир.). Из обуславливающих элементов более широкого контекста следует указать обстоятельства со значением причины, частотными формами выражения которых, как и в предшествующий период, являются предложно-падежные конструкции «отъ+род. пад.» и «ради+род. пад.»: И сиа слышавъ благочестивая царица... уязвися нестерпимою скорбию и не можаше отъ великие печали стояти (Никон. лет., XIII); И поиде во врата и не можаху конь его пройти от многа трупия... (Пересветов); И ту представися добрый старецъ Петръ Ильич... уже бо от старости и на конь не можаше ити (Моск. лет.); Граждане же от бесчисленнаго стреляния не можаху стояти на стѣнахъ (Пов. о вз.

Царьгр.); Он же не можаше срама ради явитися пред лицом святого (Ж. Серг.); И много слепотствующия твоея злобы ради не можеша истинны видети (Посл. Ив. Гр.); И от многого вопля не бѣ слышати поющих и не можаху раки донести церкви, тѣсноты ради народа (Моск. лет.). Единичными примерами зафиксированы в функции актуализаторов соответствующих модальных значений причинные предположно-падежные конструкции «для+род. пад.» и «за+вин. пад.»:⁶ ...а то де и все, для великие скорби и тесноты не мога терпети (Нов. пов.); Также и гетманы не могоша своему королю явитися, за настоящую к ним срамоту (Пов. об осаде Пск.). Указания на соответствующий тип связи субъекта и действия могут содержаться в семантике второстепенного сказуемого, имеющего дополнительное обстоятельственное значение причины, или в семантике однородного сказуемого: ...они же, убоявшеся, не могоша противитися и градъ отвориша (Никон. лет., XII); ...а Недеерлянская земля обезсилела и помочи чинит не может (Вести); ...азъ уже старъ есмь, а рядовъ рядити не могу (Моск. лет.); И сего перси...убояшася и противитися не могут ему (Алекс.). В составе сложных синтаксических конструкций рассматриваемый тип модальной связи наиболее отчетливо выявляется через причинно-следственную обусловленность их составных частей. Среди них выделяется группа сложноподчиненных предложений, в придаточной части которых содержатся указания на причину возможности (или невозможности) осуществления действия, названного в главной части: ...не могоуть васъ оуже прияти ибо соуть велми бѣни (Ипат. лет.); ...языка же никто же от человек может уллучити, неодолимо бо зла исполне яда смертоносна (Посл. Ив. Гр.); ...не могу убо превратитися ...яко болен есмь (Сказ. Авр. Пал.); Мъстиславъ же рече матери Володимери ...не могу с тобою жити въ едином мѣстѣ, зане сынъ твои ловит головы моеѣ всегда, а крестъ преступая (Моск. лет.); Воеводы же его ...разбити же острога ихъ не могоша, занеже въ земли учиненъ крѣпко (Иное Сказ.). Аналогичный характер семантической обусловленности частей прослеживается в бессоюзных причинных предложениях и в сложносочиненных предложениях с причинно-следственными отношениями: Крѣпко еси, господине мой драгий, уснулъ, не могу разбудити тебе! (Ж. князя Дм. Ив.); Съ лѣвую же руку также Иванъ Ивановичъ Годуновъ свое мужство показа: ...никто противу его стати можетъ (Иное Сказ.); Хлеб-соль великое дело, без него человек не может жить ни единого часу (Сказ. о куле); ...и луна на небесехъ есть и никто же можетъ сию осязати и до-

⁶ Т. П. Ломтев употребление данных конструкций в причинном значении считает явлением поздним. В древнерусском языке они функционировали с иными значениями: «для + инфинитив» — в целевом, «за + винительный падеж» — в объектном значении (Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. С. 370—376).

мыслитися о ней (Никон. лет., X); Нужда же бе тогда иноком в хлебне монастырстей строящим, и не можаху успевати на потребу ратным (Сказ. Авр. Пал.); ...вода наша есть отчина, а сняти ея не можем, господине (Пов. о Петре). Единичными примерами, относящимися к первой половине исследуемого периода, в той же функции зафиксирована конструкция «дательный самостоятельный»: ...ему же сияюще, яко солнце, лица его, не можаше зрѣти на нь (Ж. Серг.); Мнѣ бо разгнѣвавшуся, вся поднебесная постояти предо мною не можетъ (Алекс.).

Из других синтаксических конструкций, через семантическую обусловленность частей которых выявляется тип соответствующей модальной связи, как и в предыдущий период, выделяются сложноподчиненные предложения с придаточными условия. В большинстве таких предложений содержатся указания на реальность условий, определяющих возможность (или невозможность) действия, и соответственно сама возможность (или невозможность) осуществления действия в будущем является реальной. Ср.: ...и аще будетъ воля его, еще можем и ины пять мѣсяць братися с ними (Пов. о вз. Царьгр.): ...и аще Христосъ будетъ посредѣ васъ, для вашае любви, и никто можетъ васъ поколебати (Дух. гр., № 222); Аще ему годѣ будетъ блюсти мя, вси перскіи руки не могутъ мене убити (Алекс.); И аще народъ услышитъ глас твой, не могутъ изглаголати доброты и смирения твоего (Пов. о куре). Аналогичные конструкции с сослагательным наклонением в обеих частях указывают на нереальность условий соответствующей модальной связи, таким образом, рассматриваемое модальное значение имеет характер нереального: И аще не бы господь сверг того велехвальную гордыню, то и мог бы сиа соделати (Сказ. Авр. Пал.); Аще бы кто требовал князя твоего себе, мог бы уврачевати и (Пов. о Февр.). В других зафиксированных случаях употребления глагола *мочи* в форме сослагательного наклонения последнее не служит средством выражения нереальности именуемого события, но указывает на реальный характер обусловленности соответствующих модальных отношений: ...а существом своимъ подаетъ помощь всѣмъ вѣщамъ растущим... дабы тѣмъ удобнѣе могли в'верхъ возрастати; ...такъ всякои дворъ подобаетъ ставити, чтобы во своем ограждении могъ имѣти воду... а при воротѣхъ двора мощно есть урости два дерева высокіе, гдѣ бы люди могли себѣ в холоду отдыхати... и того для лучше под горою на низине ставити... гдѣ бы могъ здоровой воздухъ провѣвати (Назир.). Отчетливо выявляется характер частного значения возможности в конструкциях, где наряду с употреблением глагола *мочи* имеет место параллельное употребление других модальных глаголов, обладающих конкретной модальной семантикой. Ср.: Не могу в томъ быти, но хочу яко же словомъ, такоже и дѣломъ напередѣ всѣхъ и предъ всѣми главу свою положить за свою братію (Лет. о Кул. б.) 'я не в состоянии (не хочу) в

том быти, но хочу'...; И по патриарховѣхъ глаголѣхъ никтоже можаше и смѣаше прежде приступити ко царю (Никон. лет., XI) 'никто не мог (был не в состоянии из-за боязни) приступить к царю'. Ср. также пример из «Посланий Ивана Грозного», в котором благодаря параллельному употреблению нескольких модальных глаголов создается особая выразительность передаваемого с помощью *мочи* значения возможности: Желаете, и не имате; убиваете, и завидите, и не можете уллучити (Посл. Ив. Гр.).

Книжно-славянский дериват глагола *мочи* — *возмочи*, сохраняя ориентацию на книжные контексты, продолжает выполнять роль его стилистического синонима. Основная модальная функция *возмочи*, как и в предшествующий период, — выражение частного значения субъективной возможности 'не быть в состоянии выполнить действие': Мнози бо иновѣрнии покушашеся на православие, на нашу дръжаву... и разорит и хотяще, но не возмогаша одолѣти крестныя силы (Никон. лет., XIII); Аз же, недостойный, не възмогах твоему православному господству по достоаию похвалы приложити за грубость моего неразумия (Ж. князя Дм. Ив.); ...но убо силе велице и тяжце сущи, не возмогаша им никоея пакости сотворити, зане един бѣяшеся с тысящею (Пов. о вз. Царьгр.); Видевше же сие гордый король, яко никоими образы, ни злыми своими замышлении не возмогаша града Пскова взяти (Пов. об осаде Пск.); И мы оубо братия, соблюдаемъ, не высокоумриемъ просити от Бога выше мѣры нашея, ихъ же невозможно совершити (Лег. о иноке); И, меру вземше, во вся торги ходивше, избравше величайшее всех и никако возможе вместити телеси его (Ск. Шуйск); Но убо, салтанове силе велице и тяжце сущее же, греки не возмогаша им никоея пакости сотворити, зане един бѣяшеся с тысящею, а два со тмою (Пересветов). Вместе с тем зафиксированы случаи употребления глагола *возмочи* в стилистически несвойственных ему контекстах, отражающих народно-литературный тип языка: ...и ничто же ему помощи возмогаша (Иное Сказ.); Царь же ничто ж ему не възможе учинити, но срамом побѣженъ бысть (Сказ. о Др.); Всякий того додуматися возможе (Назир.); ...в ту пору земля спечется и так сухие груды не возмогут ся раздробити (там же). Отмечены случаи функционирования глаголов *мочи* и *возмочи* в стилистически сближенных контекстах. Ср.: И не могоша ему ничтоже сотворити (Никон. лет., XI) — И не възмогаша прельстити его (Никон. лет., XII); ...аще извержен будет епископ, к тому не может инде позвати на суд, ни оправдатись (Посл. И. Вол.) — Аще ли же уловлена будет от диавола малодуша сетьми... не возможет противустати и малому искушению (там же); Такожде и иные воеводы и головы не могоша устояти (Иное Сказ.) — И никто же отъ народа приложишася къ мятежникомъ тѣмъ. И сего ради возмутити не возмогаша... (там же); ...ко-

торыхъ они бѣглыхъ своихъ крестьянъ за кѣмъ провѣдаютъ ...и они въ тѣхъ своихъ крѣстьянѣхъ суда и указу добиться не могутъ (Акт. ист., 3) — ...а станеть жестоко отвѣчивати которые рѣчи, а Владыка и архимандритъ того у него уговорить не возмогутъ (Акт. ист., 1). Ср. также примеры синонимической взаимозамены данных глаголов в тождественных контекстах: И Кучко не мог противитися против князя Данила (Пов. о нач. Москвы) — И Кучко боярин не возмог противитися нимало против Данила (там же).

Приведенные факты демонстрируют функционально-семантическую специфику глагола *возмоги*: ограниченность его модальной семантики и признаки дублирующей роли, что могло служить одной из главных причин тенденции к сокращению частотности функционирования данного глагола, особенно отчетливо проявившейся во второй половине исследуемого периода.

Изменения происходят и в группе тех собственно модальных глаголов, которые в соответствии со своей семантикой выражают какое-либо одно частное значение возможности.

Так, наблюдается увеличение частотности глагола *смѣти* (*посмѣти*), преимущественной сферой функционирования которого остаются контексты, отражающие народно-литературный тип языка. Бóльшая часть реализаций данного глагола, как и в предшествующий период, связана с выражением отрицательного значения субъективной возможности 'не быть в состоянии выполнить действие (в силу отсутствия у субъекта соответствующих психологических качеств — смелости, решительности)': И слышавше Олговици и Половци и Ляхове, яко король близъ ихъ стоять, и не смѣша прити до Галичя (Никон. лет., X); И сего Александръ видевъ... подивися и к сему не смѣ приступити (Алекс.); А сами земледержцы... яко ослепоша... не смеют ни един тому врагу воспретити (Нов. пов.); ...ино у них ночи по дорогам не смѣют ѣздити обезьянъ дѣля (Хож. Аф. Ник.); Царь ж, слышавъ то, поиде прочь с великою срамотою, безчислено изгуби войска, не смѣ на него поити (Сказ. о Др.); И яко же прежде имѣлъ нравъ лукавъ и пронырливъ ...и не смѣяше никто вопреки ему глаголати отъ боярь и до простыхъ людей (Иное Сказ.); Меня один он отлучил и яз не смел причаститися (Посл. И. Вол.); ...мои люди ...жадного слова без твоего ведома не смеют написати (Посл. Ив. Гр.); ...тюрские разбойники у галанцов и у шпанских ...болши штидесят караблей ...взяли ...и не смѣют никакие карабли на море вытти (Вести); А кресты государь отдал давно писат... и человекъ твои Григорей у меня видел а отдал ему не посмѣлъ чтоб не испортилъ (Пам. XVII в.). Показательны примеры, в которых модальное значение, эксплицируемое глаголом *смѣти*, подкрепляется элементами лексического контекста, содержащими признак 'наличие — отсутствие смелости': Братиа же игумену рѣ-

ша: «Не смѣм рещи и боимся тебе» (Ж. Серг.); И бояся отъ измѣнника нашего смертныя казни а про насъ, великого государя, говорити не смѣли (Иное Сказ.); ...а у нихъ столко смѣлства не было и не смѣли они противъ ихъ вытти (Вести). Указанный признак можетъ быть заключенъ и в семантике зависимого инфинитива: ...не смею дерзнути рещи (Нов. пов.); И никто же смеяше отъ того времени дерзнути на ню отъ окрестныхъ ея странъ (Пов. о ц. Динаре). Увеличение частотности глагола *смѣти* связано и с другой немаловажной особенностью в его функционировании, обнаруживаемой в старорусский период, — расширением его модальной семантики, которое происходит за счет реализации данным глаголом дополнительного оттенка модального значения возможности 'не иметь права для выполнения действия'. Реализация указанного оттенка, появляющегося в тех случаях, когда отсутствие решимости у субъекта выполнить действие мотивируется его боязнью, нежеланием нарушить какие-либо установленные правила, указы и т. п., зафиксирована нами в немногочисленных примерах, относящихся преимущественно к деловым памятникам и произведениям публицистики: ...а безъ твоего Царского указа, корму цѣны прибавити не смѣмъ (Акт. ист., 2); ...а мы ни смиемъ имать ржи безъ твоего слова (Новг. гр.); ...по Андрѣю Ильичю писму нѣ смю датъ подводъ, разве Иванъ Михайловичъ Андрѣю Ильичю за своею рукою писмо дать (Пам. XVII в.); ...а ѣхати не смѣмъ, потому что намъ воеводы Събежские велѣли тебя проводить до Пскова (Акт. ист., 1); ...Архиепископ, деи, Серапион не благослови. Симана митрополита, и онъ того дела не смеетъ служити (Посл. И. Вол.).

Что касается семантически соотнесенного с глаголом *смѣти* глагола *дерзнути*, то характер его функционирования не претерпевает по сравнению с предшествующим периодом каких-либо заметных изменений: он по-прежнему уступает *смѣти* в частотности, сохраняя книжную маркированность. Ср.: Такое упование имѣя преподобный Сергій и с таковымъ дръзновениемъ дръзну внити в пустыню сию (Ж. Серг.); Нѣции же отъ вои Святославлихъ деръзнуша внити въ градъ користи дѣля (Моск. лет.); Обаче же, государь, надѣясь на твое смиренномудрие ...мало страхъ отложивъ, дерзнухъ грѣходѣтелною си рукою сие грубое писание написати (Хабува); ...и о своей души поболехъ, яко сый уже вашъ, да не пристиши спасения испразнится, сие дерзнухъ глаголати (Посл. Ив. Гр.); Никто жъ убо отъ святителей не дръзну сие сотворити никогда жъ (Посл. И. Вол.). Единичными употреблением в рассматриваемой модальной функции отмечена форма несовершенного вида *дерзати*, фиксирующая отнесенность возможности (или невозможности) осуществления соответствующей связи субъекта и действия к плану настоящего времени: ...на его же милость надѣмся, дръзаемъ призывать (Сказ. о Мам. поб.); ...приходяще бо к

церкви пресвятыя троица и не дерзають входить в святую церковь (Сказ. Авр. Пал.).

В исследуемый период сохраняют свою модальную специфику и характер жанрово-стилистической ориентации глаголы *умѣти* и *недоумѣти*. Вместе с тем наблюдаются некоторые количественные изменения в их функционировании. Так, глагол *умѣти* расширяет сферу своего функционирования и используется в памятниках различной жанровой принадлежности, в то время как *недоумѣти*, напротив, встречается лишь в отдельных употреблениях, относящихся к книжным контекстам. Ср.: Ты еще млад и несмыслен; аз есть и смыслен, а не умею отвещати царю (Пов. о Басарге); А се приведуть ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостоль дати чести и онъ не умѣть ни ступити (Акт. ист., 1); ...тые вси государи не умели того здумати, што за свое стоять (Посл. Ив. Гр.); Датцкой государю нашему не силен, мы за датским битися умеем (Ст. сп. Воронц.); И архиепископ против того не умел ни одного слова молвити (Посл. И. Вол.); ...которои не рукоделень и собою не оумѣет промыслити (Домострой); К сей бедности не умеют добрыи люди пристати (Азб. о гол. чел.); Князь же мысляше, что змееви сотворити, но недоумяше. И рече к жене си: мыслю, но недоумею ся сотворити неприязни тому (Пов. о Февр.); Отколе к нему приходяше посол — от царя или от короля, не изящен и недоумеше против кознем кто отвещати, то на кол его всажаше (Сказ. о Др.); Но бо все вкратце пишем, а недоумеем убо много и жалостнаго плача и причитания их исписати (Ск.-Шуйск.); Преподобному же нимало руску языку оумѣющу, и никотораго отвѣта недоумѣяше имъ отдати (Пов. о Римл.).

Важные изменения имеют место и в группе лексических модификаторов со значением возможности, выступающих в конструкциях с косвенным субъектом действия (в безличных предложениях). Эти изменения сказываются прежде всего на общем увеличении частотности функционирования модальных предикатов, что связано со значительным увеличением в грамматическом строе старорусского языка безличных предложений, которое является, в свою очередь, одним из показателей общих демократических процессов в русском языке указанного периода, охвативших и его синтаксическую систему.

Соответствующие изменения касаются прежде всего группы собственно модальных предикативов, основной состав которых остается таким же, как и в предшествующий период, и представлен лексемами *(не)мощно*, *(мошно, мочно)*, *(не)льзя*, *(не)возможно*. В основном прежней остается и специфика модальной семантики каждого из названных предикативов. Вместе с тем процесс формирования и отбора наиболее адекватных средств выражения рассматриваемого модального значения, начавшийся в древнерусском языке, находит логическое и еще

более активное продолжение в данный период. Отчетливо выявляется противопоставление соответствующих лексем с точки зрения выражения ими значения возможности — невозможности.

В утвердительных модальных конструкциях ведущее место по употребительности занимают этимологически и семантически соотнесенные предикативы *мощно*, *мочно*, *мошно*, хотя, различаясь жанрово-стилистической маркированностью, они характеризуются неодинаковой частотностью функционирования. Предикатив *мощно*, имея старославянское происхождение и сохраняя в силу этого ориентацию на книжные контексты, заметно сокращает свою употребительность. Напротив, *мочно*, имея древнерусскую огласовку, увеличивает частотность за счет широкого функционирования в памятниках старорусской письменности, ориентированных на народно-литературный тип языка и живую разговорную речь. Что касается формы *мошно*, имеющей такой же характер функционирования, что и *мочно*, и зафиксированной незначительным числом употреблений, то она, очевидно, представляет собой результат перехода *чи* в *ши* — явления, отражавшего живое произношение и, по словам академика А. И. Соболевского, «типичного для всего русского языка».⁷ Ср.: ...и будет ли тамо есть какая помѣшка от моря от рѣкъ от горѣ или от руды каковы сицевую здоровность страны мощно есть всякому увидѣти по здоровию, или по болѣзняхъ общихъ людемъ тамо живущихъ (Назир.); И мали неции от смертнаго часа избавлени быши, и многыя сироты, девы, и вдовицы, и отрочата оставшася; а ими же мощно всяко промысл строити (Сказзъ Авр. Пал.). ...и съ той бани мочно подкопатися подѣ тайникъ (Никон. лет., XIII); И мы де надеемся на бога, мочно нам и одними аглинскими карабли пройти и вас провести в Ангилею безстрашно (Ст. сп. Писемск.); ...и мног их погодемъ во рву потонуло в воде что мочно де было по мертвымъ людемъ и в город воити (Вести) ...а у ково есть пруды и ис такихъ вод готовои рыбы добитца мочно (Пам. XVII в.). ...а недруговы люди стояли за лесомъ на горѣ а стои горы мошно было очищат на всѣ стороны (Вести); ...но обаче коли таковая вода перевареная будетъ должае мошно еѣ удержати от загнилости (Назир.); ...а тут места не далнея мошна по нево и пристава взять (Пам. XVII в.).

Что же касается предикатива *можно*, заменившего впоследствии данные лексемы и занявшего в современном русском языке прочное положение в соответствующей модальной функции,

---

⁷ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 107. См. также: Собинникова В. И. Общенародные и диалектные черты в языке областной письменности XVII — нач. XVIII в. // Начальный этап формирования русского национального языка / Отв. ред. Б. А. Ларин. Л., 1961. С. 207—208.

то его распространение исследователи относят к концу XVII в.⁸ В наших же материалах данный предикатив отмечен единичными употреблениями, относящимися к концу исследуемого периода: А буде ты, госпожа моя лисица, пожелаешь сама во власть итить, и мне можно упросить у митрополита, поставлю и я тебя в чин просвирнской (Сказ. о куре).

Одновременно происходит дальнейшее сокращение функционирования малочастотных и в древнерусском языке предикативов *льзѣ* (*льзя*), *возможно*. Первый из них зафиксирован единичными употреблениями, извлеченными преимущественно из памятников деловой письменности, второй, характеризуясь жанрово-стилистической немаркированностью, представлен несколько шире. Ср.: Пролому же и восходу во град от литовского наряду велику пробиту и удобвосходну, яко и на конех на градовную стену возможно ездити (Пов. об осаде Пск.); Да еще возможно тобѣ к намъ в Македонию приити... мы к царству твоему приидемъ (Алекс.); ...но вес инои сок бывает травленъ и дѣйствует ся по прирождению оного дресеси... к которому привиют, откуда возможно нам увидѣти что сугубое бывает травление (Назир.); Руских же изменников десятицею пред ними сугубо; и тии соблюдаху их во всем; а им же возможно и малою чадю на тех крепких местах и на непроходимых всех смерти предати (Сказ. Авр. Пал.); ...есть в Синбирску Белои Яр там возможна и лебедеи промыслит (Пам. XVII в.).

Более сложная картина в функционально-семантической иерархии модальных предикативов наблюдается в отрицательных конструкциях, которые в целом отличаются значительно более высокой частотностью, чем утвердительные.

Происходят изменения в группе этимологически родственных лексем *неможно*, *немочно* (*немошно*), которые, характеризуясь общностью модальной семантики, различались в предшествующий период жанрово-стилистической направленностью. У наиболее частотной ранее книжно-славянской лексики *неможно* соответствующая направленность в целом сохраняется, что приводит в связи с уменьшением в старорусский период количества церковно-религиозных памятников и начавшейся демократизацией языка к сокращению ее функционирования. У древнерусского же предикатива *немочно* сфера функционирования в силу указанных причин, напротив, расширяется, и он, продолжая ориентироваться на народно-литературный тип языка, встречается вместе с тем и в памятниках книжной принадлежности. В качестве его фонетического варианта выступает отмеченный немногочисленными примерами употреблений предикатив *неможно*: ...а иныхъ его чюдесь множество не мощно исписа-

⁸ См., например: Панфилов В. М. К истории развития категории состояния, или предикативов, в русском языке: Автореф. канд. дис. Красноярск, 1961. С. 19.

ти ни счести (Сев. лет.); ...псковичемъ же единѣмъ не мощно бѣше помощи изборяномъ (Пск. II лет.); ...его же колиждо отсылаху на службу, яко зѣло на нужную потребу без нея же не мощно обрѣстися (Ж. Серг.); И бысть трускъ и звукъ великъ от копейного ломления и от мечнаго сѣчения, яко не мощно бѣ сего грѣкого часа зрѣти никако же и сего грозного побоища (Сказ. о Мам. поб.); Ино существом ангели, а действо божественно, а образомъ человеческимъ: не мощно бо существа и аггельскаго видети человеку (Посл. И. Вол.); ...и вместо души многиа пожары поля и леса освещеваху ношю и никому же немощно бѣше двинути от места своего (Сказ. Авр. Пал.); Царь Магметъ-салтанъ тако рекъ: «не мочно царю царства безъ грозы держати...» (Никон. лет., XII); Немочно тебе помочи, млáдому отрочяти (Пов. о Басарге); А приездему человеку безъ приказу и безъ бережения прожити не мочно во твоёмъ царстве государеве (Пересветов); ...и племянница де моя ныне не может, и тебе ее казати и парсону ее писати не мочно (Ст. сп. Писемск.); Да сроки чинишь неподобные, какъ поспѣть немочно... нашимъ гонцомъ к тебе (Посл. Ив. Гр.); ...а безъ денегъ воины вести немочно (Вести); ...въ понелделникъ воѣвода Букъ-вои со всеми своими полки...пошли в чехи толко для великихъ стужи ити не мощно (Вести); ...по твоему челобитью крепостные твои люди поиманы и сидятъ в тюрмѣ а безъ суда ихъ отдадъ немочно (Пам. XVII в.).

В условиях такого функционирования модальныхъ предикативовъ *немощно* и *немочно* (*немошно*) становятся возможными и даже нередкими случаи ихъ жанрово-стилистической сближенности: ...вода иногда имѣетъ в собѣ нѣкие помѣшки сокровенные, которые немощно бываетъ увѣдати (Назир.) — ...сицевое земли лѣкарство есть, мѣшати въ неѣ глину с навозомъ будетъ к ней воды привести и оборотити немочно отъ ключа каковаго (тамъ же); ...не мощно бо бога вместити никому же (Посл. И. Вол.) — Не мочно бо аггелу в образъ божій именоватися (тамъ же). В планѣ сказаннаго интересъ представляютъ также примеры тождественнаго (дублирующаго) функционирования данныхъ лексемъ, которые весьма наглядно прослеживаются в случаяхъ взаимозамены последнихъ при ихъ употреблении в рамкахъ идентичныхъ контекстовъ: Сия же и ина многа изглагола, имѣже нѣсть числа и писати не мощно (Никон. лет., XII) — Сиа же и ина многа изглагола, имъ же нѣсть числа исписати не мочно (Моск. лет.); ...на бою в трупахъ человеческихъ сыскати и познати мя немощно (Пов. о нач. Москвы) — ...на бою в трупахъ человеческихъ сыскати и познати меня не мочно (тамъ же) — ...и в трупу человечьемъ меня сыскать или опознать будетъ немошно (тамъ же).

Предикативъ *неможно*, какъ и его утвердительный коррелятъ, отмеченъ единичными примерами, относящимися ко второй половинѣ исследуемаго періода. Впервые зафиксированъ в середи-

не XV в. в грамоте 1449 г.: А коли, брати, ко мне пришлешь пропомочь... не можно ми будетъ к тебе послати (Дух. гр. № 53).⁹

Продолжает активизироваться в функции экспликатора отрицательного значения возможности стилистически не маркированный предикатив *нелзѣ* (*нельзя*). Расширяется объем его модальной семантики. Основу ее по-прежнему составляет значение 'не иметь возможности для выполнения действия (в силу каких-либо внешних обстоятельств)', получающее реализацию в разнообразных в жанровом отношении памятниках описательно-го (преимущественно делового) характера: ...и меташа за 10 дворовъ головни и берня с огнем, и не бѣ лзѣ гасити, в единомъ мѣсте гасяху, а в десяти загорашеся (Моск. лет.); А ходят на гору день по одному человѣку: дорога тесна, а двема поити нелзѣ (Хож. Аф. Ник.); ...и подкопом деи взяти ее нелзе, что деи вода блиско (Ст. сп. Новосильц.); А быти де вам вскоре у королевны нелзе, потому что де в Лунде моровое поветрие, и она де для морового поветрия из Лунды выехала (Ст. сп. Писемск.); ...а мужу твоему князю Александру нынѣ на свадбѣ быти нелзѣ, нашего для дѣла (Акт. ист., 1); ...а тот город от французского с одну сторону осажен а с моря французскому того города осадит нелзѣ (Вести); ...скат река мелка и и гнат нелзя (Пам. XVII в.). Вместе с тем значительно чаще происходит сравнение с предшествующим периодом становятся случаи реализации предикативом *нельзя* другого значения объективной возможности — 'не иметь права, основания для выполнения действия (в силу существующих общественных законов, в том числе и нравственного характера, либо каких-либо правил)': ...предѣ богомъ и прѣдѣ человѣкы тобѣ без насъ того нѣлзѣ было замыслити (Ипат. лет.); И каждый то ведает, что жена у мужа взяти нелзя (Посл. Ив. Гр.); ...а те деи козаки к Астрохани дорогу знают, и мне, господине, было тех козаков утаити нелзе (Ст. сп. Новосильц.); ...я и сама ведаю, что вам без государя своего ведома некоторого дела зделати нелзе (Ст. сп. Писемск). Обратим внимание на то, что в приведенных примерах *нельзя* сочетается с инфинитивом совершенного вида. При сочетании же его с инфинитивом несовершенного вида это частное значение возможности трансформируется в значение необходимости — модальная конструкция указывает на отсутствие необходимости осуществления действия:¹⁰ ...и нам с вами о такомъ о великомъ деле при многих людехъ говорить нелзе (Ст. сп. Писемск.); ...а мы челобитемъ и униженемъ... ничево до стат не могли и для того на насъ вина класть нелзѣ (Вести);

⁹ Этот факт отмечается В. Л. Георгиевой (Георгиева В. Л. Безличные предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978. С. 273).

¹⁰ Бойко А. А. Употребление видов глагола в форме инфинитива в современном русском языке: Автореф. докт. дис. Л., 1983. С. 4.

...ино уж Литве нелзе говорити, что не везде коня нашего йюги были (Посл. Ив. Гр.).

Повышением частотности и расширением модальных функций характеризуется также предикатив *невозможно*, не имеющий, как и предикатив *нелзя*, жанрово-стилистических ограничений, но в отличие от последнего тяготеющий и к жанрам повествовательной литературы. Значительная часть его употреблений связана с реализацией частного значения 'не иметь возможности для выполнения действия (в силу причин объективного характера)': ...они же, послышавъ за собою князя Петра погоню и узнаша, что имъ уйти не възможно ис тѣхъ тѣснотъ, и они возвратишася къ царю (Никон. лет., XIII); ...недругом было невозможно в таком крѣпком мѣсте ничего учинити (Вести); ...аще ли Дария не победиши, во Иеросалимъ невозможно ти внити (Алекс.); ...а после того прошло божье посланье—поветрее и ему было у нас невозможно быти (Посл. Ив. Гр.); ...только мнѣ с человеком своим к милости твоей послат за недосугами невозможно (Пам. XVII в.); ...и стережаху толико крепче, яко никако же прополсти сквозе их невозможно (Сказ. Авр. Пал.); И толико ихъ поганныхъ въ сий ...день погибе, яко по всѣмъ стогнамъ великого града Москвы въ трупие ихъ невозможно проити (Иное Сказ.); ...а инем невозможно той беде пособити (Посл. И. Вол.).

Другая важная сторона модальной семантики предикатива *невозможно* — выражение частного значения субъективной возможности 'не быть в состоянии выполнить действие'. Примеры с реализацией такого значения достаточно частотны в памятниках старорусской письменности: ...словесы льстными не возможно бѣ града прияти (Ипат. лет.); ...но обаче, подробну глаголя, невозможно бо естъ постигнути до конечного исповѣдания (Ж. Серг.); ...ликому невозможно тое беды утолити (Посл. И. Вол.); ...за твое неподобное дело над нашими послы терпети было невозможно (Посл. Ив. Гр.); ...невозможно бѣше ему треклятому совершити такового великаго начинания (Иное Сказ.); ...а переж весны ему силу свою собрат невозможно (Вести); Превыщша же хвалы человеческия суща невозможно кому восхвалити по достоинству (Сказ. Авр. Пал.); Не токмо града Иерусалима от меня царю... с народы остояти, но и богу невозможно пособити против моея безчисленныя силы (Пов. об осаде Пск.).

1.2. Несобственно модальные модификаторы. Некоторые изменения, сравнительно с предшествующим периодом, наблюдаются прежде всего в группе несобственно модальных глаголов. Происходит значительное снижение частотности модального функционирования глаголов *терпѣти* и *имѣти*, зафиксированных нами ограниченным числом употреблений преимущественно в памятниках первой половины старорусского периода: ...и не терпѣть Татарове стояти подѣ градомъ нашимъ долго, поне-

же имѣють сугубъ страхъ (Никон. лет., XI); Новгородци же не терпяще без князя сѣдѣти, и послаша къ Юрью Володимеричю в Суздаль (Моск. лет.); Не трплю зватися от них еретикъ и слыти врагъ богу (Ж. Евфр.); ...и по тому глаголу будетъ речение, не терпѣти бо фита хабуева свѣта архангелова видѣти (Хабува); ...не имамъ с вами ити на путь, занеже суть людѣ жестокою выею (Ипат. лет.); ...Михаиль... не имать получитьи желаемого, понеже грѣдостью побѣженъ бысть, ни царского града не имать видѣти (Ж. Серг.); ...видев твое безчисленное войско вся пребывающа люди во граде Пскове... убоятца и устрашатца и не имут против толикия силы и сами стояти (Пов. об осаде Пск.); И никто же имат сказати, яже времени злая (Посл. И. Вол.); Ничто же бо имать успѣти силней воисце (Алекс.); Побѣгнем, ничто же бо добра имам чаати (Сказ. о Мам. поб.).

Тенденция к сокращению частотности рассматриваемых глаголов в памятниках старорусского периода связана прежде всего с их семантической спецификой. Так, у глагола *терпѣти* данная тенденция обуславливается тем, что он в силу своей семантики (ср. одно из его словарных значений — 'терпеть, быть в силах перенести', Сл. Срезневского) способен самостоятельно, без участия инфинитива, эксплицировать соответствующее модальное значение, ср. (не)терпел = (не) мог терпеть.¹¹ Что же касается глагола *имѣти*, то одной из причин сокращения его употребительности явилась модальная полисеманτικότητα, которая создавала известные трудности в различении эксплицируемых данным глаголом модальных значений. Кроме того, это сокращение поддерживалось процессом преобразования древнерусского сложного будущего времени, заключавшимся в вытеснении прежних вспомогательных глаголов (одним из которых был глагол *имѣти*) глаголом *быти*.

По-прежнему единичными примерами употреблений зафиксирован в модальной функции глагол *успѣти* (и его дериват *до-спѣти*), выступающий со значением 'не быть в состоянии выполнить действие (в силу отсутствия времени)'. При этом почти все отмеченные примеры относятся к первой половине исследуемого периода: ...а у иныхъ церквей еще не успѣша и обѣдни отслужити (Никон. лет., XII); ...но учюти самъ князь Михайло и выскочи в оторопѣ вонъ со княгинею а не успѣша ничто же вымчати (Моск. лет.); ...мнози бо в той церкви постригошася, но ни един же доспѣ достигнути въ прясло его (Ж. Серг.); ...а князь велики не успе собрати силы (Сев. лет.); Сия же видѣвъ лукавый рабъ той... никто же успѣ сотворити (Иное Сказ.); Дружина же его оставшая, не успеха зделати баншты ничтоже (Пересветов).

¹¹ Ср. особенности модальной семантики данного глагола в современном русском языке, отраженной в толковых словарях. См., например, МАС.

Ограниченными случаями употреблений в модальной функции представлен глагол *бояться* (*убояться*), соотносящийся по специфике выражаемого модального значения 'не быть в состоянии выполнить действие (в силу боязни субъекта)' с выше-рассмотренным собственно модальным глаголом *смѣти*. Ср.: Тебѣ чинити боюся, егда како велику мзду возмеша от мене (Ж. Серг.); На ночь же ту убояся ту Изяставъ стояти (Моск. лет.); Той же человек ...бояся к кому таковая помышляти (Пов. о Февр.); Старец же бояшеса напредь злу уже содеятися (Сказ. Авр. Пал.); Благоверный бысть в недоумении и в размышлении велице и убояся стати в лице противу самого царя (Пов. о Мерк. Смол.); Царь же ...поиде прочь с великою срамотою, безчисленно изгуби войска, убояся поити на него (Сказ. о Др.).

В рассматриваемый период происходит сокращение малочастотной группы кратких прилагательных, примыкающих по характеру выражаемого модального значения к группе несобственно модальных глаголов. В памятниках старорусской письменности нами зафиксировано в модальной функции лишь два таких прилагательных — *мощнѣ* и *готовѣ*. Первое из них выражает частное значение '(не) быть в состоянии выполнить действие (в силу определенных качеств субъекта или его социально-общественного положения)': ...и повеле себе тамо повести, не бо сам мощен на кони сидети от великия болезни (Пов. о Февр.); ...ты еси высота и глубина ...непостижимая, простаго твоего духа елма человеческие умы не мощны осягнути (Ж. Евфр.); ...а царское величество есть милостив для христьянства... не щадит персоны своей против недругов своих мощен есть обороняти тебя и меня от турок (Посл. Ив. Гр.). Второе также сохраняет свою модальную семантику, специфика которой состоит в совмещении значений возможности и желательности в силу особой предрасположенности субъекта к выполнению действия: ...все готовы есмы умерети за свою веру и за своего государя (Пов. об осаде Пск.); Мы же готови есмя в сий день главы своя положить за тебе (Сказ. о Мам. поб.); Для государя нашего, царя и великого князя, дела х королю есмя ехати готовы (Ст. сп. Воронц.); ...мы с вами х королевне схати готовы (Ст. сп. Писемск.); И готова есми за тобя во аде мучитися (Ск.-Шуйск.). Функционирование несобственно модальных предикативов в роли соответствующих модальных экспликаторов в рассматриваемый период не получило развития и по-прежнему представлено единичными употреблениями ограниченного числа наречий, среди которых лексемы *вольнѣ*, *неудобѣ*, *негдѣ* и т. п. Ср.: ...старцемъ волно ловити неведомъ и сѣтми (Дв. гр. № 255); А толко будетъ закладъ или запись, ино волно искати по записи (Пск. судная гр.); А моему бѣ посланному для тѣхъ перебѣщиковъ вольно было къ вамъ и назадъ ѣхати (ДТП, IV); Князь же Олегъ нача глаголати ко своим боярам: не наче-

мому дѣлу неудобь разоумѣти (Сказ. о Мам. поб.); Нѣгде чего добыти стало — погодье велико двѣ недели (Ж. Клопск.) ...бога человеком неудобь видети (Ерм.-Ер.); ...и невмѣстно бѣ никому же очи Perezрѣти рати великого князя (Сказ. о Мам. поб.); Князю же Дмитрею ...не бысть силы стати противу их на бои (Моск. лет.).

2. Невербальные способы выражения возможности

В рассматриваемый период истории русского языка невербальные средства выражения значения возможности представлены теми же типами грамматического контекста, что и в предшествующий период. Вместе с тем можно говорить об определенном расширении функционирования некоторых из них.

2.1. Формы глагольного наклонения. В старорусских памятниках письменности прослеживается довольно устойчивое и несколько расширенное в жанровом отношении употребление глагольных лексем в форме изъявительного наклонения, семантика которых позволяет имплицитно (без посредства инфинитива) передать одно из значений опосредованной модальности — значение возможности, реализующееся преимущественно в частном значении '(не) быть в состоянии выполнить действие'. При этом сама возможность может быть отнесена ко всем трем временным планам. При отнесении к плану прошлого выражается возможность действия, реально имевшая место в прошлом, реализованная или нереализованная: Сий же Темир Аксак многы рати нача творити ...многим спротивным одоле (Пов. о Т.-Акс.); Мнози же гонишася по них и не одоляша их (Сказ. о Мам. поб.); Никогда же великъ царь на Антину прииде, рвавъ много ничто же успѣ (Алекс.); Индрих же не стерпѣ прихода ихъ и выѣха вонъ (Ипат. лет.); ...во оном царстве сам той град спасеся и иных спасе и супостата и врага короля попра и прогна и все свое великое государство удержа (Нов. пов.); ...и те наши подкопы тайные все от мужества их не устояли неизреченных сил, все обвалились: не удержала от силы их земля (Пов. об Азовск. сид.); И тако божий промысл избавися град от безбожных турок (Пов. о вз. Царьгр.); ...и бысть во граде скорбь велика, утешения же отъсюду не обретаху (Сказ. Авр. Пал.). При отнесении к плану будущего возможность также выступает как реальная, но нереализованная. Факт ее реализации применительно к будущему остается в известной степени проблематичным. Ср.: ...лѣкаръ Жидовинъ... похваляясь, рече великому князю... язъ излечю сына твоего великого князя отъ тоя болѣзни (Никон. лет., XII); ...и тою своею крепостию все царство удержат от того лютаго нашего сопостата (Нов. пов.); И царство наше от них не отстоитъ, погибнет (там же); Не перелетит через силу нашу ту-

репкую никакова птица парящая (Пов. об Азовск. сид.); ...ей же врата адова не одолеют (Посл. Ив. Гр.); Сколько послесв ни посылай, что ни давай, а ничем не утетиши (там же); И никто же от всего российского языка не избысть от тех бед (Сказ. Авр. Пал.); ...не вместят ушеса жалостнаго причитания плача их (Ск.-Шуйск.). В значительно более редких случаях значение возможности может быть отнесено к плану настоящего времени: Но ничто же от них ...не вреди его... (Ж. Серг.); Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию и ничто же вас не вредит (Пов. об осаде Пск.); ...язык наш от истомы нашей во устах наших не воротится (Пов. об Азовск. сид.); ...синьклитова вещь сица есть: огнь жьжеть еа, ни желзью его прииметь (Моск. лет.); Се мал огнь колику вещь сожгеает (Посл. Ив. Гр.); ...Никто же знает сына, токмо отецъ: ни отца кто знает, токмо сын (Посл. И. Вол.)¹².

Значение возможности, реализующееся в рассматриваемых конструкциях, может конкретизироваться различными элементами контекста, которые представлены более разнообразно по сравнению с предшествующим периодом. В их числе выступают различные обстоятельства, например обстоятельства времени: И сих Александръ много избивъ и землю их за 10 днии преиде (Алекс.); обстоятельства образа действия: ...едва самъ утекъ, войско же свое изгуби (там же); обстоятельства причины, выраженные как предложно-падежными формами, так и оборотами: Жены же, бывшыя на погребении, открывша гроб ...и в той час от ужаста не поведаша ничто же (Пов. об Улиянии Осор.); Она же, старостию и нищетою одержима, не хождаше к църкви (там же); Се слышавъ, Володимерь плакася велими по братъ своемъ и не поиде от печали (Моск. лет.); ...но приразився твердому адаманту, твердаго же адаманта не покольба (Пов. о пуг. Иоанна Новг.). Весьма отчетливо реализация значения возможности прослеживается в сложных конструкциях, среди которых сложноподчиненные предложения с придаточными условными и предложения с причинно-следственными отношениями. Актуализатором соответствующей связи субъекта и действия, выраженных в главной части предложения, служит содержание придаточной части: ...да егда наю, родителя своя, проводиши до гроба, тогда и свою мысль сътвориши (Ж. Серг.); Аще сие сотвориши ...Персиду всю от напасти свободиши ...и ты от персь великъ наречешися (Алекс.); Аще убо царю не повинуются подовластныя, никогда же от междоусобных браней престанут (Посл. Ив. Гр.); ...и князь иде прочь, но от бога казни не убъжа, помроша бо кони у него

¹² Три последних примера примечательны тем, что выражаемое в них модальное значение имеет характер объективно-обусловленной возможности, возникающий в силу постоянства соответствующего признака, присущего субъекту действия. Подобные примеры отмечались нами и применительно к древнерусскому периоду. См. с. 49.

(Моск. лет.); Того же лѣта князь велики Юрьи Данилович поиде с Новгородци к Немецкому граду Выбору ... града же не възвѣша, бѣ бо крѣпокъ велми (там же); И я же третицею присла глаголя: «Уже хочу преставитися и не жду тебе!» (Пов. о Февр.).

2.2. Типы сложных предложений. Заметное место среди невербальных средств выражения возможности продолжают занимать сложноподчиненные предложения с придаточными цели. Сохраняя специфику модальной семантики, которая рассматривалась нами применительно к древнерусскому языку, они претерпевают определенные изменения формального характера, касающиеся их отдельных разновидностей. Так, значительно сокращается частотность весьма употребительных в древнерусском языке предложений с *да* и глаголом-сказуемым в форме настоящего / простого будущего времени в придаточной части. Ограниченное число подобных предложений зафиксировано в книжных памятниках, где они часто используются в роли своеобразной формулы возвышенной риторики: ... поне же от юности очистися церкви быти святого духа и преуготова себе съсуд святъ избранъ, да вселится богъ в онъ (Ж. Серг.) 'чтобы мог вселиться в него бог'; И поставиша церковь на том месте, идеже сретоша икону святых Богородица... купно на воспоминание такового великаго, многаго благоденния божия, да не забудут люди дел божиих (Пов. о Т.-Акс.); ... и тогда пристроивши в концех колоды тоя, и тако с нужею полагают в колоду тело его, да изнесут тело его ко церкви (Ск.-Шуйск.); ... един же стржеаше по обычаю и обзираше всюду, да не явится от коея страны ко граду внезапное пришествие врагов (Сказ. Авр. Пал.); Тшужесе со усердием люди во истину и на свет наставити, да познают истиннаго бога (Посл. Ив. Гр.). Одновременно дальнейшее распространение получают сложноподчиненные предложения с целевыми отношениями, в которых сказуемое придаточной части выражено глаголом в сослагательном наклонении. Среди них следует выделить прежде всего две разновидности. К одной из них относятся весьма употребительные в древнерусском языке предложения с *да* в придаточной части, при этом, как правило, происходит его слияние с формой аориста *бы* и образование целевого союза *дабы*. Подобные предложения наиболее частотны в памятниках книжно-славянской принадлежности: ... а царь повелит стражам своим стрещи, дабы прочь не отошел (Пов. об осаде Пск.); ... того ради и аз сие сотворих, сходя к немощи их, точию дабы нас, своих государей познали (Посл. Ив. Гр.); И кряхуся тогда челоуецы в дебри непроходимыя ... и плачущесе к содетелю, дабы ночь сих постигла (Сказ. Авр. Пал.). Другую разновидность составляют предложения с целевым союзом *чтобы*¹³, широко употребитель-

¹³ Данный союз образовался также путем слияния *бы* с союзом *что*.

ные в памятниках различной жанровой принадлежности, причем частотность их заметно возрастает во второй половине исследуемого периода: ... тамо град стоит и супостата держит ... и всем нам по бозе и по православной вере побарати ревность дает, чтобы мы все, видев его крепкое и непреклонное стояние, тако же крепко вооружилися и стали противу супостат своих (Нов. пов.); А едят, покрываются платомъ, чтобы никто не видель его (Хож. Аф. Ник.); ... и он для тово поспешил чтобы недруги не ушли (Вести); ... а сама вода воздухомъ ограждена есть, чтобы во своемъ прирожденномъ свойстве пребывала (Назир.); ... и я по твоему писму велел вспахат и надолбы от их земли зделат чтоб их скотина на нашу землю не ходила (Пам. XVII в.). Часты случаи замены причастия на -лѣ в придаточной части указанных предложений формой инфинитива, которые, как правило, наблюдаются при односубъектности главной и придаточной частей¹⁴: ... а дщерь повелѣ въ живыхъ оставити, дабы ему лѣпoty ея насладитися (Иное Сказ.); ... и стрежаху, друг друга держаще, дабы никакова вестника ни от града, ни во град не пропустити (Сказ. Авр. Пал.); ... для того нам лѣтят и блзнят, чтобы всех тем областити и укротити и великим бы нашим морем не взмутити (Нов. пов.); На другой день ... к нам турские под город прислали толмачей своих, чтоб нам дати им отобрати от града побитой их труп (Пов. об Азовск. сид.); Повѣстовые земские послы всѣ соединачилися и на томъ стоять чтоб доход князя казимеров к себѣ присвоит. (Вести).

2.3. Конструкции с независимым инфинитивом. Инфинитивные предложения, выражающие значение возможности, представлены, как и в предшествующий период, в целом незначительным числом примеров, причем большую часть их составляют предложения, передающие отрицательное значение возможности. В роли актуализатора соответствующего модального значения весьма последовательно выступает инфинитив, имеющий форму совершенного вида. В этих случаях преимущественно реализуется частное значение 'не быть в состоянии выполнить действие' (указание на которое содержится в семантике инфинитива). Большинство подобных предложений представлено бесовязочным инфинитивом, выражающим действие, возможность (вернее, невозможность) осуществления которого относится к плану будущего. Такие предложения весьма разнообразны в жанровом отношении: ... и розмолвиша бояре Юрью: «брату твоему не удержати Киева...» (Моск. лет.); ... а им, врагом, ничего не сотворити, понеже сильно обовладели и многих маловременным богатством и славою прелестили (Нов. пов.); Что мне от вас бед, всего того не исписати (Посл. Изв.

¹⁴ Историческая грамматика русского языка. Сложное предложение. С. 227—228.

Гр.); ...а без письма нам тех ваших речей донести до королевны не испомнити (Ст. сп. Писемск.); ...и толко мы время свое потеряем и нам его назад не воротит (Вести); И с того тебе пития век будет не проспаться (Ск.-Шуйск.). Единичными употребленими соответствующие предложения зафиксированы со связочным инфинитивом, обозначающим действие, возможность осуществления которого отнесена к плану прошедшего времени: ...живущи между нечестия, не бѣ имъ коли плода достойна расплодiti (Сказ. о Мам. поб.); И не бе изрещи и исписати ...иже народи плачуще и жалостно причитаху (Ск.-Шуйск.); И поидоша полкы Половецкыя яко борове, а не бѣ презрѣти ихъ (Никон. лет., IX).

Значение возможности может получать реализацию и в конструкциях с инфинитивом несовершенного вида. В этих случаях актуализатором данного значения является семантика инфинитива, представленного глаголами восприятия (типа *слышати*, *видѣти* и т. п.). В подобных предложениях, большую часть которых, напротив, составляют конструкции со связочным инфинитивом, реализуется частное значение объективной возможности '(не) иметь возможности выполнить действие (в силу определенных внешних обстоятельств)'. Ср.: ...и не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровью (Моск. лет.); И бѣ отголь видѣти очи его полны слезъ (там же); Бяше же видети стрѣлы летяща во град (Алекс.); ...от плача и рыдания градских людей и жен и детей ...не бе слышати друг друга (Пов. о вз. Царьгр.); От народа же кричаща и вопля тяшка гласа поющих... не бе слышати гласа поющих (Ск.-Шуйск.); ...и от трескоты оружия не бе слышати друг друга (Сказ. Авр. Пал.). Единичными примерами подобные предложения зафиксированы с бессвязочным инфинитивом: ...а не выкупа, тебе тово у нас не видати (Посл. Ив. Гр.); Потерять вам под Азовым турецких голов своих многие тысящи, а не видать его вам из рук наших казачьих и до веку (Пов. об Азовск. сид.). Данные предложения интересны тем, что реализующееся в них отрицательное значение возможности, будучи отнесенным в план будущего, приобретает семантический оттенок предопределенности, неизбежности. Указанный оттенок выявляется еще более отчетливо в предложениях с инфинитивом глаголов многократного действия. Ср.: ...отнюд ево воли не бывати и самому ему у нас не живати (Нов. пов.); Топере мы, бедные, роставаемся с вашими иконы чудотворными ...и не бывать уж нам на святой Руси (Пов. об Азовск. сид.); Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а катунъ своихъ не трепати (Сказ. о Мам. поб.).

3. Выводы

Исследуемый языковой материал старорусского периода позволяет обнаружить некоторые эволюционные изменения в плане выражения микрополя возможности. Ядерную часть его по-

прежнему составляют лексические конститuentы, роль доминанты среди которых продолжает выполнять собственно модальный глагол *мочи*. В характере его модальной семантики наблюдаются определенные изменения. Так, обладая способностью эксплицировать все частные значения возможности, среди которых наиболее регулярно реализуемым остается значение '(не) быть в состоянии выполнить действие', данный глагол вместе с тем увеличивает число реализаций значения объективной возможности '(не) иметь право для выполнения действия', что связано с повышением частотности и функциональной роли тех письменных жанров старорусской письменности, в рамках которых получал отражение характер общественных отношений. Происходят изменения и у других собственно модальных глаголов. Так, с одной стороны, наблюдается сокращение функционирования старославянского деривата от глагола *мочи* *возмоци*, обусловленное узостью его модальной семантики и жанрово-стилистической маркированностью. С другой стороны, несколько увеличивается частотность глагола *смѣти*, что связано с расширением его модальной семантики, происходящим за счет реализации данным глаголом модального оттенка объективной возможности 'не иметь права для выполнения действия'. Некоторым расширением модального функционирования характеризуется и стилистически не маркированный глагол *умѣти*. Одновременно наблюдается заметное движение к окраинной периферии рассматриваемого микрополя, в силу значительного снижения частотности модального функционирования, несобственно модальных глаголов *терпѣти* и *имѣти*.

Важные изменения происходят в составе и семантике модальных предикативов, функционирующих в конструкциях с косвенным субъектом действия. В утвердительных конструкциях активизируется древнерусский предикатив *мочно*, отнесенный к периферии свой книжно-славянский коррелят *моушно*. Приоритетное положение *мочно* поддерживается резким сокращением употребительности предикатива *лѣзя* и его фактическим уходом из языка. Среди предикативов, выражающих отрицательное значение возможности, продолжает укреплять свои позиции, расширяя модальную семантику и увеличивая частотность функционирования, предикатив *нелѣзя* (*нелѣзѣ*). Одновременно активизируется, определяя свою собственную зону модального действия, предикатив *невозможно*. По-прежнему окраинно-периферийное положение в рассматриваемом микрополе занимают несобственно модальные предикативы, в функции которых зафиксированы незначительным числом употреблений отдельные наречия.

Невербальные конститuentы микрополя возможности, в качестве основных среди которых по-прежнему отмечаем формы глаголов изъявительного наклонения, сложноподчиненные предложения с придаточными цели и конструкции с независимым

инфинитивом, продолжают составлять в силу узости их модальной специализации и невысокой частотности периферийный пласт в плане выражения рассматриваемого микрополя. Вместе с тем отдельные типы контекстов (конструкции с формами изъявительного наклонения, сложноподчиненные целевые предложения) расширяют сферу функционирования, что становится особенно заметным во 2-й половине исследуемого периода.

§ 3. МОДАЛЬНОСТЬ НЕОБХОДИМОСТИ

Специфика модального значения необходимости, преимущественно реализующегося через посредство связи действия (состояния) с косвенным субъектом, сохраняется и в исследуемый период, обуславливая преобладание соответствующих языковых средств выражения. Ведущая роль среди них по-прежнему принадлежит безличным лексическим модификаторам и конструкциям с независимым инфинитивом.

1. Лексические средства выражения необходимости

В рассматриваемый период сохраняется различие основных групп модификаторов в соответствии с характером выражаемых частных значений необходимости.

1.1. Лексические модификаторы, выражающие значения объективно-субъективной необходимости. В данной группе приоритетное положение удерживает собственно модальный глагол *подобати*, продолжающий выступать в качестве наиболее частотного экспликатора такого модального типа связи субъекта с действием, осуществление (вернее, необходимость осуществления) которого основывается на общественном осознании морально-этической категории «пристойно, прилично». С этим фактом связано преимущественное функционирование данного глагола в контекстах, содержание которых имеет ярко выраженный морально-этический характер: Аще ми врагъ пакости дѣеть, то подобаетъ ми трѣпѣти, яко искони есть ненавистникъ и врагъ роду христианскому (Сказ. о Мам. поб.); Всякому бо подобаетъ гнѣва Божиа боятися и милость Его призывати и о грѣсѣхъ своихъ плакати (Никон, лет., XI); ...и рече Михаилъ: «не подобаетъ намъ христианомъ сквозѣ огонь ити и поклонитися солнцу и огню...» (Никон, лет., X); ...православнымъ христианомъ подобаетъ въ церкви Божии стояти и молитися со страхомъ (Улож. 1649 г.); ...праведнымъ стяжаниемъ жити подобаетъ всякому христианину (Домострой); Того ради и намъ зрящимъ подобаше внимати и за неизмерную владычню милость благодарити его (Сказ. Авр. Пал.); ...и о благочестии церковнемъ подобаетъ намъ грубымъ не нерадѣти и учи-

тися и помнити (Хабуба); Не подобает же такового во святую церковь пущати (Посл. И. Вол.); Не токмо сия не подобает подовластным нашим, но и нам, царям, неприлично есть нарицатися предстатели: аще убо перфиру носим, златом и бисером украшену, но обаче тленны есми и человеческою немощью обложени (Посл. Ив. Гр.). Вместе с тем наблюдаются случаи употребления *подобати* в функции фиксатора такого типа связи соответствующих явлений реального мира, необходимость осуществления которого основана на обращении к фактам не духовного, а сугубо бытового характера. Такие случаи, служащие свидетельством расширения его модальной семантики, особенно частотны в произведениях научно-практической направленности (различного рода руководствах и т. п.). Например: ...воду соленую с уксусом подобает пити либо с квасом какимъ; ...такъ ж конюшни и хлѣвы воломъ и инои животине подобает такъ ставити во дворцѣхъ...; ...и гдѣ суть воды прудовые... в которыхъ нѣсть свѣжести, но нѣкая воня передъ питиемъ такие воды не подобаетъ ясти (Назир.).

В условиях широкого функционирования глагола *подобати* продолжает сокращаться частотность функционально и семантически соотнесенного с ним глагола *достояти*¹⁵. Так, большинство примеров, зафиксированных с данным глаголом, относится к первой половине исследуемого периода: И о семь достоять рещи, о бывшей тогда помощи от благовѣрныхъ князеи (Пск. II лет.); ...но достоять от всякаго зла блюститесь всякому християнину (Домострой); Да намъ было господине, достоятъ о всемъ млѣчати по писаному (Посл. И. Вол.); А которо-го челоувѣка отецъ душевный не благословитъ за его непослушание, а онъ живетъ лѣта, а не знается, ни кается, недостоятъ ему дать святаго причастья (Акт. ист., I); ...не достоятъ царю християнскому на иноплемянники ходити воевати, достоятъ ему отъ находу боронитися (Пересвѣтов); ...именемъ по своему его злому делу не достоятъ его во имя мысленнаго или святаго назвати, но достоятъ его нареши: злыи челоовекоядный волкъ (Нов. пов.).

В функционально-семантической соотнесенности с рассмотренными глаголами находится зафиксированный ограниченными употреблениями безличный глагол *годитися*, имевший в древнерусском языке раннего периода значение непредвиденности

¹⁵ Ярким свидетельством такой соотнесенности могут служить уже ранние случаи тождественного функционирования данных глаголов (...мнѣ бо достоятъ своимъ царскимъ величествомъ ...че сего побѣдити ... но подобаетъ мнѣ побѣдити подобна себѣ нѣкоего великаго и силнаго и славнаго царя — Никон, лет., XI) или их взаимозамсны в эквивалентных контекстах (Великий же князь Михаил глагола им: «не достоятъ християномъ ходити сквозе огонь, ни кланятися, им же си кланяются» — Моск. лет.; ...християномъ бо не подобаетъ кланятися твари и идоломъ ихъ, но кланяемся отцу и сыну и святому духу — там же).

действия¹⁶. Ср.: А по правилом намъ самѣмъ, епископомъ, годится соборомъ поставити митрополита (Никон. лет., XI); Таковыхъ годится огнемъ жеши и иныя лютыя смерти имъ давати, чтобы лиха не множилося (Пересветов); А вамъ не годится в та дѣла вѣстуватися (Стоглав); ... намъ не годитца таковымъ обычаемъ государемъ своимъ служити (Посл. Ив. Гр.); ... негодится миряномъ попа ни судити ни казнити (Акт. ист., 1).

В рассматриваемый период происходят изменения и в группе предикативов со значением необходимости, касающиеся как их состава, так и функционально-семантической специфики. В группе несобственно модальных предикативов, объединяющихся с вышерассмотренными глаголами по общей морально-этической направленности реализуемого ими модального значения, происходит резкое сокращение модального функционирования весьма частотных в древнерусском языке предикативов *(не)лѣпо* и *(не)достоинно*. Они зафиксированы ограниченным числом примеров преимущественно в памятниках первой половины исследуемого периода: ... ни презвитеромъ, ни диакономъ лѣпо съ женами совокуплятися (Никон. лет., XII); О семъ же а еще ты молю, о служителю тайнъ Христовыхъ, удалися отъ пьянства... нелѣпо ти есть ѹпиватися (Акт. ист., 1); Намъ же лено по царскому твоему остроумию и богопреданней мудрости воспоминати ти яко государю и яко владыще (Посл. И. Вол.); Нѣсть достоинно такова челоуѣка отъ земли погубити, мудростию и храбростию украшена велми (Алекс.); ... и намъ того въ правду достойно ублажити и похвалити (Ж. Серг.); Тѣмже недостойно есть слушати стриголническихъ учений никакому крестянину (Акт. ист., 1); Достойно языкъ твой отъ челюстей исторгнути и с прочимъ теломъ псомъ предати за твое изуменье (Посл. Ив. Гр.).

Не получают развития в соответствующей модальной функции и малочастотные для древнерусского периода лексемы *(не)подобно* и *(не)добро*. Их модальное функционирование ограничено отдельными употреблениями, относящимися преимущественно к ранним памятникам старорусской письменности: Да подобно есть намъ с честию и з дарми срѣсти, благочестивъ же Александръ добро намъ сотворить (Алекс.); ... но паче же разумно словеса сказыюще, подобно симъ открывати, яко не утати ползу слышашимъ (Ж. Серг.); И по сѣмъ сгадаѣ есмь со княгинею Анною и съ своими дѣтьми, оже сихъ судовъ не подобно судити князю (Уст. княж.); Неподобно намъ тамо ити, но пошли изъ грекъ гречина (Сказ. о Вавилоне); Тайну цареву добро есть хранити (Ж. Серг.); Добро есть... намъ Александра пустити во градъ (Алекс.); Добро же паче шествовати царскимъ путемъ имъ же идоща святѣи отцы наши (Лег. о иноке); ...но

¹⁶ На это в частности указывает В. Л. Георгиева (Георгиева В. Л. Указ. соч. С. 258).

недобро ее часто пити, потому что крѣпость желудковую обезсилеваетъ (Назир.).

Столь активная тенденция к сокращению функционирования указанных предикативов связана с особым характером выражаемого ими модального значения, которое в силу функционально-семантической двухслойности данных лексем сопровождается качественной оценкой фиксируемого факта действительности, лишая соответствующее значение его «модальной чистоты». В плане сказанного вполне объяснимы примеры, зафиксированные уже в ранних памятниках старорусского периода, когда при наличии в предложении рассматриваемых предикативов соответствующее модальное значение актуализируется собственно модальным глаголом: Явно же бо нѣлпо и не подобает житиѧ нечестивыхъ питати, сиде не подобаетъ житиѧ святыхъ мужъ оставляти (Ж. Серг.).

В характере функционирования предикатива *должно* не наблюдается по сравнению с предшествующим периодом каких-либо заметных изменений. В памятниках старорусской письменности он встречен лишь в отдельных употреблениях: ...покорятися Ординскому царю должно (Никон. лет., XI); Длѣжноже есть и се увѣдѣти почитающимъ (Ж. Серг.); И тако должно сущимъ всѣмъ Епископомъ, княземъ... и всему христоименитому испльнению послушати его (Акт. ист., I); Аще бы и мы сие сотворили, несть дивно; но понеже бо сие должно нашему повелению в вашем служении быти (Посл. Ив. Гр.). В то же время повышается частотность модального функционирования краткого прилагательного *долженъ*, наиболее отчетливо передающего морально-нравственную направленность эксплицируемого значения необходимости: Сего ради должни суть благороднии и христолюбивии Князи послушати его и честь подаяти (Акт. ист., I); Онъ долженъ есть съяти и орати, и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежу свѣтлу и лѣлу чинити (Сказ. о Др.); И поистинне, иже великую власть прием, дателью области долженъ есть по силе подобитися (Посл. И. Вол.); ... и для того долженъ государь ваш, по апостолу, с радующимися радовати, а со плачущими плакати (Посл. Ив. Гр.). Модальный оттенок долженствования становится особенно очевидным в тех (наиболее многочисленных) примерах с прилагательным *долженъ*, в которых субъект действия выступает в форме первого лица: Длѣжни есмы тобѣ служба и дѣтемъ твоимъ главы своя положить (Ж. князя Дм. Ив.); ...и мы есмы должны о всѣхъ нашихъ положенныхъ писати и посылати къ великой его святыни о всемъ (Акт. ист., I); Паче жы нынѣ длѣжны есмы благодарити бога о всемъ (Ж. Серг.); ...видимъ тебя, государя, тверда во истиннемъ законѣ и за православие не щадя себя ... должни есмы вси единодушно помрети з безбожными сими Агаряны (Никон, лет., XIII); А мы, господине, за тебя должны бога молити о твоёмъ здравии и спа-

сении (Посл. И Вол.); ...а все по твоеи государя моего милости должен ...я за твое здорове ...бога молити (Пам. XVII в.); ...дайте мнѣ вамъ помянут о повинности которую повинностью я должен искати ползу церкви нашей (Вести).

Почти нет изменений в группе предикатов, в модальной семантике которых содержится дифференциальный признак 'потребность, нужда'. По-прежнему единичными употреблени-ями отмечается старославянский по происхождению предикатив *трѣбѣ* (*требе*): ...и тебе есть поучитися кто есть пострадавыи воскресе (Стоглав); И о том писать не тебе (Посл. Ив. Гр.). В аналогичной модальной функции также единичными употреблени-ями зафиксированы его дериваты: существительное *потреба* и предикатив *потребно*: ...Нам супротисловие ни единому еже от худейших советников его тогда потреба рещи (Посл. Ив. Гр.); Да о том много говорити ныне несть потреба (там же); И того ради потребно есть помогати ему каждому въ всѣх дѣлах (Моск. лет.); ...кому же то будеть того потребно ведати (Дух. гр., № 53). Единичными употреблени-ями по-прежнему отмечен и предикатив *нужно* (*нуждно*), а также сочетания существительного *нужда* (*нужа*) с глаголами *имѣти*, *быти*: И оттолѣ нужда ми бысть распытовати и выпрашати древних старцовъ (Ж. Серг.); Братству же умножившуся, имѣаху нужу велию отдалече воду приносити (там же); ...и еже слышах бывшая чюдеса, ово же и очима своима видех, нужда ми бысть писати (Сказ. Авр. Пал.).

1.2. Лексические модификаторы, выражающие значения объективной необходимости. Изменениями характеризуется также группа модификаторов, эксплицирующих значение необходимости, которая обусловлена различными внешними причинами (чьей-то волей, какими-либо обстоятельствами, общепринятыми законами и т. п.). При этом ряд соответствующих лексем, малочастотных и в древнерусском языке, продолжает подвергаться дальнейшему сокращению. Так, ограниченностью своих реализаций, относящихся в основном к книжным контекстам, характеризуется ст.-слав. глагол *довлѣти*: Преподобный же рече къ святителю... тебѣ довлѣть о насъ молитися (Ж. Римл.); ...а о хвалѣ и о красотѣ паки довлѣть тобѣ государю разсудити, что есть хвала и красота в хебуве (Хабува); ...и ихъ в Спасской монастырь Евфимьева во крестьянство отдать не довлѣть для того: по Новоуказаннымъ статьямъ по дѣдомъ вичуать отдавати не указано (Акт. гражд.); Нынѣ непоследѣ объявлено двадесяти статей о обстоянии снаряту, и про то довлѣть коему пушкарю вѣдомость имѣти (Уст. ратн. дел, 2). Лишь единичными примерами в функции экспликатора модального значения необходимости зафиксирован глагол *имѣти*: Имаши, господине, побѣдити супостата своя, елико довлѣть твоему государству (Сказ. о Мам. поб.); ...убити его имаши, нароку бо твоему всѣвѣдый помогаетъ (Алекс.). Также единичными при-

мерами употреблений в данной функции, относящимися к XV в., отмечено нами адвербиализованное существительное *неволя*: Неволя ми было не пристати къ Святополчу совету, ходя в руку его (Моск. лет.). В роли экспликатора значения необходимости, имеющего оттенок неизбежности, по-прежнему незначительным числом примеров зафиксировано адвербиализованное существительное *врѣмя*: Се, государь, время тебѣ ѣхати, яко бо убо биющимся твоимъ съ невѣрными (Никон. лет., XIII); ...время де мнѣ своимъ дѣломъ промышляти, чтобы государство свое утвердити и вѣра костеломъ Римская распространити (Иное Сказ.); ...се время пришло есть битися за отеческую землю (Алекс.); И нынѣ приспѣ ти врѣмя за ны молитися къ общему владыцѣ всѣх (Сказ. о Мам. поб.).

Рассматриваемый период характеризуется дальнейшей активизацией предикатива *надобѣ*, уже в древнерусском языке достаточно регулярно выступавшего в качестве экспликатора значения необходимости, реализация которого связана с обязательностью выполнения субъектом каких-либо конкретных условий, как правило бытового характера, часто закрепленных юридически. Следует отметить не только количественные изменения в функционировании *надобѣ*, но и значительное расширение сферы жанровой ориентации, свидетельствующее о приобретении данным предикативом стилистической нейтральности¹⁷. Ср.: ...а гдѣ ми будетъ надобѣ послати на свою службу твоего сына, и твоему сыну пойти безъ ослушания съ твоими людьми (Дух. гр., № 49—50); А потомъ не надоби вступатися в ты острова ни в ловища бояромъ ни селникамъ (Новг. гр., № 90); ...и тому попу и всему причту церковному не надобѣ имъ платити мой подъездъ... (Акт.-ист., 1); Надобе церковные вещи строити, святые иконы, и святые сосуди и книги (Посл. И. Вол.); А которые в лавкахъ торгуютъ и на домовной обиходъ покупаютъ всякую потребу... ино с теми, в вечере и на оупокои ...самому государю надобе сличатися с ними (Домострой); А вперед о той безлепице говорити много не надобе. (Посл. Ив. Гр.); ...аще бы подлино было что Христось имянуется хабувою, ино надобе пѣти на есть, а не на азъ (Хабува); ...никому розвезат не доведетца сего ради надобе всякому искат и норовит (Вести). Отметим также, что, наряду с *надобѣ*, в соответствующей модальной функции получили распространение и его морфологические дериваты: весьма широкое — *надобеть*, более ограниченное — *надобно*. Ср.: Во оутрии ж день поспешите, братия, надобет оурядитися: оуж бо гости наши ближают на рецѣ на Непрядве (Сказ. о Мам. поб.); ...здесь от нѣдруга надобет остерегатца, потому что онѣ здесь везде шарпают (Вести); И мы тебе то подлинно известили, а много говорить о том не надобеть: жена твоя у тебя нехто ее хватает,

¹⁷ В. Л. Георгиева относит этот факт к XVI в. (Там же. С. 272).

а и так еси одного для слова жены своей крови много пролил напрасно (Посл. Ив. Гр.); И то надобить обыскивати горазно чтобы напрасне продажи и бесчинниа бездѣльного не было (Стоглав); ...над вороты ж надобеть кровли или какие клѣтки учинити, чтобы были въѣздъ хорошии и сухи (Назир.); А надобно ему на тыхъ людехъ искати, котории поймали пиво и медъ за свои пенежи (Пск. гр., № 336); ...будет тебе надобно с нами ссылатися, и тебе было то учинити (Посл. Ив. Гр.); вода мутная камень множит и затканія жилъ того для после питія таковыя воды надобно есть восприяти ѣствы которые бы множили мочь (Назир.).

2. Невербальные способы выражения необходимости

В числе невербальных средств выражения модального значения необходимости ведущая роль в исследуемый период, как и в предшествующий, принадлежит конструкциям с независимым инфинитивом. Подобная функциональная роль других средств остается весьма незначительной.

2.1. Конструкции с независимым инфинитивом. В характере функциональной специализации инфинитивных предложений происходит укрепление тенденции, отчетливо проявившейся уже в древнерусский период. В связи с развитием делового языка, вызванным потребностями развивающегося Московского государства, инфинитивные предложения со значением необходимости прочно закрепляются за деловыми памятниками письменности, становясь наиболее-адекватной формой передачи сложных взаимоотношений субъекта и действия, «освященных законом». Регулярным синтаксическим фоном реализации соответствующего модального значения служат сложные предложения, в семантической обусловленности частей которых раскрывается характер данных взаимоотношений. Ср.: А цѣмъ владѣль Савелей Григорьевичъ и его братья... и имъ тѣмъ владѣти и дѣтямъ ихъ (Акт. ист., 1); ...а кто учнет меня обидети и тебѣ со мною стояти за однѣ (Ряз. гр.); А которому дадут татя, а велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно (Судебн.); А которому посаднику сести на посадничество, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судити право по крестному целованию (Пск. судная гр.); Аще богъ пошлет на него болезнь, или какую скорбь, ино врачеватися божиею милостью (Домострой); А кого онъ обесчеститъ: и тому доправить на немъ бесчестье, чтобы на то смотря въ церкви Божии никакова бесчинства не было (Улож. 1649 г.). Реже указанное модальное значение реализуется в рамках простого предложения: А докладной списокъ боярину печатати своею печатію, а диаку подписывати (Акт. ист., 1); Также и новгородцемъ изо всеи Новгородской волости торговати без пакости

по всей Литовьской земли (Новг. гр., № 70); А судные дела писати земьскому дьяку тое ж волости (Судебн.).

Реализующееся в подобных контекстных условиях значение необходимости содержит оттенок значения возможности '(не) иметь права для выполнения действия', который прослеживается особенно четко в отрицательных конструкциях: А недворцовому приставу не ѣздити по нихъ [лошадях] (Акт. ист., 1) 'недворцовый пристав не должен / не имеет права ездить на лошадях'; А въ воскресной день никого не судити и въ приказехъ не сидѣть, и никакихъ дѣлъ не дѣлати (Улож. 1649 г.) 'в воскресный день не следует / нельзя / не вправе никого судить'.

В исследуемый период расширяется функционирование инфинитивных конструкций со значением необходимости и в памятниках другой жанровой принадлежности, в том числе в тех из них, содержанием которых являются факты морально-этического порядка: Талантъ приахъ вышняго царя, о нем же и слово отдати ми есть о паствѣ пещися словесных овецъ (Ж. Серг.); ... после трапезы не оставатися в трапезе: за последнюю трапезу ести не ходити (Посл. И. Вол.); Аще ти с ними воевати, тогда и церкви ти разоряти, и иконы попирати, христиан погубляти (Посл. Ив. Гр.); Аще и тмочисленныя беды и скорби приидут, то вся терпети, а не вземше Москвы и врагом крови христианския неотомстивше не отити (Сказ. Авр. Пал.). Интерес представляют также инфинитивные конструкции, эксплицирующие значение необходимости, реализация которых связана с причинами конкретного характера. Подобные предложения встречаются преимущественно в описательных жанрах старорусской письменности: Государыня де наша... велела вам у себя быть на посольстве в городе Вынзоре в воскресенье... а ехати де вам к ней в город Вынзор завтра (Ст. сп. Писемск.); А мне, господине, про все скозати своему государю, а государю нашему о том на тебя писати к турскому салтану (Ст. сп. Новосильц.); А королю отити от Смоленска прочь со всеми людьми в Польшу (Сказ. Авр. Пал.); ...вахтѣмистер Бреда по нѣкоторые дни в уѣзде стоял и оттоле итти ему на Цылхъ (Вести); На взыскание наше молодцы з Дону все будут. Пашам вашим от них за море итти (Пов. об Азовск. сид.). В основе причин, обуславливающих соответствующее модальное значение, могут находиться также факторы объективно-постоянного характера. В подобных случаях эксплицируемое в рамках инфинитивных конструкций значение необходимости приобретает оттенок объективной закономерности: А от чини до Китаа итти сухом 6 мѣсяць (Хож. Аф. Ник.); А от Гурмыза итти морем до Галат 10 дни, а от Галаты до Кучьзрята 10 дни (там же).

Ограниченным числом примеров зафиксированы случаи реализации посредством инфинитивных конструкций близкого к

значению необходимости значения неизбежности (обязательной необходимости) выполнения действия, обусловленного причинами объективного характера, лежащими вне сферы влияния субъекта: Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоём раны великия, уже брате, лѣтъти главе твоей на траву ковыль, а чаду моему лѣжати на зельнѣ ковыль траве на полѣ Куликове (Задонщ.); Быть стуку и грому Великому на речке Непрядве, меж Доном и Днепром, покрытися трупами человеческими полю Куликову (там же); ...и мне погибнути от бога в гресе (Посл. И. Вол.); ...а нам, господине, и тебе под старость волочитися по чюжим монастырем (там же).

Особое место в группе рассматриваемых инфинитивных конструкций занимают предложения с частицей *бы*¹⁸, что обусловлено спецификой выражаемого ими модального значения необходимости, которое имеет в этих случаях смягченно-рекомендательный характер. Подобный семантический оттенок рассматриваемого модального значения создается совмещением в рамках инфинитивного предложения трех модальных планов: основной, объективной, модальности, квалифицирующей именуемое событие как ирреальное, предметной модальности, оценивающей его как необходимое, и субъективной, посредством которой выражается волеизъявление говорящего (его личная заинтересованность в осуществлении необходимого действия). Ср.: А торговати б русским и аглинским людем своими товары, а чюжих бы товаров, емлючи у иноземцев за свои товары, никому не привозити (Ст. сп. Писемск.); А себе бы им и тем смертию нашею учинить слава вечная (Пов. об Азовск. сид.); А ему бы у нас вся добрая творити, и закона бы нашего и устава ничем не разоряти (Нов. пов.); И им бы такожде быти в соединении и стати обще на отмщение крови христианския и приити в сход под царствующий град Москву (Сказ. Авр. Пал.). Два модальных плана — предметной модальности и модальности субъективной — совмещаются, когда говорящее лицо и субъект действия совпадают, то есть субъект выражен формой 1-го лица. В этом случае прослеживается совмещенное модальное значение необходимости / желательности: А посылати бы нам до послов своих с наукою и мощью супольною и достаточною (Посл. Ив. Гр.); ...а нам бы миритися межн себя так, как бы дело доброе непорушне утверждалося на добро хрестыанское (там же); ...и нам господине, нынѣ видѣвши нашу Божию милость... поминати бы грѣси своя, и о томъ бы плакатися (Акт. ист., 1). Подобные примеры в исследуемом материале ограничены.

В памятниках старорусской письменности отмечаются и не-

¹⁸ Формирование частицы *бы*, как полагают исследователи, относится к концу XIV—XV вв. (См., например: Тимофеев К. А. Заметки из истории инфинитивных предложений // Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. статей. Ред. кол. С. Т. Бархударов и др. М., 1956. С. 251).

которые другие (малочастотные) типы контекстов, эксплицирующих модальное значение необходимости.

2.2. Формы глагольного наклонения. Здесь мы выделяем конструкции с формами глаголов в изъявительном наклонении, в которых реализуется значение необходимости, содержащее семантический признак вынужденности. Актуализатором данного значения выступают лексические элементы контекстного окружения: ...и тѣм де готовлениемъ вся зима а люди ратные терпят нужу великую (Вести) 'вынуждены терпеть'; ...а того не вѣдаютъ что мы от неволи для ради гонения своего тако учинили (Вести) 'вынуждены были учинить'; ...от жажды вскоре людие изнемогут и неволею покорятся вашей храбрости (Сказ. Авр. Пал.); ...и так онъ князь Тимофѣи в сем дѣле много терпитъ (Пам. XVII в.); Того бо ради разлучися князь великий з братом, яко не вмѣстится имъ единою дорогою (Сказ. о Мам. поб.). В качестве актуализатора значения необходимости может выступать также семантическая обусловленность частей сложноподчиненных предложений с придаточными условными: Аще ли который отъ тѣхъ игумень... иметь отъиматися мирскими властелины от Святителя, такового божественная правила извергають и отлучають (Акт. ист., 1) 'должны извергнуть и отлучить'; А коли будетъ надобе город дѣлати, и митрополичьи люди софийскы задѣлываютъ свое мѣсто (Уст. княж.) 'должны строить свое место'; А кто кого поймает приставом в бою... а на суд итти не похотят, и оне доложат судьи да помирятся (Судебн.).

2.3. Конструкции с двойным отрицанием. Как и в предшествующий период, данные конструкции представлены единичными примерами. При этом, как правило, реализуются частные значения долженствования или вынужденности. Ср.: ...и намъ пришла нужда: нелзѣ намъ ему своему господину челомъ не ударити (Акт. ист., 1); И аще народ услышитъ глас твой, не могут не изглаголати доброты и смирения твоего (Сказ. о куре).

3. Выводы

Как показывает исследованный материал, в старорусском языке происходят некоторые эволюционные изменения в системе средств выражения модального значения необходимости. Наиболее обширную их часть по-прежнему составляют лексические безличные модификаторы, образующие ядро микрополя необходимости. В свою очередь, само ядро характеризуется сложностью структуры. В основе его находятся модификаторы, которые реализуют значение необходимости, обусловленной причинами морально-этического характера, — значение долженствования. В числе доминантных средств реализации именно

такого значения продолжает выступать глагол *подобати*, отличающийся прозрачностью модальной семантики, жанрово-стилистической нейтральностью и наиболее высокой частотностью. Одновременно наблюдается интенсивное сокращение употребительности и заметное движение к окраинной периферии таких семантически соотнесенных с ним модификаторов, как безличный глагол *достояти*, предикативы *(не)лѣпо*, *(не)достоинно*. На окраинной периферии в силу низкой частотности в модальной функции находятся лексемы *(не)подобно* и *(не)добро*. Вместе с тем обнаруживается тенденция к расширению сферы функционирования у находящегося в той же семантической зоне прилатательного *долженъ* и его деривата *должно*. Именно в этот период начинается их движение к центру поля. Низко-частотной остается группа модификаторов, содержащих семантический признак 'потребность, нужда'. Лишь несколькими примерами представлен предикатив *трѣбѣ*, редко встречаются в источниках и его дериваты — существительное *потрѣба* и наречие *потребно*. В единичных случаях в функции модального экспликатора наблюдается наречие *нужно (нужьдно)*. Не получают дальнейшего развития малочастотные в соответствующей модальной функции глаголы *довлѣти*, *имѣти*. Последний из них зафиксирован в памятниках этого периода единичными употреблениями. Значительные изменения, связанные с продвижением к центру рассматриваемого микрополя, наблюдаются у предикатива *надобѣ*, имеющего также дериваты *надобеть*, *надобно*. Заметно повышается частотность, расширяется сфера его функционирования с точки зрения жанровой ориентации, овидетельствуя о приобретении данным предикативом стилистической нейтральности. Из невербальных средств выражения значения необходимости по-прежнему выделяются предложения с независимым инфинитивом, уверенно сохраняющие приоритет в памятниках деловой письменности.

§ 4. МОДАЛЬНОСТЬ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ

Специфические особенности плана содержания функционально-семантического микрополя желательности, проявляющиеся в особой субъективной направленности связи субъекта и действия, определяют состав и группировку средств его репрезентации применительно и к старорусскому периоду. По-прежнему опорными среди них являются лексические модификаторы. При этом повышается частотность их функционирования, что связано с возникновением и развитием в рассматриваемый период новых, в первую очередь повествовательных, жанров, обращенных к конкретному человеку, с появлением зачатков психологизма при его изображении.

1. Лексические средства выражения желательности

В памятниках старорусской письменности зафиксирована обширная группа глагольных лексем, участвующих в сочетании с зависимым инфинитивом в реализации модального значения желательности; основную часть ее составляют личные формы глаголов, функционировавших в качестве модальных модификаторов и в языке предшествующего периода.

1.1. Собственно модальные глаголы. Ведущим среди них остается глагол *хотѣти*. Благодаря прозрачности и емкости модальной семантики, он сохраняет способность передавать различные частные значения желательности¹⁹, определяемые степенью «осознанности субъектом потребности в осуществлении действия»²⁰:

1) иметь желание выполнить действие: ...и хощеть отъ Бога въ страшное второе пришествие праведный гласъ слышати (Никон. лет., XIII); Аз убо единъ на сем мѣсте хотѣх безмлъствовати, богъ же въсхотѣ толику обитель въздвигнути (Ж. Серг.); ...тамо хошу суд прияти, елико от него пострадах душевне и телесне (Посл. Ив. Гр.); Хошем вси, княже, праведно служити тебе (Пов. о Февр.); Сей человекъ ищетъ подобна себѣ, аз хошу с нимъ видѣтися (Сказ. о Мам. поб.); Аз главу свою положити напред вас хошу за достояние богоматери и за свое благочестие (Пов. о ц. Динаре); Мнози же хотяще тому лже-Христу служити, и измены многи начаяша бывати (Сказ. Авр. Пал.); ...всякъ хотѣлъ такой великой торжественной праздникъ свѣтлое воскресенье дома праздновать (Вести);

2) иметь стремление выполнить действие: ...пресвященныи митрополитъ Филиппъ зело духомъ горяше и желаниемъ одръжимъ хотяше в ту же мѣру видѣти храмъ созданъ пречистей Богородици на Москвѣ (Моск. лет.); И самъ о томъ Магметъ-салтанъ много мыслить съ великою мудрости, хотѣлъ въру крестьянскую принять съ сердечной радости (Никон. лет., XII); Умилено бо видѣти и жалостно зрѣти таковыхъ русскихъ събраниа и учреждения ихъ, вси бо равнодушны, единъ за единого, другъ за друга хощеть умерети (Сказ. о Мам. поб.); Они же, слышавше от келаря сиа, зело умилилися и молиша его... хотяху вси умерети (Сказ. Авр. Пал.); ...и аки лютыя львы, всегда поглтити нас хотятъ (Нов. пов.); И тако начаша жити, яко же и прочии иноязычници еретици, и ко идолопоклонянию православныхъ християнъ всячески понуждати хотѣ (Илюс Сказ.);

3) иметь намерение выполнить действие: Мамай неотложно хощеть ити на великаго князя Дмитриа Ивановичя (Никон.

¹⁹ Актуализатором данных значений в предложении, как и в предшествующий период, выступает семантика лексических элементов контекста.

²⁰ Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., 1981. С. 49.

лет., XI); Филип, врач твои, ядовитым зелием уморити тя хо-
щет (Алекс.); ...приидоша поганые татаровя, хотят пройти
воюючи всю Рускую землю (Задонщ.); ...а язъ скоро хошу по
тебѣ ко царю ити и дань принесу (Сказ. о Др.); ...а в чет-
вертый день хошет царь главу мою отсеци, а товар мой на себя
хошет взять! (Пов. о Басарге); Государь деи московской с
Турским помирились, а нашего деи Крымского Турской хочет
извести (Ст. сп. Новосильц.); Он же в роспросе и с пытки ска-
зал, что подлинно подкопы поспевают, а на Михайлов день
хотят подставляти под стены и под башни зелие (Сказ. Авр.
Пал.); И пришед к ним, и думавъ съ братьею и с мужи сво-
ими, и хотяше ити къ Чернигову (Моск. лет.); Царь же Маг-
метъ-салтанъ... да помыслилъ съ своими сеиты... и хотѣлъ
греческихъ книгъ Настасию патриарху не отдати (Никон. лет.,
XII). Тогда же, господине, хотел есми к тебе отписати ино,
господине, не до того пришло — посетил господь бог немощию
(Посл. И. Вол.); Ненавидяй же добра дияволъ, хотя пакость
сотворити преподобному (Пов. о Римл.); И егда бысть вечер
уже, окааннии же литовские люди и руские изменники лукавст-
вующе, хотяше к стенам градным приити тайно и ползающе
(Сказ. Авр. Пал.);

4) пытаться выполнить действие: ...и Татарове многие въ
рѣку влѣзоша и хотѣша лѣсти за рѣку; и воевода великого кня-
зя... и иные воеводы не даша имъ рѣки прелѣсти (Никон. лет.,
XIII); И стояша погании ту 4 дни, и многажды хотяху пребре-
сти рѣку, и не возмогша (Пск. II лет.); Авесъ же повторити
хотя и ухватиша его, и меч у него исторгоша (Алекс.); ...и
прогна их в градъ и уже хотяху стѣну стѣяти (Пов. о вз.
Царьгр.); Они же, злии убийцы, аки волцы люти, напрасно хо-
тяху возхитити его (Пов. о нач. Москвы); А гражане противу
их стреляху... и начаху лествици приставляти к граду и на
стены хотяху взыти (Пов. о моск. взятии); ...и хотел граф по
рохмистра ударити и пспал по государыне (Вести); ...и уже
окаянии коснутися хотяху (Пов. о Марфе).

При выражении отрицательной желательности так же, как и
в предшествующий период, наблюдается нейтрализация частных
значений, на месте которых в этом случае выступает обобщен-
ное значение 'не иметь желания выполнить действие': Всеволод
же не хотяше взяти града, и они же не хотяху правитися к нему
(Моск. лет.); И такового ради смирения Сергей не хотяше по-
ставления поповства или игуменства взяти (Ж. Серг.); но не
хошу слышати врагов своих, пленуших жребий богоматери и
данныя нам от нея державы (Пов. о ц. Динаре); И понуди их
старецъ хлѣба ясть, — ани не хотять хлѣба ясть (Ж. Клопск.);
...онѣ же не хотѣша послушати мене и едва повинувовшиися на-
шей худости (Пов. о Римл.); Он же отрицаешся и не хотяше из
дому изити (Пов. о нач. Москвы); А он, окаянный, тем делом не
токмо сыну прочитъ, но и сам zde жити не хошет... (Нов. пов.);

...Они ни на кого не хотят посягати а за себя стояти хотят (Вести); Московские же велможи не хотяху ево во двор ко князю пустити, неверствия ради (Ск.-Шуйск.).

В большинстве модальных конструкций с глаголом *хотѣти* последний выступает в форме изъявительного наклонения, участвуя в реализации реального значения желательности. В конструкциях же с данным глаголом в форме сослагательного наклонения, по-прежнему малочастотных, рисунок соответствующего модального значения является более сложным, связанным со структурой предложения. Так, в составе сложного предложения эксплицируемое значение желательности имеет характер обусловленности. При этом, если соответствующее условие реально, то и желательность является реальной: Нынѣ же, аще богъ подасть, хотѣль убо бых писати от самого рожества его (Ж. Серг.); Хотѣль бых отока того видети, аще вамъ годно есть (Алекс.). При нереальном условии желательность соответственно получает характер нереальности: А не хотѣль бы язъ тобѣ государю служити, и язъ бы, государь и у князя у Юрья выслужилъ (Акт. ист., 1); Кто ли бы хотѣль тобѣ убить, то всему свѣту кровникъ бы былъ (Алекс.); Мнѣ убо ваша помощь не добръ удобна: нѣ аще бых азъ нынѣ хотѣль своею силою великою древнии Иерусалимъ плѣнити и азъ бы древний Иерусалимъ плѣнилъ (Сказ. о Мам. поб.). В простом же предложении реализацию получает значение реальной желательности, которое в этом случае сопровождается дополнительными смысловыми оттенками. Ср.: Но хотѣла бых сына имѣти тя (Алекс.); ...Глаголаше же к нему: «Отче, хотѣл бых свободитися от маловременнаго и суетнаго свѣта сего...» (Моск. лет.).

По-прежнему многочисленными примерами представлены случаи употребления форм краткого причастия от глагола *хотѣти*. Подавляющее большинство соответствующих употреблений связано с выражением потенциальной желательности, реализация которой может стать возможной лишь после осуществления действия, названного глаголом-сказуемым: Князь же великий Семень... самъ оттуду поиде къ Угрѣ рець, хотя ити къ Смоленску (Моск. лет.); Видѣвъ же Дорифъ, приступи к нему, хотя его убить (Алекс.); ...и прочие князи в семисотъ погнаша в слѣд Домонта, хотяше его руками яти... (Сказ. о Др.); Цесарь же, возьмъ боляр, поиде по стенам града, хотяше видети ратных (Пов. о вз. Царьгр.); Он же, хотя желание свое исполнить, рече (Пов. о Февр.); ...князь Дмитрий Шамяка поиде на Углич, хотя выпустити великого князя и дѣти (Пов. об ослепл. Вас.); И абие вскоре с Сопегою устремишися на Красную гору поперек всех троичких людей, хотяше во един час всех потребити (Сказ. Авр. Пал.).

Применительно к исследуемому периоду зафиксировано функционирование трех префиксальных дериватов от *хотѣти* — *восхотѣти* (*всхотѣти*), *похотѣти* и *захотѣти*. Имея грамматиче-

ское значение совершенного вида, они выражают значение желательности, отнесенной преимущественно в план прошлого. Наиболее частотный из названных дериватов глагол *восхотѣти*, употребительный также и в памятниках древнерусской письменности, в значительной степени сохраняет традицию преимущественного функционирования в книжных контекстах: Деонисей же епископ суждальский возхотѣ ити ко Царюграду, желаше бо и самъ на митрополскомъ столѣ себя видѣти (Никон. лет., XI); Князь же великий Василей Дмитриевич... подумав, восхотеша призвати на помощь святую богородицу (Пов. о Т.-Акс.); Тогда бысть велий плач в людях и рыдание, что не восхоте поднятися святыи (Пов. о Мерк. Смол.); Безвѣрный же трупиа своих людей не восхотѣ взяти помышляше мѣтати их пороки в град, да согниют и усмердят град (Пов. о вз. Царьгр.); Собра же таковаго имѣния многое множество и восхотѣ на то кунное собрание воздвигнути церковь и согради монастырь (Пов. о Шиле); И всѣде на избранный свой конь... и въсхотѣ преже всѣх самъ битися с погаными от великиа горести душа своѣя (Сказ. о Мам. поб.); ...и Богъ милосердый злокозненнаго ихъ помысла не восхотѣ исполнити (Иное Сказ.); ...и гордости и ненависти не восхотеша многи от християньска рода царя избрати и ему служити (Нов. пов.); Слава же ся в мире сем царь Борис... и по смерти его возгордесе той бусурман, не восхоте поклонитися восприемником того престола (Сказ. Авр. Пал.). Дериват же *похотѣти*, напротив, тяготеет к контекстам, отражающим разговорную речь: И царь и великий князь розмѣнитца велѣлъ и посломъ отказати велѣлъ и потому дѣлати не похотѣлъ, что царь непригоже писалъ (Никон. лет., XIII); И он похотел тут поести и испити — за жажду, а не за прохлад (Посл. Ив. Гр.); ...и онъ Гришка похотѣ ѣхати къ воеводѣ Киевскому ко князю Василию Острожскому (Иное Сказ.); ...и пѣхота не похотели итти что им платеж не сполна дошло (Вести); ...а будет государь они не похотят добром зделатца и ты их пожалуй государь к суду вели поставит (Пам. XVII в.). Что касается деривата *захотѣти*, то он применительно к исследуемому периоду зафиксирован незначительным числом употреблений, не имеющих стилистической маркированности: И князь великий захотѣлъ съ обжы по полу-гривнѣ (Никон. лет., XII); И братья почали волноватися, иные захотели из монастыря пойти вон (Посл. И. Вол.); ...захотѣли они тут и остатца (Вести).

Интерес представляют пока еще немногочисленные случаи употребления безличных форм от глагола *хотѣти* (и его префиксальных дериватов), которые в сочетании с инфинитивом реализуют значение произвольного желания²¹, возникающее

²¹ Чернова С. В. Предложения с безличной формой глагола и инфинитивом в современном русском языке: Автореф. канд. дис. М., 1982. С. 6.

при наличии косвенного субъекта: И мнѣ де славы и богатства земнаго не хочетца не токмо видѣти, но и слышати (Иное Сказ.); ...в село нам ехати не хочетца, да королю есмь не спорники (Ст. сп. Воронц.); Накормили вы их головами вашими, как у турского Азов взяли, а топеря им опять хочется плоти вашей (Пов. об Азовск. сид.)²²; Хотелося мне, молодцу, с богатыми поводится, да мочь моя мала (Азб. о гол. чел.); ...дѣло учинилос безхитросное не пьянством и не иным чѣмъ похотѣлося в теплѣ поспать (Пам. (XVII в.).

Применительно к рассматриваемому периоду сохраняет свои основные функционально-семантические признаки другой собственнo модальный глагол — *желати*. Характеризуясь высокой стилистической окрашенностью, он по-прежнему ориентирован на книжные контексты: И ничтоже паче того познахъ и разумѣвъ, но точию желяхъ умрѣтвится мирови в разлучитися от житиа сего прелестнаго (Никон. лет., XII); ..коиждо желаше с многым тщанием приблизитися и прикоснутися честнѣмъ телеси его (Ж. Серг.); Землю Рускую управляше, на престолѣ сѣдяше... а в чернечьскыя ризы по вся дни облещися желаше (Ж. князя Дм. Ив.); ...молюся челоувѣколюбцу Богу... хотѣниемъ же желяю видѣти предѣлъ богоспасаемая вашей земли и васъ своихъ дѣтей благословити (Акт. ист., 1); На христианский же род никаких мучительных сосудов не умышляем; но паче за них желяем противу всех врагов их не токмо до крови, но и до смерти пострадати (Посл. Ив. Гр.); Присно бо желяеши кроткихъ сердца лютостию възъярити и немилосердиемъ распалити (Иное Сказ.); Блажен еси источниче запечатленный, искипевый воду живу, его же разумная невещественная существа желяют напиться (Сказ. Авр. Пал.). Наглядной демонстрацией повышенной стилистической направленности глагола *желати* могут служить немногочисленные примеры соответствующего функционирования его префиксальных дериватов: Но азъ убо от многа врмени и всею мыслью моею и желаниемъ вжелях сего, еже жити ми единому в пустыни (Ж. Серг.); ...Желаниемъ возжелях ангельскаго образа иноческаго ...не сподобихся грех моих ради и нищеты (Пов. об Улиании Осор.). Вместе с тем в некоторых контекстах глагол *желати* получает стилистически сниженную окраску: И ты... своя злобы не разсмотря, сицевыми и скудоумными глаголы... нелепая глаголеши, и раба своего благочестия не стыдишися, и не желяеши подобная тому сотворити своему владыше (Посл. Ив. Гр.).

Немногочисленны употреблены краткого причастия от глагола *желати* в функции, синонимичной функции соответствующих причастий от глагола *хотѣти*²³: Они же скрѣгташа зубы на

²² В данном примере инфинитив восполняется из контекста.

²³ Подобные формы весьма частотны в современном русском языке. См.: Сухотин В. П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. М., 1960. С. 62.

нь своими, желающе насытитися крове его (Моск. лет.); Како же убо ты не наречешися враг креста христова... яко чести мимотекущего света сего желая насладитися (Посл. Ив. Гр.); Он же на ложе в тосках мечущеся и биущеся и стонущеся и кричаще люте зело, аки зверь под землею, и желая отца духовнаго (Ск.-Шуйск.).

Семантически и стилистически соотнесенный с глаголом *желати* глагол *жадати*, представленный применительно к предшествующему периоду ограниченным числом употреблений, в данный период еще более сокращает свое функционирование. Нами отмечены лишь отдельные случаи его употреблений, почти все из них относятся к старорусским памятникам XV в. Ср.: Ньнѣ же отъ всѣхъ сихъ освободився, и сице жадаю [освободитися], ащѣмъ же образомъ желаетъ елень на источники водныя (Ж. Серг.); ...господине Князь Юрьи ...писаль ко мнѣ грѣшному, яко издавна жадаю видѣтися съ тобою (Акт. ист., 1); Живѣ и здравѣ есть и жадаеть видѣти такого царя Поря (Алекс.).

Имеют место также единичные случаи использования в соответствующей модальной функции краткого прилагательного *жаденъ*, этимологически соотнесенного с *жадати*: ...жаден ...есмь видети отрока того (Алекс.); ...а я про ваше государей своихъ здоровъ со усердиемъ слышатъ жаденъ (Пам. XVII в.); ...а я про-ваше государей своихъ многолѣтнее здорове и зъ женишкою со усердиемъ вседушно с радостію жадни слышатъ по всякъ часъ (там же)²⁴.

Что касается глаголов *волити* и *изволити*, зафиксированных в памятниках древнерусской письменности с частным значением 'иметь намерение выполнить действие', то изменения в характере их функционирования связаны, с одной стороны, с дальнейшим сокращением употребительности глагола *волити*, ограниченной лишь единичными примерами (ср. ...великий государь ...на ихъ посолство и на королевскую грамоту волитъ имъ отвѣтъ учинити инымъ временемъ — Кн. зап. Моск. ст., 1), а с другой стороны, с некоторым расширением жанрово-стилистической направленности глагола *изволити*: наряду с употреблением в книжных контекстах он встречается также в памятниках деловой письменности, в документах частной переписки. Ср.: Тое же весны мая въ 9 поиде Пиминъ митрополитъ въ Царьгородъ и изволи плыти по водѣ Волгою к Сарая (Моск. лет.); Млеко ссущимъ отрокомъ не подобаетъ в царскихъ домахъ наптитися, не изволихъ и толстыхъ мясъ ясти (Алекс.); ...никто же дрѣзняше писати о немъ: большіе убо яко не изволяху [писати], а меньшіе яко не смеяху (Ж. Серг.); ...и не послуша заповѣдей Божиихъ, и въ законъ Его не из-

²⁴ Последние два примера примечательны тем, что в них рассматриваемое прилагательное в сочетании с инфинитивом глагола *слышати* выступает как своеобразная форма вежливого обращения, принятого в эпистолярном жанре.

волиша ходити (Пов. о вз. Царьгр.), ...но изволиша от иноверных и от безбожных царя изыскати и ему служити (Нов. пов.); И по времени нѣкоемъ изволи князь Иванъ Петровичъ дозрити царского жалования (Иное Сказ.); Мати же его... изволи прѣбывати в велицей лавре Вознесения (Сказ. Авр. Пал.); ...а рознь о порубежныхъ дѣлехъ меж папоу и здышним государствомъ помирено и папа изволилъ противъ турского на помоч дати (Вести); ...а я приволокуся после Семени дни как великий государь изволит итти в поход (Пам. XVII в.).

1.2. Несобственно модальные глаголы. В этой группе происходят еще более заметные изменения.

Выше мы уже обращали внимание на семантическую несочтвенность глаголов *хотѣти* и *рачити*, отмечая, что в ряде случаев между ними фактически не ощущается различия. Такое существование семантически тождественных слов приводит к лексической избыточности, неприемлемой для языковой системы, и неизбежно порождает конкуренцию лексических средств²⁵. Так как глагол *рачити* с самого начала своего функционирования в языке в качестве модального экспликатора намного уступал по частотности глаголу *хотѣти* и поскольку, будучи несобственно модальным, он был в известной степени отягощен смысловыми оттенками своего лексического значения, то постепенно он вытесняется глаголом *хотѣти*. В текстах исследуемого периода он встречается в модальной функции крайне редко, причем преимущественно в первой половине периода (XV—XVI вв.): Младенец же не рачи приати никако же от чюддиа матери питатися (Ж. Серг.); ...и государю вашему его милости государские наша милость рачил отписати волю свою сокровенно... (Посл. Ив. Гр.); ...также не рачить собиратель по ряду въ сосудъ влагати возрастомъ ихъ величества... (Врем.).

Продолжается активное модальное функционирование в языке разножанровых памятников старорусской письменности глагола *мыслити* с его префиксальными производными *помыслити*, *умыслити*, *замыслити*, *възмыслити*²⁶, эксплицирующих частное значение желательности 'иметь намерение выполнить действие'. При этом сохраняется традиция преимущественного выражения желательности, связанной с негативными замыслами субъекта, что особенно последовательно прослеживается при реализации префиксального деривата *умыслити*²⁷. Ср.: Мыслиль есмь не

²⁵ Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. С. 223; Алимпиева Р. В. Семантическая значимость лексической единицы и проблема синонимии / Вопросы семантики. Калининград, 1984. С. 3 и сл.

²⁶ Последние два из приведенных префиксальных дериватов зафиксированы ограниченным числом примеров.

²⁷ Это связано со значением приставки *у*, которая обозначает «направленность действия», «полноту проявления действия» (МАС). Ср. в Сл. Даля: «умыслить ...замышлять, задумать вред, зло, крамолу».

крьмити его, яко не от мене ся есть родиль (Алекс.); ...не озираемъ назадъ, ни мыслимъ бѣжати (Никон. лет., X); И воставше от сиа мыслихом взяти кубокъ с виномъ и нести ко царю (Сказ. о Вавилоне); И по совету злыхъ изменниковъ своихъ и советниковъ мысляше во уме своемъ злую мысль изменную уловлети... (Ск.-Шуйск.); Онъ же, злодѣй, мало побывъ тако, пакы помысли къ князю Юрью отѣхати (Никон. лет., XIII); И сию неизреченную Порову силу македоняне видѣвше и прочии языцы, убояшася зело, помыслиша Александра предати Пору (Алекс.); И здатися помышляху, понеже видяху конечную погибель себѣ (Иное Сказ.); ...и помысли своими бояры креститися (Сказ. о Др.); И помыслил во злохитромъ своемъ уме того непоколебимого нашего столпа покачати (Нов. пов.); Пресвѣтлѣишии королъ свѣискои... помыслил тое воину и вперед совершати (Вести); И биша его нещадно по всему телу и умыслиша ему дати рану смертную (Пов. о Т.-Ак.); И умысли персин прияти Иверию и попрали веру ихъ (Пов. о ц. Динаре); И князь Федоръ умыслил прежде меня отогнати з братьею с лутчею, да какъ не будетъ насъ въ монастыре, и ему волно будетъ грабити (Посл. И. Вол.); И умыслиша звати его въ поле на ловъ зверей (Пов. о нач. Москвы); ...иноковъ умысли окаянный женити, а инокинъ замужъ давати (Иное Сказ.); ...и Баязытъ деи былъ умыслил бежати на Русь ко государю, царю и великому князю, да и побегалъ на Крымъ (Ст. сп. Новосильц.); А въ нынешние времена безо всякой вины и причины ты всчалъ въ нашемъ кесарствѣ ...нашихъ подданныхъ воевати и умыслилъ до послѣднего расточити (Вести): Врагъ же той розстрига умысли с еретики посещи всякого чина (Сказ. Авр. Пал.).

Интереснымъ съ точки зрѣнія выявленія модальной специфики рассматриваемыхъ глаголовъ является и слѣдующій примѣръ: ...замыслили и умыслили во всемъ великомъ и сильномъ нашемъ государствѣ ...одни врата затворити и замки закрѣпити, а другіе буттосѣ отворити (Нов. пов.). Употребленіе разноприставочныхъ дериватовъ отъ глагола *мыслити* въ одномъ контекстѣ создаетъ определенную градацию въ осуществленіи соответствующаго типа связи субъекта съ дѣйствіемъ, подчеркивается этапность развитія модальнаго значенія: 1) появленіе мысли, замысла, 2) возникновеніе твердаго, устойчиваго желанія, намеренія осуществить дѣйствіе.

Слѣдуетъ отметить отдѣльные случаи употребленія въ роли экспликатора частнаго значенія 'имѣть намереніе выполнить дѣйствіе' несогласованнаго краткаго страдательнаго причастія отъ *мыслити* (и его дериватовъ). Въ подобныхъ конструкціяхъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ деловой письменности, реализація рассматриваемаго модальнаго значенія осуществляется черезъ связь дѣйствія съ косвеннымъ субъектомъ, что придаетъ данному значенію несколько обьективизированный характеръ: ... и у нихъ было однолично мышлено итти къ Архангельскому городу грабит

торговых кораблей (Вести); ...и у начальных людей в Агленской землѣ умышлено не токмо денгами пособляти ческим людем мѣсячно, но и всякою казною (там же).

Соотносимый по характеру выражаемого модального значения с глаголом *мыслити* глагол *думати* (а также его префиксальный дериват *сѣдумати*) в языке старорусской письменности, так же как и в древнерусских памятниках, представлен единичными примерами употреблений: Князь же великий съ отцем своим Фотѣм митрополитом... здумаша послати къ князю Юрию отца своего Фотѣя митрополита (Моск. лет.); И здумали оне с княгинею извести князя Бориса Суздальского (Пов. о нач. Москвы); ...им по прежнѣму денег ни становѣнь дали толко думают ихъ побить (Вести).

В значении, близком к модальному значению желательности, передаваемому глаголами *мыслити* и *думати*, но с выражением еще более рационального подхода к осуществлению желаемого действия, зафиксирован единичными употреблениями глагол *решити*. Будучи многозначным, в сочетании с инфинитивом он реализует одно из своих значений 'после долгих обдумываний прийти к заключению о целесообразности выполнения какого-либо действия' (МАС): На пятую Пасху решилъ я на Русь ийти (Хож. Аф. Ник.).

Дальнейшим сокращением модального функционирования характеризуется глагол *мнити* (*мнѣти*), зафиксированный единичными употреблениями, относящимися в основном к первой половине исследуемого периода: Не тако бо аз напрасно мнѣхъ бракъ твои сотворити (Алекс.); Он же мняшеся убежати от них, но скоро многими постижен бысть (Пов. о Т.-Акс.); И мнятся окаянный астрологию непостижимый Божий промыслъ предрицати (Иное Сказ.).

Не снижается применительно к старорусскому периоду частотность глагола *тщатися* (*потщатися*), реализующего частное значение желательности 'иметь стремление выполнить действие'. Сферой его преимущественного функционирования по-прежнему остаются книжные контексты: Велможи же, иже есть амиры, видяще съвѣтому велию честь отъ салтана тѣхася ови къ рукамъ, иницъ къ мантии прикоснутися (Никон. лет., X); Пречюдный же уноша с радостию общася послужити има до живота по вся дни (Ж. Серг.); Тою же казнию тѣтится иныи в гордостный ровъ вovreци бывшего архиепископа Серапиона (Посл. И. Вол.); Света же во тѣмъ предлагати не тѣсуся, и сладкое горькое не прозываю (Посл. Ив. Гр.); ...ни единъ другъ отъ друга вспятитися не хотяше, но тѣшася единъ другаго поразити (Иное Сказ.); И аще будетъ зять мой призрит на мое смирение, аз же потщуся в дому его и пребывати (Пов. о Марфе); Литва же тѣшася вскоре на градъ взыти и придвигнуша щиты на колесехъ (Сказ. Авр. Пал.).

По-прежнему низкой частотностью, хотя и некоторым рас-

ширением жанрово-стилистической направленности, характеризуются глаголы *надѣяться* и *чаяти*, эксплицирующие частное значение 'иметь стремление выполнить действие', определяемое надеждой субъекта на возможность его осуществления: Азъ свята мужа Сергіа яко же слышахъ, тако и надѣахся видѣти его въ мнозѣ чти (Ж. Серг.); ...и надеяся теми своими силными слезами и молитвенными словесами... от себя и от всех нас тех общих наших видимых врагов отгоняти (Нов. пов.); ...подлинно гетманы их надеются градъ взяти подкопы и тяжкими приступы (Сказ. Авр. Пал.); ...и он еще и пуще на наших людей стал напират и надѣялся всѣхъ побити (Вести); ...а сами спѣшили за царемъ по его наказу государеву, а чаяли его въ войнѣ застати (Никон. лет., XIII); И яко утрудиша стѣну, навадив, стрѣлиша из болшия пушкы, уже чаяху разорити стѣну (Пов. о вз. Царьгр.); Шпанских людей добръ много было ...чаяли отнят дорогу стадную через Маастрихъ (Вести).

Глагол *покушати*, зафиксированный применительно к предшествующему периоду отдельными употреблениями в функции экспликатора частного значения 'пытаться выполнить действие', в памятниках старорусской письменности представлен также единичными случаями реализаций, относящихся к первой половине исследуемого периода: И покушахуся искати слышимого, и не обрѣтаху (Никон. лет., XIII); ...и паки приступами повседневными на градоную стену покушаютьца восходити (Пов. об осаде Пск.).

Аналогичный характер функционирования имеет и соотносящийся с данным глаголом по модальной семантике глагол *искати*, соответствующие употребления которого также приходятся на первую половину старорусского периода: ...и бысть зла крамола в земли ихъ, и искаша братъ брата убити (Моск. лет.); Смятоша бо ся ...киждо бо своего супротивника искаше побѣдити (Лет. о Кул. б.); И от книгочина Аполонowych и волхвовъ искаше увѣдати, каковъ убо отрога сие хочеть быти (Алекс.).

Дальнейшим резким сокращением употребительности в функции экспликаторов значения желательности характеризуются модально полисемантические модификаторы, к числу которых относятся глаголы *терпѣти*, *мочи*, прилагательное *готовѣ*. Все немногочисленные случаи их соответствующего функционирования приходятся на первую половину периода.

2. Невербальные способы выражения желательности

Средства грамматического контекста в силу функционально-семантической специфики модального значения желательности продолжают составлять незначительный пласт в общей си-

стеме средств его выражения. Среди них выделяем формы наклонения и инфинитивные предложения.

2.1. Формы глагольного наклонения. Конструкции с изъявительным наклонением по-прежнему выражают модальное значение '(не) иметь желания выполнить действие'. Утвердительное значение желательности носит характер потенциальности, готовности субъекта выполнить соответствующее действие в будущем (или в настоящем). Грамматическими атрибутами данного значения являются глагол в форме будущего простого (или настоящего) времени и субъект предполагаемого действия в форме 1-го лица: ...люиди, княже, не стряпаа, ради есми тобѣ, аще ли будетъ брань, то и с дѣтьми бьемся за тя (Моск. лет.) 'готовы / хотим биться за тебя'; Ты велиши нас бити и ухватити, а мы к царству твоему сами идемъ (Алекс.) 'сами готовы / хотим идти'; А коли приде ваше слово ко мнѣ и язъ ваше слово прииму (Новг. гр., № 57); Они же отвещаваху: «Мы вси умрем за церкви божия и за тебя» (Пов. о вз. Царьгр.); И глагола царь: «Не изыду из града, умру с вами за свое отечество» (Пересветов).

Отрицательное же значение желательности, напротив, преимущественно отнесено к плану прошлого. Соответствующий модальный оттенок прослеживается через семантику глагольных форм изъявительного наклонения, большинство из которых или относится к глаголам восприятия, или называет действие, возможность реализации которого связана с возможностями самого субъекта. Ср.: ...юнѣ же не послуша, но вознесеся гордостю своею и посрамися (Никон. лет., XI) 'не захотел послушать'; Великий же князь велми держа нелюбы на Великий Новгород и владыки не послуша, но хотяше ити къ Новгороду (Моск. лет.); Дорифъ же матери своей не послушаше (Алекс.); ...азъ же, обьятъ дияволскимъ искушениемъ... не послушахъ ихъ (Акт. ист., 1); Учитель же его съ многымъ прилежаниемъ учаше его, но отрокъ не внимаше... (Ж. Серг.); И не послуша их царь да рече (Пересветов); И не покоришася имъ Псковичи и не выгнаша от себя князя (Моск. лет.); Да внегда аще случашеся матери его пищу нѣкую вкусити... тогда никакже младенецъ съсцу касашеся (Ж. Серг.); Преподобный же стояше на камени, аки на столпѣ, и никакже схожаше, моляся Богу день и ночь... (Пов. о Римл.).

Конструкции с сослагательным наклонением в качестве экспликатора значения желательности, как и в древнерусской письменности, в старорусских памятниках представлены единичными примерами. Все они, входя в состав сложных предложений с ирреальной модальностью, выражают значение ирреальной желательности: Шел бы я в город и купил бы себе сукна и сшил бы шубу с королки, да тем лишь што животы та у меня коротки (Азб. о гол. чел.); Да по двю месяцу писание

прислал бы ми с тобою на се же место, и аз бы с радостию и без сумнения к Москве из Казани приехал (Врем.).

2.2. Инфинитивные предложения. Несколько шире сравнительно с предшествующим периодом представлены в соответствующей модальной функции инфинитивные предложения, в которых можно выделить две группы. Одну из них составляют независимые инфинитивные предложения с частицей *бы*, весьма отчетливо эксплицирующие значение желательности: ...бусурманы... убили в нем государя... до конца искоренили вы веру христианскую... так бы нам над вами учинить нынче с обрасца вашего (Пов. об Азовск. сид.) 'мы бы хотели также учинить над вами'; ...только бы ему своя воля сотворити и великая бы слава учинити, что всеми бы нами обовладели, и нам бы под рукою его быти ...и ему бы своих подручников в великом государстве нашем посадити (Нов. пов.); ...а мнѣ бы слыша про твое многолѣтное здравье о бозе радоватца (Пам. XVII в.). Более сложный характер модального значения, представляющего собой контаминацию значения желательности и частного значения возможности 'не иметь права для выполнения действия', прослеживается в предложениях без частицы *бы*: ...да и ныне говорим: пришли есмь от государя своего к вашему государю, а не к советником его, а в село нам по их велению не езживати (Ст. сп. Воронц.) 'а в село мы не хотим / не вправе ехать'. Другую группу рассматриваемых инфинитивных конструкций составляют зависимые инфинитивные предложения, выполняющие функцию придаточных изъяснительных. Модальная функция данных предложений состоит в выражении действия, желательного для субъекта, замышляемого им, соответствующие указания на это содержатся в главном предложении: А Всеволод нача замышляти, како бы взяти град (Моск. лет.); Мысля мы, бедная, умом своим, чтобы умереть не в ямах нам и по смерти бы учинить слава добрая (Пов. об Азовск. сид.); И начать же помышляти лукавый той рабъ, како бы ему исторгнути корень богоизбранный царьский (Иное Сказ.).

3. Выводы

Как показывает исследованный материал, относящийся к старорусскому языковому периоду, основной пласт в системе средств выражения модального значения желательности, как и в древнерусском языке, составляют лексические модификаторы — глаголы, реализующие данное значение в сочетании с зависимым инфинитивом.

В центре группы лексических конститuentов микрополя желательности, образуя его ядро, по-прежнему находятся собственно модальные глаголы, роль доминанты среди которых продолжает уверенно выполнять глагол *хотѣти*. Отличаясь ем-

костью модальной семантики, стилистической немаркированностью, данный глагол сохраняет способность эксплицировать модальное значение желательности в многообразии его частных проявлений, характеризуется неограниченностью употреблений в разножанровых памятниках старорусской письменности. О расширении модальных функций глагола *хотѣти* свидетельствует использование его префиксальных дериватов, а также случаи (правда, пока еще ограниченные) употребления безличной формы, посредством которой передается значение непроизвольного желания. В функционировании других собственно модальных глаголов наблюдаются некоторые изменения. Так, с одной стороны, продолжается активное сокращение частотности глаголов *жадати*, *волити*, малоупотребительных уже в древнерусском языке, с другой — намечается определенное расширение сферы реализации глаголов *желати* и *изволити*: продолжая входить в состав лексических средств книжной речи, они появляются и в языке демократических жанров старорусской письменности, выступая в отдельных случаях в качестве стилистических средств. Заметные изменения в функционально-семантической специфике наблюдаются и у несобственно модальных глаголов, участвующих в сочетании с инфинитивом в реализации отдельных частных значений желательности. Так, в течение рассматриваемого периода практически прекращает модальное существование находящийся в наиболее тесной семантической соотнесенности с *хотѣти* глагол *рачити*. Значительно сокращают частотность модальных употреблений глаголы *мнити* (*мнѣти*), *чаяти*, *искати*, *надѣятися*, *покушатися*, ограниченностью жанрово-стилистической направленности характеризуется глагол *тщатися*. Вместе с тем расширяется сфера модального функционирования глагола *мысли* и его префиксальных дериватов, выражающих частное значение 'иметь намерение выполнить действие'. На окраинной периферии микрополя желательности в силу низкой частотности находятся модально полисемантические глаголы *мочи*, *терпѣти*, краткое прилагательное *готовѣ*, входящие в микрополе возможности.

Что касается грамматических (невербальных) конститuentов рассматриваемого микрополя, в число которых входят формы наклонений и инфинитивные предложения, то они, как и в предшествующий период, характеризуясь низкой частотностью, а также семантической многослойностью эксплицируемого модального значения, продолжают занимать окраинно-периферийное положение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обратившись к анализу функционально-семантической категории модальности с точки зрения эволюции средств ее выражения, мы сконцентрировали внимание на ее периферийном фрагменте — предметной модальности, поскольку последняя, реализуясь в значениях возможности, необходимости, желательности, имеющих свои собственные средства выражения и образующих соответствующие микрополя, отражает через них диалектически сложный характер отношений объектов реальной действительности, конкретизирует, семантически расшифровывает ядро рассматриваемой функционально-семантической категории — объективную модальность — и тем самым в известной степени определяет содержательную специфику категории в целом.

Диакронический анализ микрополей возможности, необходимости, желательности, проведенный на материале двух синхронных языковых срезов (древнерусского и старорусского периодов), позволил установить характер их взаимосвязи и исторической изменчивости. Прежде всего анализ показал, что данные микрополя, отражая диалектическую близость соответствующих философских категорий, органически соотнесены между собой и в то же время имеют свои специфические черты, сказывающиеся на особенностях взаимодействия предметной модальности с модальностью объективной. Их общим признаком является, в частности, то, что ядро плана выражения каждого из рассматриваемых микрополей образуют не грамматические, а лексические модификаторы. Причем состав ядра остается в целом достаточно устойчивым на протяжении всего исследуемого периода. Особой устойчивостью характеризуются доминанты микрополей возможности и желательности — собственно модальные глаголы *мочи* и *хотѣти*, емкость модальной семантики и высокая степень грамматикализации которых

дают им способность наиболее адекватной экспликации соответствующих модальных значений во всем разнообразии их частных проявлений, обусловленных многообразием типов отношений субъекта (предмета) и действия (предикативного признака), а их стилистическая немаркированность создает возможность широкого функционирования в текстах различной жанровой принадлежности. Периферийное (и также в целом устойчивое) положение занимают несобственно модальные модификаторы, для которых выполнение модальных функций является факультативным и малочастотным.

Вместе с тем на протяжении рассматриваемого периода истории русского языка происходят (или намечаются) некоторые изменения в составе и модальной семантике отдельных конституентов микрополей, которые касаются прежде всего модальных предикативов, выражающих модальные значения через отношения между косвенным субъектом и действием. Подобные изменения наблюдаются, например, в группе модальных предикативов со значением возможности / невозможности, где происходит перегруппировка соответствующих модальных пар: с одной стороны, *мощно* (*мочно*) — *льзѣ*, с другой — *не мощно* (*не мочно*) — *нельзѣ*. Активизируясь в языке памятников старорусской письменности, лексемы *мощно* (*мочно*) и *нельзѣ* продвигаются к центру микрополя и образуют новую, ведущую модальную пару. Другие же компоненты прежних пар — предикативы *не мощно* (*не мочно*) и *льзѣ*, напротив, обнаруживают тенденцию к сокращению функционирования, причем особенно отчетливо она проявляется у предикатива *льзѣ*, который к концу исследуемого периода практически исчезает из языка. Одновременно расширяется употребительность модального предикатива *невъзможно*, находящегося по характеру своей модальной семантики в отношениях дополнительной дистрибуции с предикативом *нельзѣ*. Специфические особенности наблюдаются также в выражении модального значения необходимости, отличающегося от других входящих в предметную модальность значений повышенной степенью объективированности в силу соответствующей объективации отношений субъекта (преимущественно косвенного) и действия. Этот факт обуславливает наличие в составе ядра данного микрополя главным образом безличных конституентов — безличных глаголов и предикатов. При этом само ядро имеет сложную структуру. Основу его составляют лексические модификаторы, эксплицирующие частные значения объективно-субъективной необходимости, актуализаторами которой являются причины морально-этического характера. Доминантное положение среди них на протяжении всего рассматриваемого периода занимает глагол *подобати*. В то же время происходит заметное движение в сторону периферии функционально-семантически соотнесенных с ним конституентов: безличного глагола *достояти*, предикативов

(не)лѣпо, (не)достоинно. Одновременно начинается движение к центру микрополя периферийного для первой половины рассматриваемого периода лексического модификатора *долженъ*, а также его деривата *должно*. Происходят некоторые изменения в группе средств выражения значений объективной необходимости, обусловленной какими-либо внешними по отношению к субъекту причинами (обстоятельствами или общепринятыми законами, часто закрепленными юридически). Здесь уже к концу XV в. заметно расширяется функциональная роль и происходит движение к центру микрополя модального предикатива *надобѣ* (*надобно*), современным дериватом которого является предикативное наречие *надо*.

Невербальные способы выражения рассматриваемых модальных значений, среди которых в числе основных применительно ко всем соответствующим микрополям выступают формы глагольного наклонения и инфинитивные предложения, сохраняют относительную неподвижность в течение всего исследуемого периода, занимая в целом периферийное положение. Причиной последнего является, во-первых, яркая стилистическая маркированность некоторых из грамматических модификаторов (например, последовательная ориентация предложений с независимым инфинитивом на деловую речь), а во-вторых, многослойность выражаемого грамматическими конститuentами модального рисунка, в котором зачастую переплетаются модальные значения различных рангов, в том числе значения объективной и субъективной модальности.

Одной из важных особенностей микрополей предметной модальности, отчетливо обнаружившейся в процессе диахронического исследования, является их взаимопроницаемость, что находит выражение в наслоении, перекрещивании соответствующих модальных значений и средств их репрезентации. Так, при анализе материала были отмечены случаи экспликации модального значения желательности и необходимости посредством доминанты микрополя возможности глагола *мочи*. Об определенной диффузности границ рассматриваемых микрополей свидетельствуют примеры модальной полисемии таких лексических модификаторов, как глаголы *имѣти*, *терпѣти*, краткое прилагательное *готовѣ* и др., а также ряда невербальных средств выражения предметной модальности, например, форм глагольного наклонения, конструкций с независимым инфинитивом, некоторых типов сложных предложений.

Выполняя исследование на материале двух синхронных срезов в истории русского языка, мы стремились создать по возможности полное представление о системе средств, эксплицирующих значения предметной модальности, и выявить те их эволюционные изменения, которые происходили в период, непосредственно предшествовавший начальному этапу формирования русского национального языка. Изучение последующей

эволюции в системе рассмотренных средств даст возможность более глубоко понять их современное состояние, определить перспективы их дальнейшего движения, а значит, приблизиться к разгадке сложной, но столь притягательной природы языковой модальности.

СОКРАЩЕНИЯ

Источники

Азб. о гол. чел. — Азбука о голом и небогатом человеке // Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954.

Акт. гражд. — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 1—2. Киев, 1860—1863.

Акт. ист., 1—3 — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 3 т. СПб., 1841—1842.

Алекс. — Александрия // Памятники литературы Древней Руси. 2-я пол. XV в. М., 1982.

Вести — Вестик-уранты 1630—1639 гг. М., 1972.

Вопр. Кир. — Вопросы черноризца Кирика новгородскому епископу Нифонту и другим духовным особам с их ответами // Памятники российской словесности XII в. М., 1821.

Врем. — Временник Ивана Тимофеева / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.

Г.-Вол. лет. — Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.

Дв. гр. — Двинские грамоты // Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.

Девг. д. — Девгениево деяние // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.

Домострой — Домострой // Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку. М., 1908.

ДТП, IV — Дела Тайного приказа. Кн. 4. Л., 1926.

Дух. гр. — Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. М., 1909.

Ерм.-Ер. — Клибанов А. И. Сборник сочинений Ермолая-Еразма // Труды ОДРЛ. 1960. Т. 16.

Ефр. Корм. — Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1, вып. 1. СПб., 1906.

Ж. Авр. Смол. — Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему (полная редакция) // Памятники древнерусской литературы. Вып. 1. СПб., 1912.

Ж. Евфр. — Житие преподобного Евфросина Псковского. СПб., 1909.

Ж. Епиф. — Житие Епифания Кипрского // Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Ж. Клопск. — Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958.

Ж. князя Дм. Ив. — Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // Памятники литературы Древней Руси. XIV—сер. XV века. М., 1981.

Ж. Мефод. — Житие Мефодия Моравского // Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Ж. Невск. — Житие Александра Невского // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.

Ж. Ниф. — Житие преподобного и богоносного отца нашего Нифонта, зовомого мниха // Матеріяли з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. Одеса, 1928.

Ж. Римл. — Сказание о житии преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина // Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. СПб., 1860.

Ж. Серг. — Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV — сер. XV века. М., 1981.

Ж. Февр. — Житие и мучение Февронии // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Ж. Феод. — Житие Феодосия Печерского // Там же.

Задонщ. — Задонщина // Памятники литературы Древней Руси XIV — сер. XV века. М., 1981.

Изб. — Изборник 1076 года / Под ред. С. И. Коткова. М., 1965.

Иное Сказ. — Так называемое Иное Сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13, вып. 1. Л., 1925.

Ипат. лет. — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 23. М., 1956.

К. Тур. — Сочинения Кирилла Туровского. Рукописи графа А. С. Уварова. Т. 2. СПб., 1858.

Клим. Смол. — Никольский Н. К. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892.

Кн. зап. Моск. ст. — Записные книги Московского стола // Русская историческая библиотека. Т. 9. СПб., 1884.

Лег. о иноке — Легенда о прельщенном иноке // Памятники старинной русской литературы. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. 1—2. СПб., 1860.

Лег. о сапожниках — Легенда о двух сапожниках // Там же.

Лет. о Кул. б. — Летописная повесть о Куликовской битве // Памятники литературы Древней Руси. XIV — сер. XV века. М., 1981.

Мол. Зат. — Моление Даниила Заточника, Чудовский список // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.

Моск. лет. — Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.

Муч. Вита — Житие и мучение блаженных мучеников Вита, Модеста и Крестяниция // Успенский сборник. М., 1971.

Муч. Иринии — Мучение святой мученицы Иринии // Там же.

Муч. Христ. — Мучение святого мученика Христофора // Там же.

Назир. — Назиратель / Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.

Никон. лет. IX—XIII — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 9—13. СПб., 1862—1906 (воспроизведение текста изданий 1862—1906 гг. — М., 1965).

Нов. пов. — Новая повесть о преславном Российском царстве // Русская повесть XVII века. М., 1954.

Новг. гр. — Новгородская грамоты // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Новг. лет. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Пам. канон. пр. — Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2, вып. 1. Пг., 1920.

Пам. XVII в. — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М., 1965.

Пат. печ. — Патерик Киевского Печерского монастыря // Памятники славянорусской письменности. Т. 2. СПб., 1911.

Пересветов — Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1950.

Пов. Ам. — Аммония мниха повесть о убиенных св. отцах в Синае и Раифе // Памятники древней письменности. Т. 83. СПб., 1890.

Пов. вр. л. — Повесть временных лет. Ч. 1 / Под ред. В. П. Адріановой-Перетц. М.; Л., 1950.

Пов. Ефрема — Повесть блаженного Ефрема // Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Пов. о Басарге — Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле. Л., 1969.

Пов. о Благ. церкви — Повесть о Благовещенской церкви // Памятники литературы Древней Руси. XIV—сер. XV в. М., 1981.

Пов. о брани — Повесть о некоей брани, належащей на Великую Россию // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13, вып. 1. Л., 1925.

Пов. о вз. Царьгр. крест. — Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.

Пов. о вз. Царьгр. — Повесть о взятии Царьграда турками // Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958.

Пов. о Марфе — Повесть о Марфе и Марии // Русская повесть XVII века. М., 1954.

Пов. о Мерк. Смол. — Повесть о Меркурии Смоленском // Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958.

Пов. о моск. взятии — Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша // Там же.

Пов. о нач. Москвы — Повесть о начале Москвы // Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964.

Пов. о Петре — Повесть о Петре, царевиче ордынском // Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958.

Пов. о плен. И. — Повесть пророка Иереми о пленении Иерусалима // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Пов. о пут. Иоанна Новг. — Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе // Памятники литературы Древней Руси. XIV—сер. XV века. М., 1981.

Пов. о раз. Ряз. — Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949.

Пов. о Римл. — Повесть об Антонии Римлянине // Памятники старинной русской литературы. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. 1—2. СПб., 1860.

Пов. о Т.-Акс. — Повесть о Темир-Аксаке // Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958.

Пов. о Февр. — Повесть о Петре и Февронии Муромских // Там же.

Пов. о ц. Динаре — Повесть о царице Динаре // Там же.

Пов. о Щиле — Повесть о Щиле, посаднике Новгородском // Памятники старинной русской литературы. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. 1—2. СПб., 1860.

Пов. об Азовск. сид. — Повесть об Азовском осадном сидении // Русская повесть XVII века. М., 1954.

Пов. об осаде Пск. — Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторнем // Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958.

Пов. об ослепл. Вас. — Повесть об ослеплении Василия II // Памятники литературы Древней Руси. XIV—сер. XV века. М., 1981.

Пов. об Улиянии Осор. — Повесть об Улиянии Осорьиной // Русская повесть XVII века. М., 1954.

Пов. Поливия — Повесть Поливия // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Посл. Вас. Новг. — Послание Василия Новгородского // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Посл. Ив. Гр. — Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.

Посл. И. Вол. — Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.

Поуч. Ильи — Поучения архиепископа Ильи // Павлов А. Неизданный памятник русского церковного права XII в. СПб., 1890.

Поуч. Мон. — Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси. XI—нач. XII в. М., 1978.

Похв. св. Андрея — Похвала святого отца Андрея архиепископа Критского // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Пск. II лет. — Псковская 2-я летопись (Синодальный список) // Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.

Пск. гр. — Псковские грамоты // Грамоты великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Пск. судная гр. — Псковская судная грамота середины XV в. // Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. М., 1951.

Пут. иг. Дан. — Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII в. СПб., 1864.

Пч. — Пчела // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Рус. Пр. — Русская Правда (полная редакция) по списку Новгородской Кормчей 1282 г. // Карский Е. Ф. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930.

Ряз. гр. — Рязанские грамоты // Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край / Под ред. С. И. Коткова. М., 1978.

Сев. лет. — Севернорусский летописный свод 1472 года // Памятники литературы древней Руси. Вторая пол. XV века. М., 1982.

Син. пат. — Синайский патерик / Под ред. С. И. Коткова. М., 1967.

Сказ. Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицына / Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955.

Сказ. Агап. — Сказание Агапия // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Сказ. о Б. и Г. — Сказание о Борисе и Глебе // Там же.

Сказ. о Вавилоне — Сказание о Вавилоне граде // Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958.

Сказ. о Др. — Сказание о Дракуле // Повесть о Дракуле. М.; Л., 1964.

Сказ. о куре — Сказание о куре и лисице // Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954.

Сказ. о Мам. поб. — Сказание о Мамаевом побоище // Памятники литературы Древней Руси. XIV — сер. XV века. М., 1981.

Сказ. о чуд. Р. и Д. — Сказание о чудесах Романа и Давида // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Ск.-Шуйск. — Повесть о смерти воеводы М. В. Скопина-Шуйского // Русская повесть XVII века. М., 1954.

Сл. Григ. — Слово святого Григория // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Сл. Зат. — Слово Даниила Заточника (Академический список) // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.

Сл. Злат. — Слово Златоуста // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Сл. Злат. на Возн. Экз. — Слово Златоуста на Вознесенье Экзарха // Там же.

Сл. Злат. о блудн. — Слово Златоуста о блуднице // Там же.

Сл. Злат. о дев. — Слово Златоуста о девицах // Там же.

Сл. Злат. о кресте — Слово Златоуста о честном кресте // Там же.

Сл. Злат. о самарян. — Слово Златоуста о самарянине // Там же.

Сл. Злат. о св. — Слово Златоуста о всех святых // Там же.

Сл. Злат. о терп. — Слово Златоуста о терпении // Там же.

Сл. Илариона — Слово Илариона о законе и благодати // Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // Slavica. Ročn. 32. Seš. 2. Praha, 1963.

Сл. о плк. Иг. — Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.

Сл. черн. — Слово чернеца дамаскинского // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Смол. гр. — Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.

Стоглав — Стоглав. М., 1913.

Ст. сп. Воронц. — Статейный список И. М. Воронцова // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1954.

Ст. сп. Новосилец. — Статейный список И. П. Новосильцева // Там же.

Ст. сп. Писемск. — Статейный список Ф. А. Писемского // Там же. Судебн. — Судебники XV—XVI веков / Под общей ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952.

Улож. 1649 г. — Соборное Уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. М., 1907.

Уст. княж. — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.

Уст. ратн. дел., 2 — Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки в 1607 и 1621 гг. Ч. 1—2. СПб., 1777—1781.

Флав. — Мещерский Н. А. История «Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.

Хабува — Майков В. Послание к патриарху Гермогену о злоупотреблении в церковном пении «хабува» // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911.

Хож. Аф. Ник. — Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986.

Хож. Дан. — Хождение игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.

Хож. Стеф. Н. — Хождение Стефана Новгородца // Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934.

Словари

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948—1965.

КрЭС — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

КСДРЯ — Картотека словаря древнерусского языка.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1957—1961.

Сл. Даля — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

Сл. Преображенского — Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.

Сл. Срезневского — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам: В 3 т. СПб., 1893—1912.

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—12. М., 1975—1987.

Сл. Фасмера — Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964—1973.

Сл. Шанского — Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского: В 2 т. М., 1963—1982.

ССЯ — Slovník jazyka staroslovenskeho. Т. 1—38. Praha, 1958—1985.

Языки

авест. — авестийский

болг. — болгарский

в.-луж. — верхнелужицкий

гот. — готский

греч. — греческий

др.-в.-н. — древневерхненемецкий

др.-инд. — древнеиндийский
др.-лат. — древнелатинский
др.-пруск. — древнепруский
др.-руск. — древнерусский
и.-е. — индоевропейский
исл. — исландский
ирл. — ирландский
лат. — латинский
лит. — литовский
лтш. — латышский
нов.-в.-н. — нововерхненемецкий
прасл. — праславянский
сербохорв. — сербохорватский
словен. — словенский
ст.-слав. — старославянский
чеш. — чешский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Способы выражения предметной модальности в древнерусском языке (XI—XIV вв.)	28
§ 1. Предварительные замечания (28). § 2. Модальность возможности (29). 1. Лексические средства выражения возможности (31). 2. Невербальные способы выражения возможности (47). 3. Выводы (54). § 3. Модальность необходимости (55). 1. Лексические средства выражения необходимости (56). 2. Невербальные способы выражения необходимости (65). 3. Выводы (68). § 4. Модальность желательности (69). 1. Лексические средства выражения желательности (70). Невербальные способы выражения желательности (81). 3. Выводы (82).	
Глава II. Способы выражения предметной модальности в старорусском языке (кон. XIV—сер. XVII вв.) и их эволюционные изменения	85
§ 1. Предварительные замечания (85). § 2. Модальность возможности (86). 1. Лексические средства выражения возможности (86). 2. Невербальные способы выражения возможности (103). 3. Выводы (107). § 3. Модальность необходимости (109). 1. Лексические средства выражения необходимости (109). 2. Невербальные способы выражения необходимости (115). 3. Выводы (118). § 4. Модальность желательности (119). 1. Лексические средства выражения желательности (120). 2. Невербальные способы выражения желательности (129). 3. Выводы (131).	
Заключение	133
Сокращения	137
Источники (137). Словари (141). Языки (141).	

Научное издание

Светлана Сергеевна Ваулина

**Эволюция средств выражения
модальности в русском языке
(XI—XVII вв.)**

Редактор *А. П. Башмакова*

Обложка художника *Л. И. Блиновой*

Художественный редактор *В. В. Пожидаев*

Технический редактор *А. В. Борщева*

Корректоры *Н. М. Каплинская, Н. В. Ермолаева*

ИБ № 2850

Сдано в набор 23.11.87.	Подписано в печать 31.03.88.	Формат 60×90 ^{1/16} .
Бумага тип. № 2.	Гарнитура литературная.	Печать высокая. Усл. печ. л. 9.
Усл. кр.-отт. 9,25.	Уч.-изд. л. 9,88.	Тираж 1054 экз. Заказ № 19. Цена 2 руб.
Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.		

Типография Изд-ва ЛГУ им. А. А. Жданова. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

2 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Репринтное издание

Ваулина Светлана Сергеевна

ЭВОЛЮЦИЯ
СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (XI—XVII ВВ.)

Монография

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 01.09.2025 г.
Дата выхода в свет 22.09.2025 г.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 10
Тираж 500 (1-й завод 220 экз.). Заказ 1628

ФГУП «И и Т газеты «Страж Балтики» Минобороны России
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15